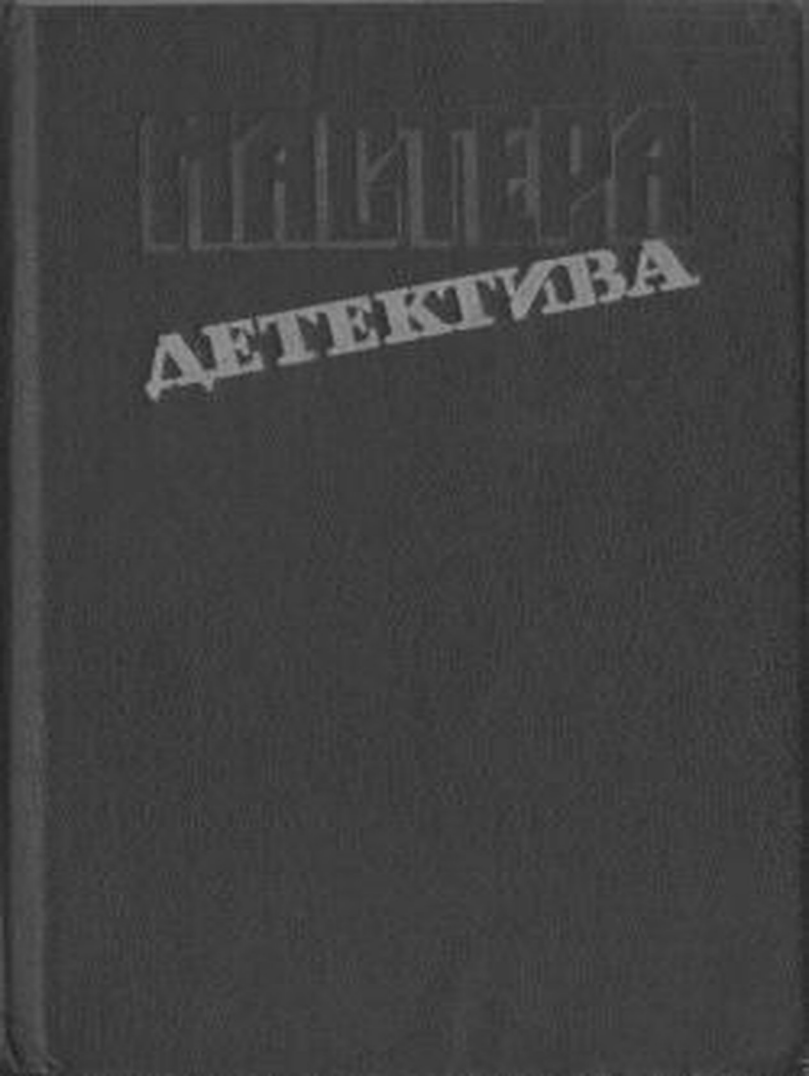
ДЕТЕКТИВА

Три гроба
Джон Диксон Карр

Аннотация
Джон Диксон Карр. Три гроба
Первый гроб. ЗАГАДКА КАБИНЕТА УЧЕНОГО
  УГРОЗА
  ДВЕРЬ
  ФАЛЬШИВОЕ ЛИЦО
  НЕВОЗМОЖНОЕ
  СЛОВА-ЗАГАДКИ
  СЕМЬ БАШЕН
  ПОСЕТИТЕЛЬ ГАЙ ФОКС
  ПУЛЯ
Второй гроб. ЗАГАДКА КАЛИОСТРО-СТРИТ
  ОТКРЫТАЯ МОГИЛА
  КРОВЬ НА ПИДЖАКЕ
  УБИЙСТВО-КОЛДОВСТВО
  КАРТИНА
  ТАИНСТВЕННАЯ КВАРТИРА
  ЦЕРКОВНЫЕ КОЛОКОЛА
  СВЕТ В ОКНЕ
Третий гроб. ЗАГАДКА СЕМИ БАШЕН
  ПАЛЬТО-ХАМЕЛЕОН
  ЛЕКЦИЯ ДОКТОРА ФЕЛЛА

КАМИН
БЕСПЛОТНЫЙ ЧЕЛОВЕК
ДВЕ ПУЛИ
РАЗГАДКА

Аннотация

Детективный роман (его оригинальное название «The Three Coffins»; на русском он издавался также под названиями «Человек-призрак», «Три могилы»), в которой постоянный герой Д.Д. Карра доктор Гидеон Фелл читает своим соратникам по расследованию и, главным образом, читателям романа лекцию о детективных уловках, связанных с разрешением классической детективной загадки, известной как «загадка комнаты, запертой изнутри».

Джон Диксон Карр
Три гроба

Первый гроб
ЗАГАДКА КАБИНЕТА УЧЕНОГО

УГРОЗА

Каких только самых невероятных предположений нельзя было услышать, когда речь заходила об убийстве профессора Гримо и еще об одном, происшедшем через некоторое время на Калиостро-стрит. И не без оснований. Те из друзей доктора Фелла, кто любит необыкновенные приключения, вряд ли найдут в перечне расследованных им дел более фантастическое или ужасное. И в одном, и в другом случае преступник должен был быть не только невидимым, но и легче воздуха. Как уверяют свидетели, после первого убийства он исчез в буквальном значении этого слова. Другая жертва пала от его руки посреди улицы, однако прохожие, которые были тогда в разных ее концах, убийцу не видели; не оставил он на снегу и своих следов.

Старший инспектор полиции Хедли никогда, конечно, не верил в домовых и колдунов и был прав. А если и вы не верите в колдовство, то со временем вам все станет понятно. Но кое-кто заинтересовался, не была ли фигура убийцы пустой оболочкой и не окажется ли она без шляпы, черного пальто и невидимой маски, как это

описано в известном произведении мистера Герберта Уэллса. Во всяком случае, было в ней что-то жуткое.

Мы говорим «как уверяют свидетели». Но относиться к любым свидетельствам, поскольку они не исходят из вполне надежного источника, следует очень осторожно. А поэтому, чтобы избежать путаницы, надо сразу же сказать читателю, чьим свидетельствам он может верить безоговорочно. Иными словами, необходимо считать, что кто-то говорит правду, ибо иначе не будет никакой тайны, а следовательно, и вообще никакого сюжета.

Вот почему следует иметь в виду, что мистер Стюарт Миллз, секретарь профессора Гримо, рассказывал правдиво по крайней мере о том, что видел сам, ничего не прибавляя и ничего не пропуская. Кроме того, надо иметь в виду, что свидетели с Калиостро-стрит — мистер Шорт, мистер Блэквин и констебль Уизерс — тоже говорили достоверную правду.

Следовательно, одно из событий, предшествовавших преступлению, нуждается в обстоятельном описании. Мы рассказываем о нем по запискам доктора Фелла, с теми важными подробностями, которые ему и старшему инспектору Хедли в свое время сообщил Стюарт Миллз.

Событие произошло в задней комнате ресторана «Уорвик» на Мьюзием-стрит в среду, шестого февраля, вечером, за три дня до убийства.

Профессор Шарль Верпе Гримо в Англии прожил около тридцати лет и по-английски говорил без акцента. Хотя он отличался некоторой экспансивностью, особенно когда был возбужден, и привык носить старомодную, с квадратным верхом шляпу и черный галстук шнурком, Гримо во многих отношениях был больший британец, чем его друзья. О его прошлом знали мало. Человек достаточно обеспеченный, он не хотел сидеть без дела и извлекал из этого неплохую прибыль. Профессор Гримо был преподавателем, популярным лектором и писателем. Немного сделав как писатель, он занимал неоплачиваемую должность в Британском музее и имел доступ к рукописям, в которых речь шла, говоря его словами, о «бескорыстном колдовстве». Это бескорыстное колдовство было его пристрастием, на котором он и сколотил капитал. Профессора интересовали любые проявления сверхъестественного — от вампиризма до «черной мессы» в честь дьявола. Он сидел над такими рукописями с детским удовольствием, усмехаясь, время от времени качая головой, и наконец за свое пристрастие

получил… пулю в грудь.

Гримо был рассудительный человек с насмешливыми огоньками в глазах. Говорил он быстро, короткими фразами, гортанным голосом и имел привычку беззвучно смеяться, не открывая рта. Роста он был среднего, но отличался могучей грудной клеткой и чрезвычайно большой физической силой. Все, кто жил по соседству с музеем, знали его черную с сединой, коротко подстриженную бороду, его очки, ровную походку маленькими быстрыми шагами, манеру здороваться, порывисто поднимая шляпу или делая широкий взмах зонтиком.

Жил Гримо сразу за углом в крепком старом доме на западной стороне Рассел-сквер. Кроме него, в доме жили его дочь Розетта, экономка мадам Дюмон, секретарь Стюарт Миллз и нахлебник профессора Дреймен, в прошлом учитель, который теперь присматривал у Гримо за книгами.

Но немногих настоящих друзей профессора Гримо можно было встретить в основанном им своеобразном клубе в ресторане «Уорвик» на Мьюзием-стрит. Члены этого неофициального клуба собирались четыре-пять раз в неделю в заранее заказанной уютной задней комнате ресторана. Хотя комната и не была собственностью

клуба, посторонние посетители попадали туда не часто, а кто и попадал, желанным гостем там не был. Чаще всего в клуб заходили суматошный, низенького роста и лысый Петтис — авторитетный знаток историй с участием привидений, газетчик Менген и художник Бернаби. Но душой клуба, его признанным доктором Джонсоном[1] был профессор Гримо.

Он властвовал. Почти каждый вечер на протяжении целого года, кроме субботы и воскресенья, когда он оставался работать дома, профессор Гримо в сопровождении Стюарта Миллза отправлялся в «Уорвик». Там он садился в свое любимое плетеное кресло перед пылающим камином и, держа в руках стакан горячего рома с водой, охотно поучал присутствующих. Дискуссии, по словам Миллза, проходили оживленно, хотя никто, кроме Петтиса и Бернаби, серьезно профессору Гримо не возражал. Профессор был учтив, но имел вспыльчивый характер. Присутствующие охотно слушали его рассуждения о колдовстве подлинном и колдовстве фальшивом, когда мошенничество потешается над доверчивостью. Он по-детски увлекался мистикой, а рассказы-

[1] Примечания: 1

Джонсон Самюэл (1709–1784) — знаменитый английский критик, лексикограф, эссеист.

вая про средневековое колдовство, мог, словно в детективном романе, неожиданно объяснить тайну колдовства. Эти вечера имели какой-то аромат посиделок в сельском кабачке, хотя и происходили среди газовых фонарей Блумсбери.[2] Так продолжалось до шестого февраля, когда в открытую дверь вдруг ворвалось, словно порыв ветра, ощущение беды.

Миллз уверяет, что в тот вечер яростный ветер поднял снежную метель. Около камина, кроме профессора Гримо, сидели Петтис, Менген и Бернаби. Профессор, размахивая сигарой, рассказывал легенду о вампирах.

— Правду говоря, меня удивляет ваше отношение ко всему этому, — заметил Петтис. — Я, например, изучаю лишь удивительные приключения, которые на самом деле никогда не случались. И одновременно я в определенной мере верю в привидения. Вы же — авторитетный специалист в области происшествий, в которые мы вынуждены верить, если не можем их опровергнуть. И одновременно вы не верите и слову из того, что сделали важнейшим в своей жизни. Это все равно, как если бы в железнодо-

---

[2] Примечания: 2
Район в центре Лондона.

рожном справочнике написали, что поездами в качестве средств передвижения пользоваться нецелесообразно, или же издатель «Британской энциклопедии» в предисловии предупредил, что ни одна статья в ней не заслуживает доверия.

— А почему бы и нет? — резко спросил Гримо хриплым голосом, едва открывая рот. — Мораль же вам понятна?

— Наверное, он переучился и немного спятил, — высказал свое мнение Бернаби.

Гримо не отводил взгляда от огня и сосал, словно ребенок мятную конфетку, свою сигару, держа ее в центре рта; он казался разгневанным больше, чем это бывает после неудачной шутки.

— Я знаю очень много, — заговорил он после паузы, — и уверяю: нигде не сказано, что каждый священник — обязательно верующий. Но речь о другом. Меня интересуют происшествия, связанные с предрассудками. Откуда пошли предрассудки? Почему люди начали в них верить? Вот вам пример. Мы вспоминали легенды про вампиров. В наши дни вера в них сохранилась преимущественно па славянских землях. Согласны? Она распространилась в Европе из Венгрии между тысяча семьсот тридцатым и тысяча восемьсот тридцать пятым годами. Ну, а как в

Венгрии добыли доказательства, что мертвецы могут оставлять свои могилы и летать в воздухе в виде соломенной шляпы или пуха, пока приобретут человеческий облик для нападения?

— И есть доказательства? — спросил Бернаби.

— Иногда во время эксгумации на церковных кладбищах находили трупы исковерканные, с кровью на лице и руках. Вот вам и доказательство. А почему бы и нет? — пожал плечами Гримо. — В те годы свирепствовала чума. Представьте себе бедняг, которых похоронили живыми, думая, что они мертвые. Представьте, как они пытались выбраться из гроба, пока на самом деле не умирали. Теперь вы понимаете, джентльмены, что я имею в виду, когда говорю про настоящие происшествия, а не про предрассудки. Именно они меня и интересуют.

— Меня они тоже интересуют, — прозвучал незнакомый голос.

Миллз уверяет, что не заметил, заходил ли кто-нибудь в комнату, хотя как будто и почувствовал сквозняк из-за открытой двери. Возможно, присутствующих удивило внезапное появление незнакомца в комнате, куда посторонние редко заходили, а тем более говорили; возможно, они были поражены неприятным охрипшим голосом,

в котором слышались иронически-торжественные нотки, но все сразу посмотрели в ту сторону. Миллз говорит, что ничего особенного в том незнакомце не было. Высокий, худой, какой-то неопрятный, в темном потертом пальто с поднятым воротником и в мягкой поношенной шляпе с обвисшими полями, он стоял, отвернувшись от пламени в камине, и поглаживал подбородок рукой в перчатке, почти полностью закрывая себе лицо. Но в его голосе или, может, в манере держаться, в жестах было что-то неуловимо знакомое и в то же время чужое.

Когда незнакомец снова подал голос, всем показалось, что он пародирует профессора Гримо.

— Вы уж извините меня, джентльмены, за то, что я вмешиваюсь в ваш разговор, — торжественно обратился он к присутствующим, — но я хотел бы задать выдающемуся профессору Гримо один вопрос.

Миллз уверяет, что никому и в голову не пришло остановить незнакомца. Какая-то холодная сила исходила от него и наполняла беспокойством уютную, освещенную пламенем камина комнату. Даже Гримо — он сидел мрачно и тор-

жественно, словно Эпстайн,[3] не донеся сигару до рта и поблескивая глазами за стеклами очков, — весь напрягся.

— Ну? — буркнул он.

— Значит, вы не верите, что мертвый человек может выбраться из гроба, проникнуть куда угодно, оставаясь невидимым, что четыре стены для него — не помеха и что он страшно опасен? — спросил незнакомец, немного отведя руку в перчатке.

— Я не верю, — отрубил Гримо. — А вы?

— Я сделал это. Более того, у меня есть брат, который может сделать и не такое, и для вас он опасен. Мне ваша жизнь не нужна, а ему нужна. Но если он явится к вам…

Нервное напряжение от этого фантастического разговора достигло кульминации. Молодой Менген, в прошлом футболист, подскочил на месте. Нервно оглядывался вокруг низенький Петтис.

— Послушайте, Гримо! — воскликнул он. — Этот человек — сумасшедший! Может, я… — Петтис нерешительно потянулся к звонку, но незнакомец заговорил снова.

— Сначала посмотрите на профессора, — сказал

---

[3] Примечания: 3

Эпстайн Джейкоп (1880–1959) — американский и английский скульптор.

он. Глядя мрачным, пренебрежительным взглядом на незнакомца, профессор Гримо обратился к Петтису:

— Нет, нет! Слышишь?! Оставь его! Пусть расскажет о своем брате и его гробе…

— О трех гробах, — поправил незнакомец.

— О трех гробах, — с острым сарказмом согласился Гримо. — Бога ради, сколько вам угодно! А теперь, может, скажете нам, кто вы?

Левой рукой человек достал из кармана грязную визитную карточку. Вид обыкновенной визитной карточки, казалось, каким-то образом поставил все на свои места, выдул через дымоход, словно шутку, весь обман и превратил дерзкого незнакомца с грубым голосом в одетого, словно чучело, актера с больной головой под шляпой.

На визитной карточке Миллз прочитал: «Пьер Флей, иллюзионист». В одном уголке было напечатано: «Западно-центральный почтовый округ, Калиостро-стрит, 2Б», А вверху от руки дописано: «Или Академический театр».

Гримо засмеялся. Петтис выругался и нажал кнопку звонка.

— А знаете, — нарушил молчание Гримо, постукивая по карточке большим пальцем, — я чего-то подобного ждал. Следовательно, вы фокусник?

— Разве так сказано в карточке?

— Ну, если я назвал низший профессиональный ранг, то прошу прощения, — снисходительно проговорил Гримо, астматически фыркнув. — Думаю, нам не придется увидеть ваши фокусы?

— Почему бы и нет? — ответил Флей. Его неожиданный жест был похож на выпад. Он быстро перегнулся через стол к Гримо, а рукой в перчатке опустил и тут же снова поднял воротник своего пальто. Никто ничего не успел заметить, но у Миллза сложилось впечатление, будто Флей при этом усмехнулся. Гримо оставался сидеть неподвижно, машинально постукивая по визитной карточке большим пальцем. Только его губы над подстриженной бородой как будто пренебрежительно искривились и лицо немного потемнело.

— А сейчас, прежде чем уйти, я хочу еще раз обратиться к выдающемуся профессору, — почтительно произнес Флей. — Вскоре вечером вас кое-кто посетит. Общение с братом мне тоже грозит опасностью, но я готов пойти на этот риск. Кое-кто, повторяю, вскоре посетит вас. Хотите, чтобы это был я, или послать моего брата?

— Посылайте своего брата! — сердито буркнул Гримо и стремительно поднялся. — И будьте вы прокляты!

Никто не успел ни пошевельнуться, ни заговорить, как дверь за Флеем закрылась. Закрылась она и за единственной мыслью, которая возникла по поводу событий, предшествовавших субботнему вечеру девятого февраля. Они были столь загадочны и неправдоподобны, что доктор Фелл свалил их до времени в кучу, чтобы впоследствии собрать картинку из отдельных мелких деталей. Как раз в этот вечер, когда глухие заснеженные улочки Лондона были безлюдны, произошла первая смерть, вызванная бесплотным человеком, и один из трех уже упоминавшихся гробов был наконец заполнен.

ДВЕРЬ

В этот вечер у камина в библиотеке доктора Фелла в квартале Адельфи-террас, 1, господствовало приподнятое настроение. Доктор Фелл, раскрасневшийся, торжественно, словно на троне, сидел в своем самом любимом, самом удобном старом продавленном кресле с протертой обивкой, в том самом кресле, которого почему-то не могла терпеть его жена. Доктор Фелл широко усмехался, поблескивая стеклышками пенсне на черном шнурочке, и постукивал палочкой о коврик перед камином. Он праздновал. Доктор Фелл любил праздновать приход друзей, а в этот вечер для радости был двойной повод.

Во-первых, его молодые друзья Тэд и Дороти Ремполы только что прибыли погостить из Америки. Во-вторых, его приятель Хедли, теперь уже старший инспектор отдела уголовного розыска, как раз блестяще закончил дело: «Бейзуотерская подделка» и получил отпуск. Ремпол сидел по одну сторону коврика, Хедли — по другую, а доктор Фелл между ними священнодействовал над горячим пуншем. Наверху миссис Фелл, миссис Хедли и миссис Ремпол беседовали о своих делах, а тут,

внизу, Тэд Рempол, слушая горячую дискуссию доктора Фелла и мистера Хедли, всем своим существом чувствовал себя как дома. Откинувшись в глубоком кресле, он вспоминал о прошедших днях. Напротив него сидел старший инспектор Хедли с подстриженными усами и уже слегка поседевшими волосами. Доктор Фелл громыхал разливкой ложкой.

Фелл и Хедли, видимо, увлеклись дискуссией о научной криминологии, и в частности о фотографии. Рempол припомнил, что слышал о результатах увлечения доктора Фелла, над которыми шутили в отделе уголовного розыска. Как-то на досуге приятель Фелла, епископ Меплгемский, заинтересовал его трудами Гросса, Джессерича и Митчелла, и эти труды очень на него повлияли. Доктор Фелл не был тем, кого называют светилом науки. Своими химическими опытами он, к счастью, не снес крыши на доме, ибо каждый раз ухитрялся вывести из строя оборудование еще до начала опытов, следовательно, большого вреда никому не причинил, разве что сжег серной кислотой шторы на окнах. Зато значительных успехов доктор Фелл, как он сам уверяет, достиг в фотографии. Он купил миниатюрный фотоаппарат с ахроматической линзой и завалил всю

комнату отпечатками, напоминавшими рентгеновские снимки язвы желудка. Уверял он также, будто ему удалось усовершенствовать методику Гросса по расшифровке того, что было написано на сожженной бумаге.

Пропустив мимо ушей насмешки Хедли по этому поводу, Рампол умиротворенно наблюдал отблески пламени на полках с книгами, слушал, как за шторами бьются в стекла снежинки, удовлетворенно улыбался и думал, что в этом чудесном мире его ничто не раздражает. Иногда его жалили искры, внезапно стрелявшие фейерверком из камина.

— Чихал я на то, что говорит Гросс! — заявил Хедли, хлопнув ладонью о подлокотник кресла. — В большинстве случаев на сожженной бумаге букв не видно вообще…

— Между прочим, — отозвался Рампол, прокашлявшись, — слова «три гроба» о чем-то вам говорят?

Как он и ожидал, u комнате наступила тишина. Подозрительно смотрел на него Хедли, поверх разливной ложки вопросительно взглянул доктор Фелл. Глаза у него загорелись.

— Так, — сказал он, потирая руки. — Так-так-так. Какие гробы?

— Ну, — ответил Рempол, — я бы не стал называть это дело криминальным, но если Менген не преувеличивает, то оно довольно подозрительное.

Услышав эти слова, Хедли присвистнул.

— Я хорошо знаю Бойда Менгена. Несколько лет мы были соседями. Он на удивление приятный человек, много путешествовал по свету, обладает настоящим кельтским темпераментом. — Рempол помолчал, припоминая немного рассеянного Менгена, его медленные, несмотря на пылкий характер, движения, его щедрость и простоту. — Сейчас он работает в лондонской «Ивнинг бэннер». Сегодня утром я встретил его на Хеймаркет-стрит. Он затащил меня в бар и рассказал всю эту историю, а когда узнал, что я знаком г. известным доктором Феллом…

— Пустое! — бросил на него острый взгляд Хедли. — Говорите по существу!

— Так-так-так! — удовлетворенно проговорил доктор Фелл. — Погодите, Хедли! Это очень интересно, мой друг. И что же дальше?

— Менген, кажется, большой почитатель лектора и писателя Гримо, к тому же влюблен в его дочь. Старик и кое-кто из его друзей имеют привычку собираться в ресторане недалеко от

Британского музея. Несколько вечеров назад там произошло событие, которое взволновало Менгена куда сильнее, чем это могло бы сделать фиглярство какого-то безумца. В ту минуту, когда старик говорил о мертвецах, которые встают из могил, и о других веселеньких вещах, в комнату вошел высокий, странный на вид субъект и начал плести какую-то бессмыслицу — будто он и его брат могут выходить из могилы и плавать в воздухе в виде соломы. (Тут Хедли пренебрежительно хмыкнул, но доктор Фелл продолжал смотреть на Рампола с интересом.) Незнакомец, кажется, чем-то угрожал Гримо и пообещал вскоре прислать к нему своего брата. Странно было, но Гримо и глазом не моргнул, хотя Менген клянется, будто он позеленел от испуга.

— Вот это да! — буркнул Хедли. — Но что из того? Мало ли кто труслив, как заяц.

— Все дело в том, — заметил доктор Фелл, — что Гримо не из трусливых. Я его хорошо знаю. Вы, Хедли, не знаете Гримо, поэтому и не понимаете, как все это подозрительно. Гм… Рассказывайте дальше, дружище! Чем же все закончилось?

— Гримо обратил все в шутку и снял напряжение. Как только незнакомец ушел, в ресторане появился уличный музыкант и заиграл «Смель-

чак на воздушной трапеции». Все засмеялись, напряжение в комнате спало, и Гримо сказал: «Наш воскресший мертвец, джентльмены, будет еще проворнее, когда выплывет из окна моего кабинета». Этим все и кончилось. Но Менгена этот Пьер Флей заинтересовал. На визитной карточке, которую оставил Флей, было указано название театра. Поэтому на следующий день Менген пришел в театр будто для того, чтобы взять материал для газеты. Театр оказался достаточно запущенным, с сомнительной репутацией, какой-то мюзик-холл в Ист-Энде.[4]

Менген не хотел встречаться с Флеем — обратился к рабочему сцены, а тот познакомил его с акробатом, который в программе выступает номером перед Флеем под именем — кто знает почему — Пальяти Гранд, хотя на самом деле он просто ловкий ирландец. Акробат и рассказывал Менгену все, что знал.

В театре Флея называют Луни.[5] Никто о нем ничего не знает. Он ни с кем не разговаривает и после выступления никогда в театре не задерживается. Но его выступления имеют успех, а для

---

[4] Примечания: 4
Рабочий район в Лондоне.

[5] Примечания: 5
Loony (англ.) — чокнутый.

театра это главное. Акробат сказал, что не понимает, почему никто из импресарио в Вест-Энде[6] до сих пор не обратил на Флея внимания. Его номер — суперколдовство. Человек неизвестно как на глазах у публики исчезает.

Хедли снова иронически фыркнул.

— Так, так, — продолжал Рempол. — Из услышанного можно прийти к выводу, что это не просто старый фокус. Менген говорит, будто Флей работает без ассистента и весь его реквизит умещается в ящике величиной с гроб. На какие неправдоподобные вещи способны иллюзионисты, вы знаете. А Флей, похоже, на своем гробе просто свихнулся. Пальяти Гранд как-то спросил его об этом, и Флей, широко усмехнувшись, ответил: «Нас троих похоронили живыми. Спасся лишь один». Пальяти поинтересовался: «Как же вы спаслись?» — Флей холодно ответил: «Я не спасся. Я один из тех двоих, что не спаслись».

— А знаете, — заметил Хедли, дернув себя за мочку уха, — все это может оказаться куда серьезнее, чем я думал. Этот фокусник, безусловно, сумасшедший и на кого-то точит зубы. Говорите, он иностранец? Я могу позвонить в министерство

---

[6] Примечания: 6
Аристократический район в Лондоне.

внутренних дел и попросить, чтобы его проверили. Если он пытается причинить вред нашему другу…

— Он пытался причинить вред? — спросил доктор Фелл.

— С той среды профессор Гримо ежедневно вместе с почтой получает какие-то письма, — уклонился от прямого ответа Рempол. — Он молча рвет их, но о тех письмах кто-то рассказал его дочери, и она забеспокоилась. В довершение всего вчера и сам Гримо повел себя странно.

— Как именно? — спросил доктор Фелл, отводя руку, которой прикрывал свои маленькие глаза, и бросил острый взгляд на Рempола.

— Он позвонил Менгену и сказал: «Я хочу, чтобы в субботу вечером вы были у меня. Кто-то угрожает нанести мне визит». Менген, естественно, посоветовал Гримо обратиться в полицию, но тот и слушать об этом не хочет. Тогда Менген предостерег его: «Помните, сэр, этот человек явно сумасшедший и может быть опасным. Вы не собираетесь принять какие-либо меры, чтобы защитить себя?» На это профессор ответил: «О да! Безусловно! Я собираюсь купить картину».

— Купить что? — переспросил Хедли, выпрямившись.

— Картину на стену. Я не шучу. И он ее купил. Какой-то причудливый пейзаж — деревья, кладбищенские надгробья… Чтоб внести ее наверх, пришлось нанять двух мужчин. Я говорю «причудливый пейзаж» просто так. Картины я не видел. Ее написал художник по фамилии Бернаби. Он член их клуба и криминолог-любитель… Во всяком случае, Гримо, как он сам сказал, купил картину, чтоб защитить себя.

Последние слова Рempол нарочито произнес с ударением для Хедли, который снова смотрел на него с недоверием. Потом оба повернулись к доктору Феллу. Тот сидел тяжело дыша. Волосы его были всклокочены, обе руки лежали на палке. Не отводя взгляда от огня, он кивнул, а когда заговорил, то комната как будто стала уже не такой уютной.

— У вас есть адрес, мой друг? — спросил он невразумительным голосом. — Хорошо. Заводите машину, Хедли!

— Но послушайте…

— Когда какой-то сумасшедший угрожает умному человеку, — прервал Хедли доктор Фелл, — это вас может беспокоить или нет. Но лично меня очень беспокоит, когда умный человек начинает действовать, словно сумасшедший. Может, это и

напрасное предостережение, но что-то тут мне не нравится. — Тяжело дыша, он поднялся. — Поторопитесь, Хедли! Надо посмотреть, хотя бы мимоходом.

Пронзительный ветер продувал узенькие улицы Адельфи. Снег утих. Белым нетронутым покрывалом он лежал на плоских крышах внизу на набережной. На Странде, малолюдном в этот час, когда в разгаре театральные представления, снег был вытоптанный и грязный. Когда они повернули в сторону театра «Олдвик», часы показывали пять минут одиннадцатого. Хедли спокойно сидел за рулем. Воротник его пальто был поднят. На требование доктора Фелла ехать быстрее он сначала посмотрел на Рампола, потом на доктора Фелла, который устроился на заднем сиденье, и недовольно пробурчал:

— Знаете, какая-то бессмыслица выходит. Это ведь совсем не наше дело! Кроме того, если там и был кто-то, то он, наверное, уже давно ушел.

— Я знаю, — ответил доктор Фелл. — Именно этого я и боюсь.

Выехали на Саутгемптон-роуд. Хедли непрерывно сигналил, словно хотел показать этим свое настроение. Глубокое ущелье пасмурной улицы выходило на еще более мрачную Рассел-сквер.

В ее западном конце было мало следов от ног и еще меньше следов от колес. Если вы помните телефонную будку в северной ее части, сразу же за Чеппел-стрит, то вы не могли не заметить дома напротив, пусть даже и не обратив на него особенного внимания. Ремпол стал притормаживать у простого широкого фасада этого трехэтажного дома, первый этаж которого был из каменных глыб, второй и третий — из красного кирпича. Шесть ступенек вели к большим входным дверям, окованным латунью, с шарообразной медной ручкой. Светились лишь два зашторенных окна на первом этаже, как раз над лестницей в подвал. На первый взгляд обыкновенный, ничем не примечательный дом. Но такое впечатление было недолгим.

Как раз когда они проезжали мимо, штора на одном из освещенных окон отодвинулась, окно с грохотом распахнулось, и на подоконнике, четко вырисовываясь на фоне освещенного окна, появилась фигура человека. Человек колебался несколько мгновений. Затем прыгнул и оказался за небольшой площадкой, огороженной островерхим забором. Приземлившись на одну ногу, он поскользнулся и упал на каменный бордюр тротуара, чуть ли не под колеса машины.

Хедли нажал на тормоза, выскочил из машины и схватил человека прежде, чем тот успел подняться на ноги. В свете фар Рампол на мгновение поймал его взгляд.

— Менген?! — воскликнул он. — Какого дьявола?! Менген был без шляпы и пальто. Его глаза, как и снежинки на рукавах, блестели в свете фонарей.

— Кто вы? — спросил он хриплым голосом. — Нет, нет, со мной все в порядке. Отпустите же меня, черт возьми! — Рванувшись, он освободился от Хедли и начал вытирать руки об одежду. — А, это ты, Тэд? Слышишь, позови кого-нибудь! Быстрей! Он запер нас. Наверху был выстрел. Мы слышали. Он запер нас…

В том самом окне Рампол увидел женскую фигуру.

— Успокойтесь! Кто вас запер? — остановил Хедли бессмысленный поток слов Менгена.

— Он, Флей. Он еще там. Мы слышали выстрел, а двери такие крепкие, что не выломаешь. Ну, что вы ждете?

Он бросился к крыльцу, Хедли и Рампол поспешили за ним. Никто из них не ожидал, что входная дверь не заперта, но когда Менген повернул шарообразную ручку, дверь отворилась.

В большом вестибюле было темно, только далеко в глубине на столе горела лампа. Им показалось, будто на них кто-то смотрит. Но Рempол тут же увидел, что это всего лишь японский панцирь и шлем с маской, никак не походивший на лицо Флея. Менген подбежал к двери справа и повернул ключ, торчавший в замке. В дверях появилась девушка, чей силуэт они видели в окне. Менген поднял руку и остановил ее. Сверху доносились глухие звуки ударов.

— Спокойно, Бойд! — крикнул Рempол, чувствуя, как сердце того и гляди выскочит из груди. — Это старший инспектор Хедли, о котором я говорил. Что там? Где это?

— Туда! — показал на лестницу Менген. — Я позабочусь о Розетте. Он еще там. Он не мог выйти. Бога ради, будьте осторожны!

Он потянулся к несуразному старинному оружию, висевшему на стене, а они побежали по покрытым толстым ковром ступенькам наверх. Этажом выше было также темно. Свет шел лишь из ниши на лестнице, ведущей па третий этаж Удары перешли в непрестанный глухой стук.

— Доктор Гримо! — звал кто-то. — Доктор Гримо! Отвечайте! Вы меня слышите?

Осматриваться кругом Рempол не имел вре-

мени. Вслед за Хедли он помчался по лестнице дальше наверх и через открытый арочный переход, который шел почему-то не вдоль дома, а поперек, попал в большой длинный зал, обитый до самого потолка дубовыми панелями. Три окна на противоположной от лестницы широкой стене были закрыты шторами, грубый темный ковер на полу заглушал шаги. В конце зала были две—одна против другой — двери. Дверь слева от лестницы была открыта. Около закрытой двери справа, шагах в десяти от лестницы, стоял какой-то человек и дубасил в дверь кулаком.

Когда они переступили порог, он обернулся. Хотя в самом зале освещения не было, только в нише на лестнице светила лампочка в животе большого медного Будды, в желтом свете, доходившем из-под арки, им было хорошо все видно. На них сквозь большие очки нерешительно смотрел маленький человек с густой копной волос на голове.

— Бойд?! — воскликнул он. — Дреймен, это вы? Кто там?

— Полиция, — ответил Хедли, проходя мимо пего к двери.

— Туда войти невозможно, — сказал человек, хрустнув суставами пальцев. — Но вы должны

войти. Дверь заперта изнутри. Кроме Гримо, там есть еще кто-то. Я слышал револьверный выстрел. Где мадам Дюмон? Найдите мадам Дюмон! Говорю вам, он еще там.

— Перестаньте танцевать! — остановил его Хедли. — Лучше попытайтесь найти клещи. Ключ в замке внутри комнаты. Мы повернем его отсюда. Мне нужны плоскогубцы! У вас они есть?

— Я… я, собственно, не знаю, где… Хедли повернулся к Ремполу.

— Сбегайте вниз, возьмите у меня в машине. Коробка с инструментами под задним сиденьем. Возьмите самые маленькие и прихватите несколько больших гаечных ключей. Если тот тип вооружен…

По дороге вниз Ремпол встретил доктора Фелла, который, тяжело дыша, как раз проходил под аркой. Доктор ничего не сказал. Лицо его было не такое красное, как всегда. Перепрыгивая через три ступеньки, Ремпол сбежал вниз, и прошла, казалось, целая вечность, пока он нашел плоскогубцы. Возвращаясь, он услыхал за закрытой дверью комнаты внизу голос Менгена и второй с истерическими нотками — девушки.

Хедли спокойно взял плоскогубцы, крепко зажал ими кончик ключа и стал осторожно пово-

рачивать его влево.

— Там кто-то шевелится, — сказал мужчина с копной волос.

— Готово, — проговорил Хедли. — Отойдите!

Он натянул перчатки и толкнул дверь внутрь. Она громко ударилась о стену — так, что даже люстра задрожала. В ярком свете Рempол увидел человека, всего в крови, который, опираясь на руки, пробовал ползти по темному ковру, потом упал на бок и затих. Кроме этого человека, в комнате никого не было.

ФАЛЬШИВОЕ ЛИЦО

— Вы двое остаетесь в дверях, — коротко сказал Хедли. — А у кого слабые нервы, пусть не смотрят.

Доктор Фелл, тяжело ступая, вошел в комнату, а Рempол встал в дверях, преградив путь руками. Профессор Гримо находился в тяжелом состоянии. Было видно, что он, сжав зубы и оставляя на ковре пятна крови, пытался доползти до двери. Хедли посадил его, оперев о свое колено. Давно не бритое лицо Гримо посинело, запавшие глаза были закрыты, но он все еще держал мокрый от крови носовой платок на пулевой ране в груди. Дышать ему становилось все труднее. Несмотря на сквозняк, в комнате еще чувствовался дым и едкий запах пороха.

— Мертв? — тихо спросил доктор Фелл.

— Умирает, — ответил Хедли. — Видите, какое лицо? Повреждены легкие. — Потом, обращаясь к маленькому человечку, добавил: — Вызовите скорую помощь. Немедленно! Шансов нет, но, возможно, он что-то скажет, прежде чем…

— Ну конечно, — согласился доктор Фелл, помрачнев. — Сейчас это для нас главное, не так

ли?

— Так. Если не единственное, что мы можем сделать, — холодно ответил Хедли. — Дайте мне подушки с кушетки. Уложим его как можно удобнее. — Он положил голову Гримо на подушку и, наклонившись к нему, позвал — Доктор Гримо! Доктор Гримо! Вы меня слышите?

Восковые веки задрожали. Полуоткрыв глаза, Гримо смотрел удивленным, пытливым и беспомощным, словно у маленького ребенка, взглядом, который можно было бы назвать «умным» или «понимающим». Словно не до конца понимая, что случилось, он вяло шевелил пальцами, будто пытался подтянуть очки на шнурке. Грудь его так же едва поднималась и опускалась.

— Я из полиции, доктор Гримо. Кто это сделал? Если вам трудно — не отвечайте, только наклоните голову. Это сделал Пьер Флей?

Гримо едва заметно кивнул головой в знак того, что все понял, а потом качнул головой отрицательно.

— Тогда кто же?

Гримо силился ответить, очень силился — и это окончательно изнурило его. Едва выговорив слова, которые со временем, когда их толковали или просто повторяли, так и оставались загадоч-

ными, он потерял сознание.

Из открытого окна слева потянуло холодом. Ремпол вздрогнул. Профессор Гримо бесформенной массой неподвижно лежал на подушках, и лишь биение сердца, похожее на тиканье часов, свидетельствовало о том, что он еще жив, но только и всего.

— Боже мой! — воскликнул Ремпол. — Мы можем чем-нибудь помочь?

— Ничем, — сокрушенно произнес Хедли. — Можем только приступить к работе. «Он еще там!» Компания тупоголовых, и я в том числе. Он убежал отсюда еще до того, как мы вошли в дом. — Хедли показал на открытое окно.

Ремпол впервые внимательно осмотрелся вокруг. Пороховой дым понемногу выветривался. Комната была величиной примерно в сто квадратных футов. Стены до самого потолка обшиты дубовыми панелями. На полу темный ковер. На окне слева от двери покачивалась от сквозняка коричневая бархатная штора. На высоких книжных полках по обеим сторонам от окна белели небольшие мраморные статуэтки. Под окном, расположенным так, чтобы свет падал слева, стоял массивный письменный стол с толстыми резными ножками и мягкий стул. Слева на столе

была лампа с мозаичным стеклянным абажуром и бронзовая пепельница с длинной, обратившейся в пепел сигарой в ней. Посреди стола лежала книга в переплете из телячьей кожи, вазочка для ручек и карандашей и много бумажек, прижатых небольшой красивой фигуркой буйвола из желтого агата.

Ремпол перевел взгляд в противоположную сторону комнаты. Там по обеим сторонам большого камина тоже были полки с фигурками. Над камином висели две скрещенные фехтовальные рапиры, украшенные геральдическими знаками, и щит с гербом, которого Ремпол тогда не успел рассмотреть. В том конце комнаты царил беспорядок — прямо перед камином лежала перевернутая длинная, обитая коричневой кожей кушетка, кожаное кресло было отброшено в сторону, коврик у камина скомкан. На кушетке виднелись пятна крови.

И наконец у задней стены против двери Ремпол увидел картину. Для нее было приготовлено место на стене. Между книжными полками. Полки оттуда убрали недавно, несколько дней назад — это было видно по отпечаткам на ковре. Место освобождали для картины, которой Гримо уже никогда не повесит. Сама картина с двумя ноже-

выми порезами лежала лицевой стороной вверх недалеко от Гримо. Вставленная в раму, она была более шести футов шириной и три фута высотой. Хедли пришлось поднять ее, повернуть и поставить на свободное место посреди комнаты, чтобы все ее рассмотрели.

— А это, — сказал он, прислонив картину к кушетке, — наверное, та самая картина, которую он купил, чтоб защитить себя. Послушайте, Фелл, вы думаете, Гримо тоже был сумасшедший, как и Флей?

— Как Пьер Флей, который не совершил ни одного преступления, — буркнул доктор Фелл. Он отвернулся от окна, которое внимательно разглядывал, и сбил на затылок свою широкополую шляпу. — Гм, Хедли, вы видите здесь оружие?

— Нет, не вижу. Нет ни крупнокалиберного огнестрельного оружия, ни ножа, которым с такой злостью изрезана картина. Посмотрите на нее. Обыкновенный пейзаж.

А Ремпол подумал про себя, что этот пейзаж вовсе не обыкновенный. Картина дышала такой силой, будто художник писал ее, пылая злобой, и сумел передать в масле яростный ветер, склоняющий деревья к земле. От картины веяло холодом и ужасом. Безотрадный сюжет был изображен

черной, серой и кое-где зеленой краской. На переднем плане, за ветками изгибающихся деревьев видны были три поросшие высокой травой могилы. Чем-то неуловимым, словно едва ощутимым запахом, атмосфера картины отвечала атмосфере самой комнаты. Складывалось впечатление, будто каменные надгробья наклонились потому, что земля могильных холмов стала западать и трескаться. На впечатление от картины не влияли даже ножевые порезы.

Услышав на лестнице быстрые шаги, Рempол вздрогнул. Прибежал взволнованный Менген. Даже его черные курчавые волосы казались скомканными. Бойд Менген был приблизительно того же возраста, что и Рempол, но морщины под глазами старили его лет на десять.

— Миллз сказал мне, — он бросил быстрый взгляд на Гримо, — что…

— Скорую помощь вызвали? — прервал его Хедли.

— Сейчас придут санитары с носилками. В округе множество больниц, и никто не знает куда звонить. Я вспомнил о приятеле профессора Гримо — у него частная клиника сразу за углом. Они… — Он отступил в сторону, пропуская двух санитаров и спокойного маленького лысого,

чисто выбритого человека. — Доктор Петерсон, это… э-э… полисмен. А это… ваш пациент.

Врач втянул щеки и выступил вперед.

— Носилки! — крикнул он, быстро осмотрев профессора Гримо. — Я не хочу копаться тут. Поднимайте осторожно… — Он нахмурился и с интересом осмотрелся вокруг.

— Есть какой-то шанс? — спросил Хедли.

— Несколько часов еще проживет, не больше, а может, и меньше. Если бы он не обладал таким могучим здоровьем, то уже умер бы. Такое впечатление, словно, кроме всего прочего, легкие у него порвались от какого-то напряжения… — Врач достал из кармана визитную карточку. — Вы, наверное, захотите прислать своего полицейского медика. Вот моя карточка. Пулю я сохраню. Думаю, это будет пуля тридцать восьмого калибра, выпущенная с расстояния примерно десяти шагов. Можно спросить, что тут произошло?

— Убийство, — ответил Хедли. — Держите около него сиделку, и, если он что-то скажет, пусть все записывает, слово в слово. — Когда врач ушел, Хедли вырвал лист из своего блокнота, что-то написал на нем и обратился к Менгену — Успокоились? Хорошо. Я хотел бы, чтобы вы позвонили в полицейский участок на Хантер-стрит, а они

свяжутся со Скотленд-Ярдом. Если спросят, расскажите им, что случилось. Доктор Уотсон пусть едет в больницу, по этому адресу, а остальные — сюда.

В дверях нерешительно топтался низенький и худой юноша. Ремпол хорошо видел его костлявое лицо, большой рот, копну рыжих волос и темно-карие глаза за толстыми стеклами очков в золотой оправе. По манере говорить — монотонно, показывая редкие зубы за подвижными губами, наклонять голову, словно сверяясь с записками, а подняв ее, смотреть поверх голов тех, кто его слушал, юношу можно было принять за бакалавра технических наук, которому близка платформа социалистов, и в этом не было бы ошибки. Выражение ужаса на его лице уже исчезло, и оно стало совсем спокойным. Сплетя пальцы рук, юноша чуть-чуть наклонился и с достоинством сказал:

— Я Стюарт Миллз, секретарь… то есть был секретарем профессора Гримо. — Он обвел взглядом комнату. — Можно спросить, что с… преступником?

— Пока мы предполагали, что ему некуда деться, он, наверное, убежал через окно, — ответил Хедли. — А теперь, мистер Миллз…

— Извините, — прервал его Миллз, — он был, наверное, необыкновенным человеком, если сделал это. Вы осмотрели окно?

— Он прав, Хедли, — отозвался доктор Фелл, тяжело дыша. — Знаете, это дело начинает меня беспокоить. Если он не вышел через дверь…

— Не вышел, — снова сказал Миллз, усмехнувшись. — Я не единственный свидетель. И я видел все от начала до конца.

— …тогда, чтобы выйти отсюда через окно, он должен был быть легче воздуха, — закончил свою мысль доктор Фелл. — Гм… Подождите! Лучше сперва обыщем комнату.

В комнате они никого не нашли. Потом Хедли, что-то буркнув, открыл окно. Нетронутый снег укрывал снаружи подоконник до самой рамы. Рампол высунулся из окна и посмотрел вокруг.

На западе ярко светил месяц, и все предметы выступали четко, словно вырезанные из дерева. До земли было добрых пятьдесят футов. Ровная каменная стена была влажной. Окно выходило на задний двор, обнесенный низкой стеной и похожей на тыльную часть задних дворов в этом ряду. Снег во дворе, как и в соседних дворах, тоже лежал, сколько было видно, нетронутый. Ниже в стене окон не было вообще. До ближайшего окна

на этом же этаже, в зале слева, было не меньше тридцати футов, до окна справа, в соседнем доме, столько же. Перед глазами лежали прямоугольники задних дворов тех домов, которые выходили фасадами на площадь. Ближайший из них стоял в нескольких сотнях ярдов. И наконец, над окном, в пятнадцати футах ниже крыши проходил гладкий каменный желоб. Ни удержаться за него рукой, ни прикрепить к нему веревку было невозможно.

— Все равно это так, — заявил Хедли. — Вот посмотрите! Представим себе, что преступник сначала привязывает веревку к дымоходной трубе или к чему-то иному — так, чтобы она свободно висела рядом с окном, потом убивает Гримо, вылезает по веревке на крышу, отвязывает ее и исчезает. Уверен, что в доказательство этому мы найдем там много следов…

— Так вот, — снова вмешался Миллз. — Я должен сказать, что там следов нет.

Хедли повернулся. Отведя взгляд от камина, Миллз как будто спокойно, раздвинув в улыбке редкозубый рот, смотрел на них, хотя во взгляде его промелькнула тревога и на лбу выступил пот.

— Видите ли, — продолжал Миллз, подняв ука-

зательный палец, — когда я понял, что человек с фальшивым лицом исчез…

— С каким лицом? — переспросил Хедли. — С фальшивым. Объяснить?

— Пока что не надо, мистер Миллз. Потом увидим, будет ли в этом надобность. Так что вы говорили о крыше?

— Понимаете, там нет никаких следов, — ответил Миллз, широко открыв глаза. Это была еще одна его черта — смотреть и улыбаться, даже если для этого и нет видимой причины. Он снова поднял палец. — Повторяю, джентльмены: узнав, что человек с фальшивым лицом скрылся, я ждал для себя неприятностей.

— Почему?

— Потому что я следил за этой дверью и могу присягнуть: отсюда никто не выходил. Напрашивается вывод. Он исчез или с помощью веревки на крышу, или через дымоход — и тоже на крышу. Это аксиома.

— Вот как? — сдержанно спросил Хедли. — И что же дальше?

— В конце зала, который вы видите, то есть который можно увидеть, если открыть дверь, — продолжал далее Миллз, — моя рабочая комната. Оттуда дверь ведет на чердак, где есть люк па

крышу. Подняв крышку люка, я увидел, что снег на крыше не тронут, на нем нет никаких следов.

— Вы па крышу не выходите? — поинтересовался Хедли.

— Нет. Я бы там не удержался. И вообще я не представляю себе, как это можно сделать даже в сухую погоду.

— И что потом, мой друг? — повернулся к нему доктор Фелл. — Меня интересует, что пришло вам в голову, когда у вас ничего не вышло с аксиомой?

— О, это надо обсчитать, — задумчиво улыбнулся Миллз. — Я математик, сэр, и никогда не позволю себе просто гадать. — Он скрестил на груди руки. — Но я хочу обратить ваше внимание, джентльмены, на то, что, несмотря на мое решительное утверждение, преступник через эту дверь не выходил.

— Думаю, вы расскажете нам, что тут случилось вечером, — проговорил Хедли. Он вытер рукой лоб, сел к столу и достал блокнот. — Не торопитесь! Надо разобраться во всем постепенно. Вы давно работаете у профессора Гримо?

— Три года и восемь месяцев, — ответил Миллз. Ремпол видел, что блокнот создал официальную атмосферу и Миллз старается отвечать как мож-

но короче.

— В чем состояли ваши обязанности?

— Частично переписка. Общие секретарские обязанности. В значительной мере помощь профессору в подготовке его нового труда «Суеверия в Центральной Европе, их происхождение и…»

— Хорошо, — остановил его Хедли. — Сколько всего людей живет в доме?

— Кроме профессора Гримо и меня, четверо.

— Кто именно?

— Понимаю. Вам нужны фамилии. Розетта Гримо, дочь профессора, мадам Дюмон, экономка, Дреймен, старый приятель профессора Гримо, и горничная Энни. Ее фамилии я никогда не слыхал.

— Кто был в доме, когда все это случилось? Миллз выставил вперед одну ногу и, покачиваясь, смотрел на носок своего ботинка. Еще одна его привычка.

— Определенно сказать не могу. Расскажу лишь то, что знаю. — Он качнулся назад-вперед. — Как и каждую субботу, после ужина, в половине восьмого, доктор Гримо поднялся сюда работать. Такое у него было обыкновение. Он велел мне, чтобы до одиннадцати его не беспокоили — это также было нерушимое правило, — однако пре-

дупредил, что около половины десятого к нему может прийти посетитель. — На лбу у юноши выступил пот.

— Он сказал, кто это может быть?

— Нет, не сказал.

— Рассказывайте дальше, мистер Миллз! — Хедли наклонился вперед. — Вы не слыхали, чтобы ему кто-то угрожал? Вы знали, что случилось в среду вечером?

— Конечно, м… э-э… знал. Я же был в ресторане «Уорвик». Думаю, Менген вам говорил.

С тревогой в голосе и до мельчайших подробностей он рассказал обо всем, чему был свидетелем. Доктор Фелл тем временем, грузно передвигаясь с места на место, уже в который раз в этот вечер осматривал комнату. Больше всего, казалось, его интересовал камин. Ремпол уже знал, что случилось в ресторане «Уорвик», поэтому не очень прислушивался к рассказу Миллза, а наблюдал за доктором Феллом. Тот как раз осматривал пятна крови на правом подлокотнике кушетки. Еще больше кровавых пятен, хотя и не очень заметных на черном фоне, было на ковре возле камина. Возможно, тут боролись? Но Ремпол видел, что каминные принадлежности стояли и лежали на своих местах, а если бы тут боролись, то они

были бы разбросаны. Угли в камине под кучей обугленной бумаги едва тлели.

Доктор Фелл что-то пробормотал себе под нос и подошел к щиту с гербом. Для Ремпола, не специалиста в области геральдики, это был трехцветный щит — красного, голубого и серебристого цветов — с черным орлом с полумесяцем в верхней его части и чем-то похожим на ладью на шахматной доске в нижней. Хотя краски и потемнели, щит в этой удивительной комнате привлекал внимание своей ослепительной пышностью. Доктор Фелл снова что-то проворчал и перешел к полкам с книгами слева от камина.

По привычке книголюба он брал с полки книгу за книгой, смотрел на титульный лист и ставил книгу на место. Казалось, его особенно интересуют те книги, которые имеют самый непривлекательный вид. Фелл поднял такой шум, что Миллза было почти не слышно. Наконец он, показывая на книги, заговорил:

— Не хотелось вас перебивать, Хедли, но все это очень странно. Габриэль Добранти[7] «Yorick

[7] Примечания: 7

Габриэль (Габор) Добранти (1787–1854) — венгерский филолог, один из основателей Венгерской академии.

es Eliza levelei»,[8] два тома, «Shakspere Minden Munkai»,[9] девять томов разных изданий. А вот… — Он остановился. — Гм… Вы можете что-то сказать по этому поводу, мистер Миллз? Лишь эти книги не покрыты пылью.

— Я… я не знаю, — взволнованно заговорил Миллз. — Наверное, они из тех, которые доктор Гримо намеревался перенести на чердак. Мистер Дреймен нашел их вчера вечером отложенными вместе с другими, когда мы выкосили из комнаты некоторые книжные полки, чтобы освободить место для картины… Вы спросили, где я был, мистер Хедли?.. А, вспомнил! Когда профессор Гримо сказал мне, что к нему может прийти посетитель, я не имел оснований думать, что это будет тот человек из ресторана «Уорвик». Этого профессор не говорил.

— А что он говорил?

— Я… видите ли, после ужина я работал в большой библиотеке внизу. Он просил, чтобы в половине десятого я поднялся наверх, в свою рабочую комнату, оставив дверь открытой, сел и… не сводил глаз с этой комнаты на случай…

---

[8] Примечания: 8
«Письма Йорика к Элизе» (венгер.) Лоренса Стерна (1719–1768).

[9] Примечания: 9
«Избранные произведения Шекспира» (венгер.).

— На случай чего?

— На случай чего, он не сказал, — прокашлявшись, ответил Миллз.

— И даже после всего у вас не возникло подозрения, кто может прийти? — вырвалось у Хедли.

— Мне кажется, — тяжело дыша, вмешался доктор Фелл, — я понимаю нашего юного друга. Надо было себя перебороть. Несмотря на самые твердые убеждения молодого бакалавра наук и крепчайший щит с девизом «икс квадрат плюс два иже игрек плюс игрек квадрат», перед глазами у него все еще стояла сцена в ресторане «Уорвик», и он не желал знать больше, чем ему надлежало. Правду я говорю?

— Не могу с вами согласиться, сэр, — спокойно возразил Миллз. — Сцена в ресторане тут ни при чем. Заметьте, я неукоснительно выполнил распоряжение и пришел сюда ровно в половине десятого…

— А где в это время были другие? — требовательно спросил Хедли. — Не волнуйтесь! Не говорите того, на что не можете ответить определенно. Где, по-вашему, они были?

— Насколько я помню, мисс Розетта Гримо и Менген играли в гостиной в карты. Дреймен еще раньше сказал мне, что куда-то пойдет, и я его

не видел.

— А мадам Дюмон?

— Ее я встретил, когда пришел сюда. Она как раз вышла от профессора с подносом, на котором была пустая посуда после вечернего кофе… Я зашел в свою рабочую комнату, оставив дверь открытой, и поставил столик с пишущей машинкой так, чтобы работать, обратившись лицом к залу. Ровно в… — Он закрыл глаза, припоминая. — Ровно без четверти десять я услышал звонок. Электрический звонок от входа — на третьем этаже, и слышно было хорошо.

Через две минуты появилась мадам Дюмон с подносом для визитных карточек и уже собиралась постучать в дверь, когда я увидел, что вслед за ней идет… э-э… высокого роста человек. Оглянувшись, она тоже увидела его и начала что-то говорить. Я не могу повторить дословно, но помню, что она удивленно спросила, почему он не остался ждать внизу. Э-э… Высокий человек, не отвечая, подошел к двери, неторопливо опустил воротник пальто, снял кепку и запихнул ее в карман. Мне кажется, он засмеялся, а мадам Дюмон что-то воскликнула, отступила к стене и поспешила открыть дверь. На пороге появился профессор Гримо и недовольно проговорил: «Ка-

кого дьявола вы подняли такой шум?!» Потом постоял неподвижно, словно вкопанный, глядя на высокого человека, и спросил: «Бога ради, кто вы?»

Миллз заговорил своим нудным голосом быстрее, его улыбка сделалась неприятной, хотя он и прилагал усилия, чтобы она была веселой.

— Успокойтесь, мистер Миллз. Вы хорошо разглядели того высокого человека?

— Достаточно хорошо. Поднявшись наверх, он посмотрел в мою сторону.

— И?..

— Воротник его пальто был поднят, на голове у него была кепка. Но я дальнозоркий, джентльмены, и хорошо все видел. На лице у него была маска из папье-маше — такая, какие надевают дети. Мне запомнилось, что она была удлиненная, бледно-розового цвета и с широко раскрытым ртом. Он ее так и не снял. Мне кажется, я могу заверить, что…

— Вообще-то вы правы, — отозвался от двери чей-то холодный голос. — Это была маска. И он, к сожалению, ее не снял.

НЕВОЗМОЖНОЕ

В дверях, переводя взгляд с одного на другого, стояла женщина. У Рампола почему-то сложилось впечатление, что это женщина необыкновенная. В ней не было ничего примечательного, кроме блестящих, выразительных черных глаз, белки которых покраснели, словно от сдерживаемых слез. Невысокая, крепкого телосложения, с высокими скулами на широком лице и гладкой кожей, эта женщина, подумалось Рамполу, могла бы, приложив немного усилий, стать привлекательной. Темно-каштановые волосы свободно спадали волнами, прикрывая уши. В скромном темном платье с белой вставкой на груди она вовсе не казалась просто одетой. Уравновешенность, сила, мужество, что еще? Слово «электрическая» тут совершенно неуместно, но только им можно было назвать волну, ворвавшуюся вместе с женщиной в комнату, — потрескивавшая, горячая, могучая, словно удар, волна. Поскрипывая туфлями и потирая руки, женщина подошла ближе, подняла свои выразительные черные глаза и посмотрела на Хедли. Рампол понял две вещи: убийство профессора Гримо так ее ошеломило, причинило ей

такую боль, что она уже никогда не оправится. И если бы не сила воли, глаза ее больше никогда бы не высыхали от слез.

— Я Эрнестина Дюмон, — сказала женщина. — Пришла помочь вам найти убийцу Шарля. — Она говорила почти без акцента, но глухо, немного глотая слова. — Я не могла прийти… сразу. Я хотела поехать с ним в больницу, но врач мне не разрешил. Он сказал, что со мной захочет поговорить полиция. Думаю, это необходимо.

Хедли поднялся и предложил ей свой стул.

— Пожалуйста, мадам, садитесь. Мы очень хотели бы вас послушать. А пока что прошу вас, внимательно послушайте мистера Миллза, и если у вас возникнет желание…

Мадам Дюмон зябко повела плечами, и доктор Фелл, который пристально наблюдал за нею, тяжело ступая, пошел закрыть окно. Потом она посмотрела на огонь в камине, едва теплившийся под кучей сгоревшей бумаги, кивнула головой Хедли в знак того, что все поняла, безразлично посмотрела на Миллза и, болезненно улыбнувшись, проговорила:

— Да, конечно. Он славный парень и имеет добрые намерения. Правда же, Стюарт? Во всяком случае, рассказывайте дальше, а я… я послушаю.

Миллз не проявил неудовольствия, только похлопал глазами и сложил руки.

— Если прорицательнице нравится так считать, то я не возражаю, — сказал он. — Я, наверное, буду рассказывать дальше. На чем я… э-э… остановился?

— Вы сказали, что профессор Гримо, увидев посетителя, спросил: «Бога ради, кто вы?» Что было дальше?

— А, так… Он был без очков, они висели на шнурке.

Без них профессор видел плохо, и у меня сложилось впечатление, что он принял маску за настоящее лицо. Не успел профессор надеть очки, как незнакомец сделал быстрое движение вперед, я и опомниться не успел, как он уже был в дверях. Профессор шагнул ему навстречу, но незнакомец его опередил, и я услышал, как он засмеялся. Когда он был уже в комнате… — Миллз замолчал, явно взволнованный. — И это вызывает самое большое удивление. У меня сложилось впечатление, что мадам Дюмон, хотя и отступила было к стене, закрыла за ними дверь. Припоминаю, она взялась рукой за шаровидную дверную ручку.

— Что вы хотите этим сказать, юноша? — вспыхнула мадам Дюмон. — Думайте головой,

что говорите! Вы полагаете, я бы оставила его с Шарлем наедине? Шарль сам закрыл дверь и запер ее изнутри.

— Минутку, мадам. Это правда, мистер Миллз?

— Я хотел бы, чтобы вы меня правильно поняли, — протяжно проговорил Миллз. — Я только стараюсь припомнить все подробности и даже свои впечатления. Я ничего этим не хотел сказать. Согласен, он в самом деле, как утверждает прорицательница, запер дверь изнутри.

— Послушайте! Он еще и шутит! «Прорицательница»! Как можно! — сердито воскликнула мадам Дюмон.

— Подведем итоги, джентльмены, — улыбнулся Миллз. — Я допускаю, что прорицательница была взволнована. Она начала звать профессора и дергать за твердую ручку. В комнате слышались голоса, но, понимаете, я был далеко, а вы же видите, дверь довольно толстая. — Он указал пальцем на дверь. — Понять невозможно было ничего, пока через полминуты, когда посетитель, наверное, снял маску, профессор крикнул прорицательнице: «Идите прочь, глупая женщина! Я сам справлюсь».

— Понятно. А вам не показалось, что он… испугался?

— Наоборот, — возразил секретарь. — Я бы сказал, что в его голосе слышалось удовлетворение.

— А вы, мадам? Вы послушались и сразу ушли?

— Да.

— Пусть так, — вежливо проговорил Хедли, — но, по-моему, даже большие шутники не имеют привычки являться в чужой дом в маске и вот так вести себя. Вы, думаю, знали, что вашему работодателю угрожали?

— Я слушалась Шарля больше двадцати лет, — тихо промолвила женщина. Ее укололо слово «работодатель». — И не помню, чтобы он не нашел выход из какого-то трудного положения. Послушалась! Конечно, послушалась! И слушалась бы и дальше. Кроме того, вы ничего не понимаете и ни о чем меня не спросили. — Она пренебрежительно усмехнулась. — Но что интересно… с точки зрения психологии, как сказал бы Шарль… Вы не спросили и у Стюарта, почему он послушался и не поднял тревоги. Вы просто считаете, что он испугался. Благодарю за такой тонкий комплимент. Пожалуйста, делайте свое дело дальше!

— Вы помните, мистер Миллз, когда тот высокий человек зашел в комнату? — обратился к секретарю Хедли.

— Было без десяти десять. На моем столике с пишущей машинкой есть часы.

— А когда вы услыхали выстрел?

— Ровно в десять часов десять минут.

— И все это время вы наблюдали за дверью?

— Именно так, — без колебаний подтвердил Миллз и прокашлялся. — Хотя прорицательница и намекает на мою трусливость, я первый был возле двери, когда в комнате прогремел выстрел. Вы явились сразу после выстрела и сами видели, что комната была заперта изнутри.

— А в течение тех двадцати минут вы слышали в комнате голоса или какие-то иные звуки?

— Вначале мне показалось, что я слышу голоса и звуки, похожие на удары. Но я же был далеко. — Под холодным взглядом Хедли Миллз уже в который раз, широко открыв глаза, шатнулся взад-вперед. На лбу у него снова выступил пот. — Я понимаю, конечно, все, что я говорю, кажется совсем неправдоподобным. Но, джентльмены!.. — вдруг воскликнул он высоким голосом и поднял руку вверх. — Я клянусь…

— Это правда, Стюарт, — тихо проговорила женщина. — Я могу все подтвердить…

— Одну минутку мадам, — порывисто повернувшись, учтиво остановил ее Хедли. — Думаю,

так все и было. Еще один вопрос к вам, мистер Миллз. Вы можете подробнее описать внешний вид посетителя?

— Могу сказать определенно, что на нем было длинное пальто, вылинявшая кепка из какой-то коричневой ткани, темные брюки. Ботинок я не разглядел. Волосы, когда он снял кепку… — Миллз замолчал. — Невероятно. Не хочу быть смешным, но припоминаю, что его темные блестящие волосы казались крашеными, а голова была… понимаете, словно из папье-маше.

Хедли, который прохаживался взад-вперед около большой картины, так быстро повернулся к Миллзу, что тот воскликнул:

— Джентльмены, вы же просили рассказать, что я видел! Я и рассказываю то, что видел. Я говорю правду!

— Дальше! — угрюмо отозвался Хедли.

— Незнакомец был на три-четыре дюйма выше, чем профессор Гримо, среднего… э-э… телосложения. На руках у него были перчатки, хотя в этом я не совсем уверен, руки он держал в карманах.

— Он был похож на Пьера Флея?

— Ну… да… Можно сказать «да», а можно и «нет». Я бы сказал, он был выше Флея и не такой стройный, но присягать не стану.

Рempол все время краем глаза наблюдал за доктором Феллом. Доктор Фелл, в плаще, со шляпой под мышкой, грузно передвигался по комнате, сердито тыча палкой в ковер. Наклоняясь так, что очки сползали с переносицы, он разглядывал сощуренными глазами картину, полки с книгами, статуэтку буйвола на столе, потом, тяжело дыша, подошел к камину, осмотрел его, задрал голову на щит вверху и с каким-то особенным удовольствием стал разглядывать герб на нем. Не прошло мимо внимания Рempола и то, что Фелл все время следил за мадам Дюмон. Казалось, она его гипнотизирует. Что-то угрожающее было во взгляде его маленьких быстрых глаз, когда он поглядывал на женщину каждый раз, как заканчивал что-то разглядывать. И женщина это знала. Она сидела, сложив руки на коленях, и старалась не обращать па него внимания, но то и дело также поглядывала в его сторону, как будто между ними шла невидимая борьба.

— К вам есть еще один вопрос, Миллз, — продолжал Хедли. — В частности, относительно ресторана «Уорвик» и этой картины. Но с этим можно подождать. Вам не трудно пойти вниз и пригласить сюда мисс Гримо и мистера Менгена? И мистера Дреймена, если он вернулся… Благо-

дарю… Нет, подождите, минутку! Э-э… У вас есть какие-нибудь вопросы, доктор Фелл?

Доктор Фелл доброжелательно улыбнулся, молча покачал головой. Ремпол видел, как побелели суставы сжатых пальцев у женщины.

— Кто дал право вашему приятелю везде заглядывать? — сердито спросила она. — Это выводит меня из себя! Это…

— Я понимаю вас, мадам, — пристально посмотрев на нее, сказал Хедли. — К сожалению, такая у него привычка.

— В таком случае, кто вы? Приходите в мой дом…

— Позвольте объяснить. Я старший инспектор уголовного розыска. Это мистер Ремпол, а это доктор Гидеон Фелл. О нем вы, наверное, слышали.

— Да. Я так и думала. — Она кивнула головой, а потом, хлопнув ладонью по столу, спросила — Ну и что? Можно пренебрегать правилами приличия? Непременно надо мерзнуть с открытым окном? Можно наконец разжечь огонь и согреться?

— Знаете, я бы не советовал, — отозвался доктор Фелл. — Пока не выясним, что за бумаги там сожжены. Наверное, хороший был костер.

— Почему вы такие неповоротливые? — ска-

зала с укором Эрнестина Дюмон. — Почему вы сидите здесь? Вы же хорошо знаете, что это дело рук Флея. Почему вы не задержите его? Я уверяю, что это сделал он, а вы сидите тут… — В ее цыганских глазах было столько ненависти, словно она уже видела, как Флей идет на виселицу.

— Вы знаете Флея? — прервал ее Хедли.

— Нет, нет. Я никогда его не видела. Я имею в виду до сегодняшнего дня. Но я помню, что мне говорил Шарль.

— Л что он говорил?

— Что, что! Флей — сумасшедший. Лично Шарль его не знал, но у Флея была мания глумления над оккультными науками. У него есть брат, — она махнула рукой, — точно такой же, как и он, понимаете. Так вот, Шарль предупредил, что сегодня вечером в половине десятого этот брат может прийти и чтоб я, если он придет, его впустила. Но когда в половине десятого я забирала посуду после кофе, Шарль, смеясь, сказал: «Если он до сих пор не пришел, то уже и не придет». А потом добавил: «Люди со злыми намерениями не опаздывают». — Она села прямо и расправила плечи. — Но он ошибся. Без четверти десять прозвенел звонок. Я открыла дверь. На ступенях стоял человек. Он протянул мне визитную кар-

точку и сказал: «Передайте профессору Гримо и спросите, может ли он меня принять».

— А как относительно фальшивого лица? Оно вам не показалось немного странным? — Перегнувшись через кожаную спинку дивана, Хедли внимательно посмотрел на нее.

— Я не заметила, что оно фальшивое. Вы обратили внимание, что в прихожей только одна лампочка? У него за спиной светил уличный фонарь, и я видела только фигуру. Говорил он учтиво, протянул карточку, поэтому я ни секунды не…

— Одну минутку! Скажите, вы узнали бы его голос, если бы услышали снова?

Откинувшись на спинку кресла, она повела плечами, словно сбросила с них какую-то тяжесть.

— Да!.. Нет, не знаю… Да, да! Но, видите ли, голос у него был не четкий. Теперь я понимаю, его приглушала маска. Почему люди такие коварные?.. — В глазах у нее сверкали слезы. — Я этого не понимаю. Я человек искренний. Если кто-то причиняет вам боль, это можно понять. Вы подстерегаете его и убиваете, а ваши друзья идут на суд и присягают, что в то время вы были в другом месте. Вы не надеваете подкрашенной маски, как

делает Дреймен с детьми в ноябрьскую карнавальную ночь, не передаете визитную карточку, как тот ужасный человек, не идете наверх, не совершаете убийство и не исчезаете потом через окно… Это похоже на сказку, которую вам рассказывали в детстве… — Ее спокойствие сменилось истерикой. — О Боже! Бедный Шарль!..

Хедли спокойно ждал. Через минуту мадам Дюмон взяла себя в руки и сидела такая же безразличная, чужая и непонятная, как и большая, угрюмая уродливая картина у стены напротив. После вспышки эмоций женщина успокоилась, хотя продолжала тяжело дышать. Слышно было, как она царапала ногтями подлокотники кресла.

— Итак, посетитель сказал: «Передайте профессору Гримо карточку и спросите, сможет ли он меня принять», — напомнил ей Хедли. — Хорошо. А мисс Гримо и мистер Менген были в это время, как вы помните, внизу в гостиной, недалеко от входной двери?

— Странно, что вы об этом спрашиваете. Так… Да. Думаю, что да. Я не обратила внимания.

— Вы не помните, дверь в гостиную была открыта или закрыта?

— Не помню. Наверное, закрыта. Если бы она была открыта, в прихожей было бы светлее.

— Рассказывайте дальше, пожалуйста.

— Когда посетитель дал мне визитную карточку, я сказала: «Подождите, пожалуйста, я спрошу», — хотя и знала ответ. Я не могла оставаться наедине с тем… сумасшедшим. Я хотела пойти и попросить Шарля спуститься вниз, поэтому я сказала: «Подождите, я спрошу», — и быстро закрыла перед ним дверь. Замок сработал, и он не мог войти внутрь. Потом я подошла к свету и посмотрела на карточку. Она и теперь у меня, я не могла передать ее. Карточка оказалась чистой.

— Чистой?!

— На ней ничего не было ни написано, ни нарисовано. Я пошла показать ее Шарлю и попросить его спуститься вниз. Бедняга Миллз уже рассказал вам, что было дальше. Я сама собиралась постучать в дверь, когда услыхала.

что наверх кто-то поднимается, а оглянувшись, увидела, что это он — тот высокий, худой. Но я могу присягнуть на кресте, что дверь внизу я заперла. Нет, я не испугалась. Я еще спросила его, как понимать, что он идет наверх, а не ждет внизу. И все же фальшивого лица я не видела. Он стоял спиной к той яркой лампочке в нише на лестнице, которая освещала эту часть зала и дверь кабинета Шарля. Человек ответил по-

французски: «Мадам, вы не можете меня тут держать», — потом опустил воротник и засунул кепку в карман. Уверенная, что он не посмеет войти в кабинет, я открыла дверь сама как раз тогда, когда Шарль открывал ее изнутри. Только теперь я увидела бледно-розовую, телесного цвета маску. Но не успела я что-то сделать, как он толкнул дверь, быстро шагнул в комнату и повернул в замке ключ. — Она помолчала, словно закончила первую часть рассказа и получила возможность дышать свободнее.

— И что было потом?

— Я послушалась приказа Шарля, — проговорила она вяло. — Скандала я не устроила, но отошла недалеко. Я немного спустилась вниз, так, чтобы еще было видно дверь этой комнаты, и оставалась на своем месте столько же, сколько Стюарт. Это было ужасно. Понимаете, я же не девочка. Я была там, когда прогремел выстрел, когда к двери подбежал Стюарт и начал громыхать кулаками, даже когда явились вы. Но потом была вынуждена уйти отсюда. Я поняла, что произошло. Я еще успела дойти до своей комнаты под этой лестницей. С женщинами иногда такое бывает… — Она стеснительно улыбнулась. — Но Стюарт сказал правду, из этой комнаты никто не выходил. Бог

свидетель, мы оба говорим искреннюю правду. Как это чудовище оставило комнату, если не через дверь?.. А теперь, будьте добры, разрешите мне пойти в больницу к Шарлю.

СЛОВА-ЗАГАДКИ

Заговорил доктор Фелл. Он стоял у стены под фехтовальными рапирами и щитом и был похож — черная шляпа, на носу криво нацеплены очки, по обеим сторонам книжные полки и белые статуэтки — на феодального барона, а не на безжалостного Фрон де Бефа.[10]

— Мада-ам, — протяжно, носовым, словно боевой клич, голосом, обратился он к женщине, надкусив сигару и деликатно откашлявшись в сторону, — мы вас долго не задержим. Хочу сразу заверить, что у меня ни малейшего сомнения в том, что вы, как и мистер Миллз, рассказали нам правду. Прежде чем перейти к делу, я докажу, что верю вам… Мада-ам, вы помните, в котором часу сегодня вечером перестал идти снег?

Мадам Дюмон посмотрела на него тяжелым, пытливым взглядом. Видно было, что о докторе Фелле она слышала.

— Это имеет какое-то значение? Кажется, около половины десятого. Да, помню, когда я пришла в кабинет Шарля забрать поднос с посудой, то

---

[10] Примечания: 10
Персонаж романа Вальтера Скотта «Айвенго», жестокий рыцарь.

посмотрела в окно и заметила, что снег перестал. Это имеет значение?

— И очень большое, мада-ам. Без этого у нас имеются только полкартины невозможной ситуации. Вы говорите вполне достоверно. Помните, Хедли? Снег перестал идти приблизительно в половине десятого. Правильно?

— Правильно, — согласился старший инспектор и тоже вопросительно посмотрел на доктора Фелла. Он уже научился не доверять безразличному выражению его лица с двойным подбородком. — Пусть так, в половине десятого, ну и что?

— Следовательно, снег перестал идти за сорок минут до того, как посетитель исчез из комнаты, — продолжал доктор Фелл. — То есть за пятнадцать минут до того, как он явился в этот дом. — Правильно, мада-ам? Э-э… Он позвонил около входной двери за пятнадцать минут до десяти? Хорошо. Правильно… Дальше, Хедли, вы припоминаете, когда мы сюда приехали? Вы обратили внимание, что до того, как вы, Ремпол и юный Менген вошли в дом, на лестнице и даже на тротуаре перед лестницей никаких следов не было? А я помню. Я нарочито отстал, чтоб убедиться.

— Боже мой! Правда! Тротуар был чистый. Это же… — Хедли выпрямился и громко засмеялся, а потом повернулся к мадам Дюмон. — Следовательно, Фелл, это и есть доказательство того, что вы верите рассказу мадам Дюмон. Вы что — тоже с ума сошли? Вам сказали, что посетитель позвонил и вошел в дом сквозь запертую дверь через пятнадцать минут после того, как перестал идти снег, и все-таки…

— Что вас так удивляет, дружище? — Доктор Фелл широко открыл глаза, и жилетка у него на груди заколебалась от смеха. — Он выплыл из комнаты, не оставив никаких следов, так почему вам не нравится мысль, что он так же и заплыл?

— Я не знаю почему, — нерешительно проговорил Хедли. — Но, черт его побери, из опыта расследования убийств я знаю: то, как убийца проник в запертую комнату и как исчез из нее, — далеко не одно и то же. Хорошо вы горите…

— Послушайте, пожалуйста… — На побледневшем лице мадам Дюмон более резко обозначились скулы. — Ей-Богу, я говорю правду. Господи, помоги мне!

— И я вам верю, — повторил доктор Фелл. — Вы не должны позволять, чтобы вас запугала обыкновенная шотландская рассудительность Хедли.

Прежде чем я закончу, он тоже поверит вам. Что я хочу сказать? Я доказал, что верю вам до последнего слова, если вы сказали правду. Хорошо. Я хочу только предостеречь вас, чтоб вы не обманули моего доверия. Я не ставлю под сомнение то, что вы уже рассказали, но очень сомневаюсь в том, что вы скажете мне через минуту.

— Я этого боялся, — прищурив один глаз, сказал Хедли. — Меня всегда пугает, когда вы начинаете щеголять своими проклятыми парадоксами.

— Продолжайте, пожалуйста, дальше, — вяло отозвалась женщина.

— Гм… Благодарю. Следовательно, мада-ам, вы давно работаете экономкой?.. Подождите! Я поставлю вопрос по-другому. Вы давно живете у профессора Гримо?

— Больше двадцати лет. Я была больше, чем его экономкой… когда-то… — Женщина подняла взгляд от сцепленных пальцев, словно спрашивая, не много ли она отважилась сказать. Сейчас это был взгляд человека, что ждет нападения из-за угла и приготовился к защите. — Я говорю вам об этом с надеждой, что вы пообещаете ничего не разглашать. Все можно найти в архивах на Боу-стрит. Хотя к делу это отношения не имеет, вы можете причинить ненужные неприятности.

Конечно, не мне. Понимаете, Розетта Гримо — моя дочь. Она родилась в Англии, и там должна быть соответствующая запись. Но она об этом не знает. Никто не знает. Пожалуйста, прошу вас, вы можете пообещать, что будете молчать? — спросила она тихо, но настойчиво.

— Почему же нет, мада-ам? — наморщил лоб доктор Фелл. — Я считаю, что это вообще не наше дело. Конечно, мы будем молчать.

— Вы обещаете?

— Мада-ам, — учтиво ответил доктор Фелл, — я не знаком с девушкой, но держу пари, что вы волнуетесь напрасно. Вы обе уже много лет волнуетесь напрасно. Она, наверное, уже знает. Дети о таких вещах всегда знают. И она старается держаться так, чтоб вы об этом не догадались. Весь мир идет кувырком из-за того, что нам нравится делать вид, будто тех, кому до двадцати, ничего не будет волновать в будущем, а тех, кому за сорок, ничего не волновало в прошлом. — Он усмехнулся. — Впрочем, довольно об этом. Я хочу спросить вас: где вы познакомились с Гримо? Еще до того, как приехали в Англию?

— В Париже, — тяжело дыша, однако спокойно, ответила женщина, словно думала о чем-то другом.

— Вы парижанка?

— Э-э… Что? Нет, нет. Я из провинции. Но познакомились мы в Париже. Я работала там костюмершей.

— Костюмершей? — переспросил Хедли, подняв взгляд от своих заметок. — Вы хотите сказать, портнихой, да?

— Нет, нет. Я хочу сказать то, что сказала. Я была одной из тех, кто делал костюмы для опер и балета. Мы работали в самом здании оперного театра. Об этом можно найти записи. А чтобы сберечь ваше время, скажу, что я никогда не выходила замуж и зовут меня Эрнестина Дюмон.

— А Гримо? — резко спросил доктор Фелл. — Откуда он?

— Кажется, с юга Франции, но учился в Париже. Вся его семья умерла, поэтому вам это ничего не даст. Он унаследовал их деньги.

Небрежные вопросы доктора Фелла, казалось, не отвечали напряженной атмосфере в комнате. Следующие три вопроса были такие странные, что Хедли снова забыл о своем блокноте, а Эрнестина Дюмон неспокойно задвигалась на месте.

— Какую вы исповедуете религию, мада-ам?

— Я унитарианка, а что?

— Гм, так… Гримо когда-нибудь бывал в Соеди-

ненных Штатах? У него есть там друзья?

— Никогда. И, как мне известно, друзей у него там нет.

— Слова «семь башен» что-то вам говорят, мадам?

— Нет! — побледнев, воскликнула мадам Дюмон.

Доктор Фелл бросил на нее сквозь дым сигареты острый взгляд, грузно поднялся, обогнул диван (женщине при этом пришлось отступить) и, показав на большую картину, старательно обвел концом своей палки очертания гор на заднем плане.

— Я не буду спрашивать вас, знаете ли вы, что тут изображено, — продолжал он. — Но поинтересуюсь, не говорил ли вам Гримо, почему он купил эту картину. По крайней мере чем она его привлекла? Каким образом картина должна была защищать его от пули или иного зла?

Какое влияние могла иметь она… — Он замолчал, словно припомнив что-то очень странное, потом, тяжело дыша, одной рукой поднял картину, повернул ее несколько раз в разные стороны и воскликнул — О Боже! Просто невероятно!

— Что такое? — подскочил Хедли. — Вы что-то видите? — Нет, я ничего не вижу, — проговорил

Фелл. — В этом все дело! Так что, мада-ам?

— Такого чудака, как вы, я, наверное, еще не встречала, — дрожащим голосом ответила мадам Дюмон. — Нет, я не знаю, что на ней изображено. Шарль мне не объяснил. Он только что-то бормотал и смеялся своим гортанным смехом. Почему вы не спросите об этом у художника? Ее рисовал Бернаби. Он должен знать. Но вы же ничего разумного не делаете. Наверное, такой местности, как на картине, вообще нет.

— Боюсь, что ВЫ правы, мадам, — кивнул доктор Фелл. — Думаю, что нет. А если там захоронены трое мужчин, то узнать, кто они, наверное, нелегко, не правда ли?

— Вам не надоело говорить нелепости? — не выдержал Хедли, но вдруг заметил, что Эрнестина Дюмон съежилась от этих «нелепостей», как от удара.

Скрывая свое волнение, женщина поднялась на ноги и проговорила:

— Я пойду. Вы не имеете права меня задерживать. Вы все сумасшедшие. Сидите тут, выдумываете Бог знает что и даете… даете возможность Пьеру Флею скрыться. Почему вы не задержите его? Почему ничего не делаете?

— Видите ли, мада-ам, Гримо сам сказал, что

Пьер Флей тут ни при чем. — Пока женщина смотрела на него, Фелл опустил картину, и она с глухим стуком ударилась о диван.

Несуществующая местность с тремя могилами среди покореженных деревьев навевала на Рампола жуткое ощущение. Не успел он оторвать взгляд от картины, как на лестнице послышались шаги.

Рампол вздохнул с облегчением только тогда, когда увидел сержанта Бейтса важным выражением на удлиненном, угловатом лице; он помнил сержанта по делу «Лондонский Тауэр». С ним вошли два бравых парня в штатском с приспособлениями для фотографирования и снятия отпечатков пальцев. В зале появились Миллз, Бойд Менген и Розетта Гримо. За ними виднелся полисмен в униформе. Девушка протиснулась сквозь эту толпу и вошла в комнату.

— Я собиралась поехать с каретой скорой помощи в больницу, но Бойд сказал, что вы хотите меня видеть, — нерешительно заговорила она тихим голосом. — Тетенька Эрнестина, вам лучше поехать туда как можно быстрее. Говорят, что…

Даже своей манерой снимать перчатки она старалась показать деловитость и независимость, но это ей не удавалось. У нее была та зыбкая

уверенность, которая появляется после двадцати лет в результате недостатка жизненного опыта и препятствий. Рempол с интересом разглядывал ее светлые, коротко подстриженные и отведенные за уши волосы, правильное, с немного выдающимися скулами и широкими, накрашенными темно-красными губами, лицо, некрасивое, но такое, что вынуждает вас с трепетом вспоминать о древних, даже совсем неизвестных вам временах. В противовес решительному выражению лица ее большие карие глаза были неспокойны. Быстро оглянувшись, девушка подошла к Менгену и, нервно дергая меховой воротник, нетерпеливо воскликнула:

— Пожалуйста, спрашивайте быстрее, что вам нужно! Он умирает, вы понимаете? Тетенька Эрнестина…

— Если эти джентльмены меня отпустят, я пойду, — вяло ответила Дюмон. — Вы же знаете, я сразу собиралась это сделать.

Она вдруг стала покорной, но в ее покорности был какой-то полувызов. Между двумя женщинами словно пробежал ток. В глазах у Розетты Гримо усилилось беспокойство. Обе быстро посмотрели друг на друга, не встречаясь взглядами. Казалось, они пародировали движения друг друга, а когда

заметили это, притихли. Хедли тоже молчал, словно проводя в Скотленд-Ярде очную ставку двух подозреваемых.

— Мистер Менген, — быстро сказал он, — вы не могли бы пойти с мисс Гримо в комнату мистера Миллза? Через минуту мы тоже придем туда. Мистер Миллз, подождите немножко… Бейтс!

— Слушаю, сэр!

— Я хочу дать вам одно опасное задание. Менген передал, чтоб вы прихватили веревку и электрический фонарик?.. Хорошо. Поднимитесь на крышу и обследуйте каждый дюйм — не найдутся ли там следы от ног или какие-нибудь еще, особенно над этой комнатой. Потом осмотрите двор этого дома и два прилегающих. Возможно, какие-то следы найдутся там.

В комнату быстро вошел остроносый юноша — сержант Престон, большой специалист в выявлении потайных мест.

Именно он нашел за панелью решительное доказательство в деле «Часы-смерть».

— Ищите потайной выход из этой комнаты! Понятно? Разберите комнату па кусочки, если хотите. Посмотрите, нельзя ли выйти через дымоход… А вы, ребята, возьмитесь за отпечатки пальцев и фотографирование. Но не трогайте

сгоревшей бумаги в камине!.. Констебль!.. Куда, черт возьми, подевался констебль?

— Я тут, сэр.

— Вы выяснили на Боу-стрит адрес человека по фамилии Флей, Пьер Флей?.. Хорошо. Найдите его, где бы он ни находился, и приведите его сюда. Если не застанете дома, ждите! В театр, где он работает, послали кого-то? Хорошо. Все. Всем выйти из комнаты! — Он еще что-то проворчал и ушел в зал. За ним, впервые с таким видимым рвением, вперевалку направился доктор Фелл.

— Слушайте, Хедли, — коснулся он своей широкополой шляпой руки инспектора, — вы идите и начинайте разговор. Хорошо? Я, наверное, принесу больше пользы, если останусь тут и помогу этим недотепам с фотографированием…

— Нет! Я повешусь, если вы испортите негативы! — раздраженно возразил Хедли. — Во-первых, материалы стоят денег, а во-вторых, нам нужны доказательства. Я хочу поговорить с вами откровенно. Что это за бессмысленные разговоры о семи башнях и о людях, похороненных в местности, которой никогда не было? Я знал, что вы и ранее увлекались всякими тайнами, но чтобы до такой степени? Что там еще? — недовольно обернулся он, ибо в это мгновение уже Миллз

коснулся его руки.

— Э-э… Прежде чем провести сержанта на крышу, — невозмутимо проговорил Миллз, — я хочу сказать следующее: если вы пожелаете увидеть мистера Дреймена, то он тут, в доме.

— Дреймена?.. А-а, так. Когда он возвратился?

— Как я понимаю, — насупился Миллз, — ему не было надобности возвращаться. Он вообще не выходил из дома. Я только что заглянул в его комнату….

— Зачем? — оживленно спросил доктор Фелл.

— Из любознательности, — спокойно ответил секретарь. — Я увидел, что он спит, и разбудить его будет нелегко. Мистер Дреймен часто принимает снотворное. Я не хочу сказать, что он пьяница или наркоман, но снотворное принимать любит.

— Такой странной компании я еще не видел, — ни к кому не обращаясь, проворчал Хедли после паузы. — Что-то еще?

— Да, сэр. Внизу ждет приятель профессора Гримо. Он только что пришел и хочет вас видеть. Я не думаю, что это очень важно, но он член общества, которое собирается в ресторане «Уорвик». Его фамилия Петтис, Энтони Петтис.

— Петтис? — переспросил доктор Фелл, почесав

подбородок. — Это не тот ли Петтис, что собирает истории о привидениях и пишет к ним чудесные предисловия? Гм… Конечно. Наверное, все-таки тот. Чем он может быть полезен?

— Чем он может быть полезен? — сам себя спросил Хедли. — У меня нет времени на разговор с ним, если только он не хочет сообщить нам что-то важное. Возьмите у него адрес и скажите, что я заеду к нему утром. Благодарю. — Он обернулся к доктору Феллу. — Рассказывайте далее о семи башнях и несуществующей местности.

Доктор Фелл подождал, пока Миллз довел сержанта Бейтса до дверей в противоположном конце большого зала. Слышны были лишь приглушенные голоса, доносившиеся из комнаты Гримо. Из-под арки лился, освещая весь зал, ярко-желтый свет. Доктор Фелл грузно прошелся несколько раз по залу, глядя то вверх, то под ноги, и осмотрел все три завешанных коричневыми шторами окна. Отодвигая шторы, он убедился, что изнутри окна плотно закрыты, потом качнул головой и позвал Хедли и Ремпола на лестницу.

— Прежде чем разговаривать с другими свидетелями, желательно, по-моему, немного сопоставить факты. И пока что ни слова о башнях! Я подведу вас к этому постепенно, Хедли, несколько

бессвязных слов — это единственное достоверное свидетельство, которое мы ищем, ибо получено оно от мертвых. Я имею в виду слова, которые тихо и без Эмоций проговорил сам Гримо перед тем, как потерял сознание. Надеюсь, мы все их слышали. Помните, вы спросили, стрелял ли в него Флей? Он отрицательно покачал головой. Потом вы спросили, кто это сделал. Что он сказал? Хочу спросить каждого из вас по очереди. Что, по-вашему, вы услыхали? — Он посмотрел на Ремпола.

Американец растерялся. У него была цепкая память, но перед глазами у него все еще стояла кровавая рана в груди и выгнутая от боли шея. Какое-то время он колебался, потом ответил:

— Первое, что он сказал, как мне послышалось, было слово «холод»…

— Глупости, — перебил его Хедли. — Я все записал. Он сказал «сумка», хотя я и не пойму, какого дьявола…

— Спокойно! — остановил его доктор Фелл. — Ваши бессмыслицы хуже, чем мои. Говорите дальше, Тед.

— Ну, я не могу утверждать определенно, потом мне как будто послышалось: «не самоубийство… не мог с веревкой». И еще отдельные слова: «кры-

ша», «снег», «роща». А последнее, что я услышал, было: «очень яркий свет». Но сейчас я не могу утверждать, что все было сказано именно в такой последовательности.

— Все у вас перепутано, — снисходительно сказал Хедли. — Даже если два-три слова и имеют какой-то смысл. В то же время должен признать, что мои записи значат немного больше. После слова «сумка» он сказал «соляная» и «ужас». Вы правильно запомнили «веревку», хотя о самоубийстве я ничего не слыхал. Была и «крыша»… и «снег». «Очень яркий свет» было позднее, а потом — «револьвер», «роща» и, наконец, «не обращайте на беднягу…» Вот это и все.

— О Господи! — воскликнул доктор Фелл, переводя Взгляд с одного на другого. — Это ужасно. Джентльмены, я отпраздную над вами победу. Я объясню, что он сказал. Я не слышал всего его бормотанья, но смею заметить, что оба вы далеки от истины.

— Ну, а что услышали вы? — спросил Хедли.

— Я услыхал несколько первых слов, — прохаживаясь по комнате, проговорил Фелл. — Только они имеют значение, если я не ошибаюсь. А все остальное — пустое…

— Пустое? — переспросил Рempол. — А разве

про самоубийство никто не вспоминал?

— Не вспоминал и не собирается вспоминать! — подняв блокнот, воскликнул Хедли. — Чтоб придать всему этому какой-то порядок, Рэмпол, я для сравнения записал все, что, как кажется, вы услышали. Вот ваш список: «холод», «не самоубийство», «не мог по веревке», «крыша», «снег», «роща», «очень яркий свет». А это мой список: «сумка», «соляная», «ужас», «не мы с веревкой», «крыша», «снег», «очень яркий свет», «револьвер», «роща», «не обращайте на беднягу...». Вот что мы имеем. И, как всегда, Фелл, с вашей буйной фантазией вы больше всего верите в самое бессмысленное. Я мог бы свалить все в кучу. Но что, черт возьми, подсказывает нам умирающий, говоря про сумку, соль и ужас?

— Так-так, — начал доктор Фелл, глядя на свою погасшую сигарету. — Давай-ка кое-что выясним. Загадок много. Надо разобраться не торопясь... Во-первых, мой друг, что произошло в этой комнате после того, как прогремел выстрел и Гримо был убит?

— Откуда, черт побери, мне знать? Если нет тайного выхода...

— Нет, нет, я не имею в виду фокус с исчезновением. Вас это дело страшно увлекло, Хедли, и вы

ни перед чем не остановитесь, пока не выясните, как оно все было. Но сперва рассмотрим три вещи, которые можно объяснить, а от них пойдем дальше… Итак, что произошло наверняка в этой комнате после убийства Гримо? Как видите, все следы сконцентрированы вокруг камина…

— Вы хотите сказать, что преступник исчез через дымоход?

— Я абсолютно уверен, что нет, — возразил доктор Фелл. — Дымоход очень узкий, в него едва ли можно протянуть кулак. Подумайте спокойно. Диван отодвинут от камина. На нем много крови, словно Гримо потерял равновесие и склонился над ним. Коврик перед камином отодвинут или отброшен ногой, и на нем тоже пятна крови. Кресло тоже отодвинуто. Наконец, я нашел пятна крови не только на камине, но и в камине. Они ведут к куче сожженной бумаги.

Теперь вспомните поведение искренней мадам Дюмон. Войдя в комнату, она не отводила взгляда от камина и ничуть не впала в истерику, когда заметила, что я смотрел туда же. Помните, она даже допустила большую ошибку, попросив разжечь огонь, хотя должна была знать, что полиция не поступит так глупо только для того, чтоб свидетелям на месте преступления было уютно. Нет,

мой друг, кто-то пытался сжечь письма или иные бумаги. И эта женщина хотела быть уверенной, что они сожжены.

— Выходит, она обо всем знала? — медленно проговорил Хедли. — А вы же заверяли, что верите ей.

— Да, я верил и верю ее рассказу о… посетителе и преступлении. Но не верю тому, что она рассказала про себя и Гримо. Подумайте еще раз, что случилось! Посетитель стреляет в Гримо, но тот, еще не потеряв сознания, на помощь не зовет, убийцу задержать не пытается, никакой тревоги не подымает и даже не открывает Миллзу дверь. Однако что-то же он делает. Он прикладывает к чему-то такие усилия, что, как уверяет врач, разрывает себе простреленные легкие.

И я скажу вам, что он делал. Гримо знал, что умирает и что в комнату войдет полиция. Он должен был многое уничтожить, и это было важнее, чем задержать того, кто стрелял, чем даже сохранить собственную жизнь. Сжигая бумаги, он, шатаясь, ходил около камина, отодвигая в сторону диван, скомкал коврик. Отсюда и пятна крови… Теперь понимаете?

В большом холодном зале повисла тишина.

— А эта женщина, Дюмон?

— Она, конечно, все знала. Это была их общая тайна. И она любила его.

— Если это так, то он уничтожил что-то чрезвычайно важное, — высказал предположение Хедли. — А откуда черт возьми, вы это знаете? Наконец, какая у них могла быть тайна? И почему вы считаете, что эта тайна вообще опасна?

Доктор Фелл прижал руки к вискам, взлохматил свои волосы и продолжил:

— Кое-что я могу объяснить, хотя есть и такое, что сбивает меня с толку. Видите ли, и Гримо, и Дюмон французы не больше, чем я. У женщины с такими скулами и таким твердым выговором буквы «г» романский язык не может быть родным. И он, и она венгры. Его настоящее имя — Кароль, или Чарлз, или Шарль Гримо Хорват. Возможно, мать у него была француженкой. Он родом из Трансильвании, что когда-то входила в Венгерское королевство, а во время войны была аннексирована Румынией. В последние годы девятнадцатого столетия, а может, в начале двадцатого, Кароля Гримо и его двух братьев посадили в тюрьму. Я уже говорил, что у него есть два брата? Одного из них мы не знаем, а второго зовут Пьер Флей.

Кто знает, какое преступление совершили

братья Хорваты, но наказание они отбывали в тюрьме Зибентюрме и работали в соляных шахтах города Трауш в Карпатах. Шарлю удалось совершить побег. Эта тайна его жизни, как и его побег, никакого значения не имеют. Венгерское королевство распалось, и его органы власти теперь уже не существуют. Очевидно, он совершил что-то чрезвычайно жестокое в отношении своих братьев, что-то ужасное, и это как-то связано с теми тремя могилами и заживо похороненными людьми. Поэтому, если бы это преступление было раскрыто, его повесили бы даже сегодня… Пока что сказать больше я не решаюсь. У кого-нибудь из вас есть спички?

СЕМЬ БАШЕН

— Вы шутите, или тут замешана черная магия? — спросил Хедли после длительной паузы, подавая доктору Феллу спички и недружелюбно на него поглядывая.

— Ничуть. Я хотел бы шутить. Три гроба, черт возьми, Хедли! — воскликнул доктор Фелл, ударив себя кулаком по виску. — Хотел бы я видеть хотя бы проблеск надежды… хотя бы…

— Вы, кажется, успели довольно много. Достали какую-то информацию… Но откуда вы все это знаете?.. Минуточку! — Хедли заглянул в свой блокнот, — «холод»…, «сумка…», «соляная…», «ужас». Следовательно, вы считаете, что Гримо сказал «Хорват» и «соляная шахта»? Спокойно… Если это так, тогда нам придется хорошо поломать голову и над другими словами.

— Ваша озабоченность покалывает, что вы со мной согласны. Как вы сами, кстати, заметили, умирающий просто так о сумках не говорит. Он в самом деле сказал именно так, Хедли. Я хорошо слышал. Вы спросили его, кто стрелял, правда же? Не был ли это Флей. Он возразил. А на ваш вопрос, кто же тогда, ответил «Хорват».

— Это ведь его собственная фамилия, вы сами сказали.

— Да, — согласился доктор Фелл. — И если это вас успокаивает, то скажу, что это не была чисто детективная работа, и я не показывал вам источников моей информации в той комнате. Я покажу их сейчас, хотя, Бог свидетель, я уже один раз пытался сделать это.

А суть вот в чем. Мы узнаем от Миллза о страшном посетителе ресторана, который угрожает Гримо и многозначительно намекает на «похороненных живыми». Гримо воспринимает угрозу серьезно. Он знает посетителя, знает, о чем тот говорит, и после того зачем-то покупает картину, на которой изображены три могилы. Когда вы спросили у Гримо, кто в него стрелял, он ответил: «Хорват», — и добавил что-то про соляные шахты. Не кажется ли вам странным то, что в комнате французского профессора над камином висит щит, а на нем какой-то странный герб с непонятной надписью?

— Думаю, геральдику мы оставим на потом, — саркастически усмехнулся Хедли. — Что еще?

— Это герб Трансильвании. Конечно, тот, кто умер еще до войны, вряд ли хорошо известен в Англии, да и во Франции тоже. Сначала славян-

ская фамилия, потом славянский герб. Далее — те книги, которые я вам показывал. Знаете, что это за книжки? Переводы с английского на венгерский. Я не мог делать вид, что читаю их…

— Слава Богу!

— …но мог по крайней мере распознать сборник произведений Шекспира, «Письма Йорика к Эльзе» Стерна и «Опыт о человеке» Поуна. Меня это очень удивило, и я их просмотрел.

— Почему удивило? — поинтересовался Рем-пол. — Такие диковины есть в любой библиотеке, в вашей собственной тоже.

— Конечно. Но допустим, что ученый француз желает читать произведения английских писателей. Он будет читать их в переводе на французский язык или же в оригинале, но, думаю, не будет ожидать, чтобы их сначала перевели на венгерский. Одним словом, это были произведения не венгерских писателей и даже не французских, и француз не мог усовершенствовать по ним свой венгерский. Это были книги английских авторов. А это означает, кому бы эти книги ни принадлежали, его родной язык — венгерский. Я просмотрел их все с надеждой найти имя и на титульной странице одной все-таки нашел: «Кароль Гримо Хорват, 1898». Этого было

достаточно.

Если его настоящая фамилия была Хорват, то почему он ее так долго скрывал? Вспомните слова «похоронены живыми» и «соляная шахта». В них есть намек. И когда вы спросили, кто в него стрелял, он сказал «Хорват». В такую минуту на себя никто не будет наговаривать. Он имел в виду не себя, а кого-то другого по фамилии Хорват. Пока я об этом думал, старина Миллз, рассказывая о посетителе ресторана по фамилии Флей, заметил, что раньше он его никогда не видел, он ему очень кого-то напоминал, а когда разговаривал, то словно пародировал Гримо. Не напоминал ли он доктора Гримо? Брат, брат, брат! Видите, было три гроба, но Флей вспоминал только о двух братьях. Не был ли профессор Гримо третьим?

Пока я размышлял об этом, вошла мадам Дюмон, безусловно, славянка. Если бы мне удалось выяснить, что Гримо — выходец из Трансильвании, то легче было бы узнать о его прошлом. Но делать это надо было деликатно. Вы обратили внимание на фигурку буйвола на столе у Гримо? О чем она говорит?

— По крайней мере о Трансильвании она не говорит ничего, — буркнул старший инспектор. — Скорее о Диком Западе… Бизоны…

Индейцы… Рассказывайте дальше. Поэтому вы и спросили у мадам Дюмон, не был ли Гримо в Соединенных Штатах?

— Этот вопрос казался совсем простым, и она ответила, не колеблясь, — кивнул доктор Фелл. — Видите ли, если бы он купил эту фигурку в антикварной лавочке в Америке… Гм… Я был в Венгрии, Хедли. Я ездил туда молодым, когда еще только прочитал роман Стокера «Дракула». Трансильвания была единственным местом в Европе, где разводили буйволов и использовали их как волов. В то время в Венгрии было много религий, а в Трансильвании — одна, унитарианская. На мой вопрос, какую религию она исповедует, мадам Дюмон ответила, что она унитарианка. Потом я пошел с козыря. Если бы Гримо не был ни в чем виноват, это не имело бы значения. Я назвал «Семь башен», или «Зибентюрме», единственную тюрьму в Трансильвании, где заключенных принуждали работать в соляных шахтах. Я даже не сказал, что это тюрьма. Мой вопрос едва не вывел ее из равновесия. Теперь вам, думаю, понятно замечание относительно семи башен и несуществующей местности. Бога ради, даст мне кто-нибудь спички?

— Вот возьмите. — Хедли сделал несколько

шагов, взял предложенную довольным доктором Феллом сигару и негромко добавил: — Так, все, что вы говорите, похоже на правду. И ваш длинный монолог про тюрьму тоже похож на правду. Но ваше предположение, будто эти три человека — братья, остается только предположением. По-моему, это самое уязвимое место в вашей версии.

— Согласен. Ну и что?

— Только то, что это самое главное. А если Гримо не имел в виду, что фамилия его убийцы — Хорват, а говорил просто что-то о себе? Тогда убийцей может сказаться кто угодно. Но если они братья, то мы приходим к выводу, что убийца — Пьер Флей или его брат. Флея мы можем задержать в любую минуту, а вот относительно брата…

— Вы уверены, что узнали бы того брата, если бы встретили его? — задумчиво спросил доктор Фелл.

— Что вы имеете в виду?

— Я думаю про Гримо. Он говорил по-английски безукоризненно, как вообще может безукоризненно говорить по-английски француз. У меня нет сомнения в том, что он учился в Париже, а мадам Дюмон шила в опере костюмы. Грубоватый,

добродушный, мирный, с подстриженной бородкой и квадратной шляпой, он так или иначе, около тридцати лет прожил в Лондоне, скрывая свой жестокий характер и спокойно читая публичные лекции. Никто никогда не видел в нем дьявола, хотя, думаю, он был коварным, талантливым дьяволом. Он, наверное, носил костюм из твида и напоминал английского помещика или выдавал себя за кого-то иного. Но как же его третий брат? Он меня очень интересует. Возможно, он где-то тут, среди нас, принял чью-то личину, и никто не подозревает, кто он на самом деле.

— Возможно. Однако про третьего брата мы ничего не знаем.

— Это правда, Хедли. — Доктор Фелл старательно раскурил сигару и, махнув рукой, затушил спичку. — Теоретически мы имеем двух братьев, которые взяли французские имена Шарль и Пьер. Должен быть третий. Для удобства назовем его Анри…

— Не хотите ли вы сказать, что о нем вам также кое-что известно?

— Наоборот, — резко ответил доктор Фелл. — Я хочу сказать, как мало нам о нем известно. Мы знаем кое-что про Шарля и Пьера, но не имеем ни малейшего представления об Анри, хотя Пьер

им и угрожал. Вспомните: «Мне ваша жизнь не нужна, ему нужна…» «Общение с братом мне тоже угрожает опасностью…» и т. д. Но из этого тумана ничего не выступает — ни фигура человека, ни фигура домового. Это меня и беспокоит, дружище. Думаю, это чудище держит в руках все дело, используя Пьера, и, наверное, так же опасно для Пьера, как и для Шарля. Чувствую, что это он поставил ту сцену в ресторане «Уорвик», что он где-то рядом и внимательно за всем наблюдает, что… — Доктор Фелл оглянулся вокруг, словно надеясь что-то увидеть и услышать в этом пустом зале, потом добавил: — У меня есть надежда, что ваш констебль сумел задержать Флея и приостановить его деятельность.

— Я тоже. — Хедли сделал неопределенный жест и дернул себя за ус. — Но давайте придерживаться фактов. Уверяю, добывать их будет очень трудно. Я пошлю телеграфный запрос румынской полиции. Но после аннексии Трансильвании документов, наверное, сохранилось мало. После войны там господствуют большевики, или не так? Однако нам нужны факты! Давайте пойдем к Менгену и к дочери Гримо. Между прочим, их поведением я не вполне доволен…

— Э-э… почему?

— Конечно, если эта женщина, Дюмон, говорит правду, — спохватившись, добавил Хедли. — Вы, кажется, в ее искренность верите. Однако разве Менген, как я слыхал, не пришел сюда сегодня вечером по просьбе Гримо — на тот случай, если явится посетитель? Далее, Менген, похоже, неплохо вымуштрованный сторожевой пес. Он сидел в комнате, что рядом с входной дверью. Зазвонил звонок, если Дюмон говорит правду, и входит посетитель. Но Менген не проявляет никакого интереса. Он сидит в комнате за закрытой дверью и не обращает на посетителя внимания. Лишь услышав выстрел, он бросается к двери и вдруг обнаруживает, что она заперта. Разве это логично?

— Совсем не логично, — согласился доктор Фелл. — Даже не… Но это может подождать.

Они пересекли длинный зал, и Хедли, приняв беззаботный вид, открыл дверь. Эта комната была намного меньше, чем первая. Они увидели опрятные полки, папки с деловыми бумагами, деревянные ящики с картотекой, грубый одноцветный ковер на полу, крепкие похожие на конторские, стулья и простой камин. С потолка свисала лампа, затененная зеленым абажуром, под ней, напротив дверей, стоял стол Миллза с

пишущей машинкой. С одной стороны машинки была проволочная корзинка с чистой бумагой, с другой — стакан молока, тарелка с сухим черносливом и книга Вильямсона «Дифференциальное и интегральное исчисление».

— Держу пари, он пьет и минеральную воду, — возбужденно сказал доктор Фелл. — Клянусь всеми святыми, он пьет минеральную воду и читает это для развлечения. Клянусь…

Хедли толкнул доктора Фелла локтем, чтоб тот замолчал, и, обращаясь через комнату к Розетте, представился ей сам и назвал своих спутников.

— Конечно, мисс Гримо, мне не хотелось беспокоить вас в такую минуту…

— Прошу вас, не надо! — умоляюще проговорила девушка. — Я хочу сказать, не вспоминайте об этом. Знаете, я любила его, но не так, чтобы было больно, пока кто-то не напомнит. Тогда мне делается очень тяжело.

Она сидела такая напряженная, что, услышав уже первые слова Хедли, сразу вздрогнула и обхватила голову руками. При свете от камина можно было заметить контраст между выражением ее глаз и лица. Как и у матери, у нее было широкое, по-славянски красивое лицо. На какое-то мгновение оно становилось напряженным, а

взгляд удлиненных карих глаз оставался ласковым и смущенным. В следующее мгновение лицо расслаблялось, а глаза блестели, как у дочери дьявола. На лице Розетты выделялись тонкие, загнутые внешними концами вверх брови и большой чувственный рот. Девушка была своевольная, нетерпеливая и загадочная. Рядом с нею беспомощно стоял Менген.

— Одну вещь я все-таки должна знать, прежде чем вы начнете строгий допрос. — Нервно постукивая кулачком по подлокотнику кресла, Розетта кивнула головой в сторону маленькой двери в противоположном конце комнаты и продолжала: — Стюарт… показывал вашему детективу выход на крышу. Это правда, что он… вошел… убил моего отца и… вышел без… без…

— Позвольте мне объяснить, Хедли, — спокойно вмешался доктор Фелл Ремпол знал, что Фелл считает себя образцом тактичности. Часто эта тактичность была очень неуклюжей, но его убежденность в том, что он делает важное дело, его добрый характер и полная простота давали такие результаты, каких нельзя было достичь никакой утонченностью. Казалось, доктор Фелл сам переживает и сочувствует вам и готов прийти на помощь. И люди открывали ему душу.

— Конечно, неправда, мисс Гримо. Мы знаем, как злоумышленник осуществил этот трюк, хотя и не знаем, кто он. (Девушка бросила на него быстрый взгляд.) Даже больше, строгого допроса не будет, а ваш отец имеет шансы выжить. Не встречал ли я вас раньше, мисс Гримо?

— Вы стараетесь успокоить меня, — вяло улыбнулась девушка. — Бойд мне рассказывал про вас, но…

— Нет, я серьезно, — сощурил глаза доктор Фелл. — Гм… Ага, вспомнил! Вы учитесь в Лондонском университете? Ну, конечно, И вы член своеобразного дискуссионного кружка. Я был там как-то по делам, когда ваш кружок проводил дискуссию о правах женщин. Было такое?

— В этом вся Розетта, — усмехнулся Менген. — Она убежденная феминистка. Она…

— Хе-хе-хе, — рассмеялся доктор Фелл. — Теперь я припоминаю. Она, может, и феминистка, мой друг, но допускает при этом удивительные ляпсусы. Помню, та дискуссия закончилась такой ужасной дракой, какой я на собраниях пацифистов еще никогда не видел. Вы были на стороне тех, кто стоял за женские права и против тирании мужчин. Так-так. Вы сидели очень бледная, серьезная и торжественная до тех пор, пока ваш

собственный взгляд сходился с тем, что вы слышали. Говорилось о вещах, которые вызывают большое уважение, но вид вы имели недовольный. Пока одна неказистая женщина минут двадцать рассказывала о том, что необходимо женщине для идеальной счастливой жизни, ваше неудовольствие нарастало. Потом, когда пришла ваша очередь высказаться, вы своим звонким, серебристым голосом заявили, что для идеальной счастливой жизни женщине необходимо меньше разговоров, а больше копуляций.

— Боже праведный! — воскликнул Менген.

— Ну, я так считала… тогда, — недовольно сказала Розетта. — Но вы не должны думать…

— А может, «копуляцию» вы прямо и не упоминали, — вслух размышлял доктор Фелл. — Так или иначе, а тот эффект описать трудно. Для успокоения мне пришлось выпить воды. К такому, друзья мои, я не привык. Это было похоже на взрыв бомбы в аквариуме. Интересно, вы с мистером Менгеном часто обсуждаете эту тему? О чем вы разговаривали, например, сегодня вечером?

Оба начали отвечать одновременно нескладно. Доктор Фелл весело усмехнулся.

— Итак, вы убедились, что разговоров с полицией бояться не следует и можно говорить обо

всем вполне свободно. Хорошо. А теперь вернемся к нашим баранам и выясним для себя все, что имеет отношение к делу. Согласны?

— Согласна, — кивнула головой Розетта. — У кого-нибудь есть сигареты?

— Старый зануда достиг своего, — взглянув на Ремпола, тихо проговорил Хедли.

Пока «старый зануда» прикуривал сигару, Менген торопливо доставал сигареты.

— Теперь мне хотелось бы понять одну простую вещь, — продолжал доктор Фелл. — Вы, двое детей, были в самом деле так увлечены друг другом, что ничего не заметили, пока не поднялся шум? Гримо просил вас, Менген, быть в этой комнате на случай возможных осложнений. Почему вас тут не было? Вы слышали звонок во входную дверь?

Смуглое лицо Менгена сделалось еще темнее. Недовольно махнув рукой, он сказал:

— Согласен, это моя вина. Но тогда я об этом не думал. Откуда мне было знать? Конечно, я слышал звонок. Мы оба разговаривали с этим субъектом…

— Разговаривали? — переспросил Хедли, сделав шаг вперед.

— Разговаривали. Неужели вы считаете, что я просто так позволил бы ему пройти наверх? Но

он же сказал, что его фамилия Петтис... Энтони Петтис.

ПОСЕТИТЕЛЬ ГАЙ ФОКС[11]

— Конечно, теперь мы знаем, что то был не Петтис. — Менген энергично чиркнул спичкой и дал девушке прикурить сигарету. — До пяти футов и четырех дюймов Петтису надо еще дорасти. Кроме того, теперь я припоминаю, что голос у посетителя тоже не совсем напоминал голос Петтиса. Но он произнес те слова, которые всегда употреблял Петтис.

— А вас не удивило то, что собиратель историй о привидениях одет, словно чучело Гая Фокса пятого ноября? Он склонен к шуткам?

Розетта Гримо удивленно подняла глаза. Она сидела неподвижно, держа сигарету так, словно целилась ею куда-то вдаль. Искра, промелькнувшая в ее удлиненных глазах, и частое дыхание свидетельствовали о том, что она чем-то недовольна или что-то знает.

Менгена это очень беспокоило. Он похож был на того, кто пытается быть славным парнем и

---

[11] Примечания: 11

Гай Фокс — руководитель так называемого «порохового» антигосударственного заговора в Лондоне, раскрытого 5 ноября 1604 Г., после чего Фокс был казнен. В годовщину раскрытия заговора чучело Фокса носили по улицам, а потом сжигали.

жить в согласии со всем миром, если мир ему это позволит. Рempол чувствовал, что мысли Менгена не имеют никакого отношения к Петтису вообще, а поэтому запнулся, прежде чем до него дошел вопрос доктора Фелла.

— К шуткам? — переспросил Менген и нервно провел рукой по жесткой, словно проволока, черной копне волос. — Петтис? Боже мой, нет! Он для этого слишком серьезный. Но, понимаете, его лица мы не видели. После ужина мы сидели в комнате внизу…

— Подождите! — перебил его Хедли. — Двери комнаты были открыты?

— Нет, — недовольно ответил Менген. — Кто же сидит зимним вечером при открытых дверях в комнате с центральным отоплением? Я знал, что мы услышим звонок, если он позвонит. Кроме того, я, откровенно говоря, не ждал, что случится какое-то несчастье. За ужином у меня сложилось такое впечатление, что или профессор воспринимает эту историю как обман, или все уже устроено, следовательно, он, во всяком случае, не боится.

— У вас тоже сложилось такое впечатление, мисс Гримо? — спросил Хедли, не сводя с Менгена взгляда своих ясных глаз.

— Да, в определенной мере… Да нет, не знаю, — наконец ответила девушка. — Никогда нельзя было сказать определенно, когда отец сердится, когда шутит, а когда лишь делает вид, что шутит или сердится. У моего отца странное чувство юмора. Ему нравятся драматические эффекты. Ко мне он относился, словно к ребенку. Я не помню, чтобы он чего-то боялся, а поэтому… Не знаю. Но… — Она пожала плечами и продолжала: — Последние три дня он вел себя так необычно, что, когда Бойд рассказал мне о человеке в ресторане…

— Что было необыкновенного в его поведении?

— Ну, например, он что-то ворчал себе под нос или вдруг начинал сердиться по мелочам. До сих пор это случалось редко. А кроме того, он очень много смеялся. Но самое большое удивление вызывали письма. Они начали приходить с каждой почтой. Не спрашивайте меня, что в них было, отец их немедленно сжигал. Письма были в простых дешевых конвертах. Я бы не обратила на них внимания, если бы не его привычка… — Она заколебалась. — Понимаете, он был из тех, кто, получив при вас письмо, сразу скажет, что в нем, и даже от кого оно. Бывало, как разгневается, как

закричит: «Проклятый мошенник!» — или: «Ну подожди-ка!» — Или весело: «Ну-ну, вот письмо от такого-то!» И таким тоном, словно тот «такой-то» живет где-то на обратной стороне Луны, а не в Ливерпуле или Бирмингеме. Не знаю, поймете ли вы…

— Поймем. Рассказывайте дальше, пожалуйста.

— А, получая эти письма, он не говорил ничего. На его лице не дрогнул ни один мускул. И знаете, до вчерашнего дня он ни одного письма открыто не уничтожал. А вчера за завтраком, снова получив письмо, он смял его, вышел из-за стола, задумчиво шагнул к камину и бросил в огонь. Как раз в этот момент тетя… — Розетта бросила на Хедли быстрый взгляд и, запнувшись на слове, смущенно замолчала. — Миссис… мадам… я хочу сказать, тетя Эрнестина… Как раз в это мгновение она спросила, не положить ли ему еще копченой свиной грудинки. Отец внезапно повернулся от огня и закричал: «Идите к черту!» Не успели мы опомниться, как он, ворча, что человеку не дают покоя, тяжело вышел из комнаты. Вид у него был ужасный. В этот же день он привез ту картину, был снова приветлив, усмехался, помог водителю и еще одному человеку внести ее наверх… Я…

я… не желаю, чтоб… — Розетта задумалась, а это было плохо. — Я не желаю, чтоб у вас сложилось впечатление, будто я не люблю отца, — добавила она неуверенно.

— А до тех пор отец вспоминал про того человека из ресторана?

— Мимоходом, когда я спрашивала. Он сказал, что это — шарлатан, который угрожает ему за насмешку над… колдовством.

— Почему, мисс Гримо?

— Я это чувствовала. — Девушка, не моргая, смотрела на Хедли. — У меня часто возникала мысль, не было ли в прошлом моего отца чего-то такого, что могло накликать на него беду.

В наступившей тишине слышно было поскрипывание и глухие равномерные звуки шагов на крыше. На лице у девушки появлялись словно отблески пламени то страх, то ненависть, то боль, то сомнение. Положив ногу на ногу, она забавно выпрямилась в кресле, вяло улыбнулась и обвела присутствующих взглядом слегка прищуренных глаз. Голова ее лежала на спинке кресла так, что свет падал па шею, отражался в глазах, оттенял скулы, и лицо казалось грубым и скорее широким, чем вытянутым.

— Могло накликать беду? — переспросил Хед-

ли. — Я не совсем понимаю. У вас есть основания так думать?

— Никаких оснований у меня нет, и я так не думаю, — быстро ответила Розетта. — Просто эти его чудачества… Возможно, сказались отцовские пристрастия… Кроме того, считалось, что моя мать — она умерла, когда я была еще ребенком, — тоже была ясновидящая. — Девушка поднесла ко рту сигарету. — Извините, вы меня о чем-то спросили?..

— Прежде всего о сегодняшнем вечере. Если вы считаете, что сведения о прошлом вашего отца чем-то помогут, то Скотленд-Ярд воспользуется вашим советом.

Девушка вынула изо рта сигарету.

— Но, — продолжал Хедли бесцветным голосом, — вернемся к тому, что рассказывал мистер Менген. Итак, после ужина мы вдвоем пошли в гостиную. Дверь в прихожую была закрыта. В котором часу профессор Гримо, по его словам, ждал посетителя?

— Э-э… Значит, так… — Менген наморщил бледный лоб и достал носовой платок. — Он пришел раньше. Профессор сказал, что посетитель придет в десять, а он пришел за пятнадцать минут до десяти.

— В десять? Вы уверены, что он сказал в десять?

— Ну… Да! По крайней мере я думаю, что так. Часов в десять, не правда ли, Розетта?

— Не знаю. Мне он ничего не говорил.

— Понимаю. Дальше, Менген.

— Мы играли у камина в карты. По радио передавали музыку, но звонок я услышал. Часы на камине показывали без пятнадцати десять! Я слышал, как входная дверь открылась и миссис Дюмон сказала что-то вроде: «Подождите. Я спрошу», — и закрыла дверь. Я крикнул: «Кто там?» Но музыка была такая громкая, что я, конечно, должен был подойти к двери, прежде чем мы услышали голос Петтиса. Мы были уверены, что это Петтис. Он воскликнул: «Привет, молодая парочка! Это я, Петтис. Что за формальность? Мне надо увидеть хозяина. Я пойду наверх».

— Он сказал именно эти слова?

— Да. Только Петтис всегда называет профессора Гримо хозяином. Больше никто на это не отваживается, разве что Бернаби. Но тот называет профессора «отцом». Так вот, он пошел наверх, а мы вернулись к игре. Ближе к десяти я начал немного волноваться и прислушиваться внимательнее.

— Следовательно, тот, кто назвал себя Петтисом, — вслух размышлял Хедли, черкая что-то в блокноте, — разговаривал с вами через дверь и вас не видел. Как вы думаете, откуда он знал, что вас двое?

— Наверное, видел нас в окно, — задумчиво проговорил Менген. — Когда поднимаешься на крыльцо, можно в ближайшее окно видеть все, что происходит в прихожей. Я и сам обращал на это внимание. И если в прихожей кто-то есть, то я обычно не звоню, а стучу в окно.

Старший инспектор сосредоточенно продолжал чертить. Казалось, он хотел спросить еще о чем-то, но сдержался. Розетта не отводила от него внимательного взгляда.

— Дальше, — наконец сказал Хедли. — Близился десятый час.

— И все было спокойно, — подхватил Менген. — Но, удивительное дело, после десяти, я, вместо того чтоб успокоиться, с каждой минутой волновался все больше и больше. Я говорил уже, что перестал ждать посетителя и больше не предвидел каких-то неприятностей. Но перед глазами у меня стояла темная прихожая с этим странным лицом под маской, и чем дальше, тем меньше мне это нравилось.

— Я вас хорошо понимаю, — вмешалась Розетта, туманно посмотрев па Менгена. — Я чувствовала то же самое, но молчала, чтобы не показаться глупой.

— О, у меня такой же недостаток, — горько посетовал Менген. — Поэтому меня так часто увольняют. Наверное, уволят и на этот раз, потому что я не сообщил в редакцию о сегодняшнем случае. Будь он проклят, этот редактор газеты. Я не Иуда. — Он смутился. — Во всяком случае, было почти десять минут одиннадцатого, когда я почувствовал, что дальше не выдержу, бросил карты и предложил Розетте: «Слушай, давай выпьем и включим в вестибюле все лампочки или сделаем еще что-нибудь!» Я уже собрался позвонить Энни, когда вспомнил, что сегодня суббота и у нее свободный вечер…

— Энни? Горничная? Я и забыл про нее. Ну, а что же было дальше?

— Я хотел выйти из комнаты, но дверь оказалась запертой извне. Это было так, словно… Допустим, в вашей спальне есть какая-то вещь, на которую вы не обращаете внимания, — картина, статуэтка или еще что-то. Однажды у вас появится ощущение, будто с комнатой не все в порядке. Вы нервничаете, потому что никак не

можете понять причину. Потом вдруг оказывается, что какая-то пещь исчезла. Понимаете? Вот такое ощущение было у меня.

Я знал: что-то неладно. Ощущал это с тех пор, как посетитель пошел наверх, но ошеломила меня запертая дверь. И как раз тогда, когда я, словно сумасшедший, начал дергать за дверную ручку, прогремел выстрел. Даже на первом этаже нам было хорошо слышно… Розетта вскрикнула… — Я не кричала!

— …и сказала то, о чем я и сам подумал: «Это был совсем не Петтис! Он…»

— Вы можете назвать время, когда это произошло? — Конечно. Было как раз десять часов десять минут.

Я пытался высадить дверь. — В глазах Менгена промелькнул веселый огонек. — Вы замечали, как легко высаживают двери в романах? Эти романы — просто золотое дно для столяров. Целыми десятками двери высаживают по малейшему поводу, даже если кто-то внутри не желает ответить па случайный вопрос. Но попробуйте высадить первые попавшиеся двери в этом доме. Это невозможно! Какое-то время я бил и них плечами, а потом подумал, что лучше вылезти в окно, и зайти в дом через парадную или заднюю дверь.

Как раз тогда и подъехали вы, следовательно, то, что было дальше, хорошо знаете.

— А входные двери часто оставались незапертыми, мистер Менген? — постукивая карандашом по блокноту, спросил Хедли.

— О Господи! Откуда я знаю!.. Но единственное, чего я желал в ту минуту, чтоб это было так. Во всяком случае, они оказались незапертыми.

— Это правда, они были не заперты. Вы можете что-то добавить, мисс Гримо?

— Бойд рассказал вам обо всем так, как было, — опустила веки девушка. — Но вас же всегда интересует даже то, что на первый взгляд не имеет никакого отношения к делу, или не так? Наверное, то, что я скажу, и в самом деле не имеет значения… Незадолго до того, как позвонили в дверь, я подошла к столу между окнами взять сигарету. Бойд уже говорил, что было включено радио. Но я услышала, как будто на улице или на тротуаре перед домом что-то тяжелое упало с большой высоты. Знаете, это не был обычный уличный звук. Казалось, упал человек.

Ремполу стало не по себе.

— Гм… Что-то упало, говорите? — переспросил Хедли. — А вы в окно не посмотрели?

— Посмотрела, но ничего не увидела. Я отодви-

нула штору и могу присягнуть, что улица была без… — Она замолчала на полуслове с открытым ртом и застывшим взглядом. — Боже мой!

— Это правда, мисс Гримо, — утвердительно кивнул головой Хедли. — Как вы и говорите, шторы на всех окнах были опущены. Я обратил на это внимание из-за того, что мистер Менген запутался в шторе, когда выскакивал в окно. Поэтому меня и удивило, что посетитель мог увидеть вас в окно. А, может, они были опущены не все время?

Тишину нарушали лишь звуки на крыше. Ремпол посмотрел на доктора Фелла. В надвинутой на глаза широкополой шляпе тот стоял, сжав подбородок рукой и опершись о дверь, которую нечего было и думать высадить. Ремпол перевел взгляд на невозмутимого Хедли, потом снова на девушку.

— Он считает, что мы говорим неправду, Бойд, — пожала плечами Розетта Гримо. — Не знаю, что мы можем сказать еще.

— Я совсем так не считаю, мисс Гримо, — широко улыбнулся Хедли. — И скажу вам почему. Потому что вы единственная, кто может нам помочь. Я даже скажу вам, как все произошло… Фелл!

— Что? — встрепенулся доктор Фелл.

— Я хочу, чтоб вы послушали, — ровным голосом повел дальше рассказ старший инспектор. — Недавно вы с большим удовлетворением слушали явно неправдоподобные истории Милльза и мадам Дюмон. И уверяли, что верите им, хотя и не объяснили почему. В свою очередь, я хочу сказать, что не меньше, чем им, я верю тому, что рассказали эти двое молодых людей. Объяснив, почему я им верю, я объясню и невозможную на первый взгляд ситуацию.

Доктор Фелл, отгоняя какие-то мысли, встряхнул головой, надул щеки и внимательно посмотрел на Хедли, словно готовился вступить с ним в бой.

— Возможно, я объясню и не все, но вполне достаточно, чтоб сузить круг подозреваемых до нескольких человек и понять, почему на снегу не было следов.

— А, вот вы о чем! — небрежно бросил доктор Фелл. — На миг мне показалось, что вы имеете в виду что-то важное. То, что вы сказали, — очевидная вещь.

Сдержав силой воли гнев, Хедли продолжал:

— Тот, кто нам необходим, не оставил следов ни на тротуаре, ни на лестнице, потому что его, после того, как перестал идти снег, ни на тротуа-

ре, ни на лестнице не было. Он какое-то время, а может быть, и все время был в доме. Итак, преступник или находился в этом доме, или — и это еще вероятнее — просто спрятался в доме с вечера, воспользовавшись входной дверью. Это объясняет все противоречия в рассказе каждого из вас. В определенное время он надевает свой маскарадный убор, выходит из входной двери на подметенное крыльцо и нажимает кнопку звонка. Это объясняет и то, откуда он знал, что мисс Гримо и мистер Менген сидят в комнате с опущенными на окнах шторами. Он видел, как они туда входили. Это объясняет так же, как он мог войти в прихожую, хотя перед ним закрыли дверь и велели подождать. У него был ключ.

— Гм… гм… — скрестил руки и покачал головой доктор Фелл. — А зачем даже не совсем нормальному человеку прибегать к такому сложному фокусу-покусу? Если преступник живет в доме, то это аргумент неплохой. Он хотел, чтобы его считали чужим. А если он в самом деле чужой, то зачем рисковать и прятаться в доме, прежде чем начинать действовать? Почему просто не прийти в определенное время?

— Во-первых, — возразил педантичный Хедли, загибая пальцы, — он должен был знать, где

был в то время каждый из жильцов дома, чтобы никто не стал ему помехой. Во-вторых, — и это еще важнее — он хотел довести до конца фокус с исчезновением и не оставить следов ног, тем более на снегу. Скажем, так, для сумасшедшего… для брата Анри фокус с исчезновением означал бы все. Поэтому он вошел, когда падал густой снег, и ждал, пока снег перестанет.

— Кто такой брат Анри? — резко спросила Розетта.

— Это просто имя, дорогая, — учтиво ответил доктор Фелл. — Я же вам уже говорил, вы его не знаете… А теперь, Хедли, я хочу кое-что опровергнуть. Мы говорим о снеге, который начинает или перестает идти так, словно для этого достаточно отвернуть или завернуть кран. Но я хотел бы знать: как, черт возьми, можно наперед угадать, когда снег начнет идти, а когда — перестанет? Вряд ли кто-то мог бы сказать: «Ага, в субботу вечером я совершу преступление. Думаю, снег пойдет ровно в пять часов вечера и перестанет в половине десятого. У меня будет достаточно времени зайти в дом и, пока снегопад закончится, подготовить свой фокус». Хе-хе! Ваши сомнительные объяснения ничего не объясняют. Скорее можно поверить тому, что преступник ходил по

снегу, не оставляя следов, чем тому, что он знал твердо, когда будет идти снег.

— Я пытался прийти к главному, — недовольно произнес старший инспектор, — но, если надо защищаться… Вы не обратили внимания на то, что раскрывается и последняя загадка?

— Какая именно?

— Наш приятель Менген заверял, что посетитель угрожал прийти с визитом в десять часов. А миссис Дюмон и Миллз говорят — в половине десятого. Подождите, подождите, Менген! Кто говорил неправду — А или Б? Во-первых, какая уважительная причина может быть для того, чтобы неправильно называть более позднее время? Во-вторых, если А называет десять часов, а Б — половину десятого, одно из двух, вольно или невольно, нужно знать точное время заранее. А кто из них назвал время правильно?

— Никто! — вырвалось у Менгена. — Он пришел без четверти десять.

— Так. Это означает то, что оба говорят правду. Следовательно, Гримо знал время, когда придет посетитель, не точно, а приблизительно — между половиной десятого и десятью, а поэтому, стараясь не показать, что испугался угрозы, назвал и одно, и второе время. Моя жена тоже так делает,

когда приглашает друзей на партию бриджа… Но почему брат Анри не мог быть пунктуальным? Потому что он, как говорит Фелл, не мог завернуть кран и остановить снег. Он мог рисковать, надеясь на то, что снег будет идти, как шел несколько предыдущих вечеров, и готов был ждать, возможно, даже до полуночи. Так долго ему ждать не пришлось. Снег перестал идти в половине десятого, и тогда преступник сделал то, что сделал. Подождал пятнадцати минут, как сделал бы сумасшедший, чтобы после не было доказательств, и позвонил.

Доктор Фелл хотел было что-то сказать, но, посмотрев на напряженные лица Розетты и Менгена, передумал.

— Следовательно, — распрямил плечи Хедли, — я доказал вам, что верю всем вашим словам и рассчитываю на вашу помощь… Тот, кто нам нужен, не случайный посетитель этого дома. Он знает расположение комнат, заведенный порядок, привычки жильцов. Знает ваши обороты речи и прозвища, знает, как мистер Петтис обращается не только к профессору Гримо, но и к вам. Он не случайный посетитель, скажем, какой-нибудь коллега профессора, которого вы никогда ранее не видели. Поэтому мне желательно знать

все о всех, кто довольно часто бывал в этом доме, и я хочу, чтобы вы описали всех близких знакомых профессора.

— Вы считаете, — испуганно начала девушка, — что это кто-то из них? Да нет, это невозможно! Я в этом уверена. Нет, нет, нет! — В ее голосе слышались нотки, напоминавшие голос мадам Дюмон.

— Почему вы так уверены? — резко спросил Хедли. — Вы знаете, кто стрелял в вашего отца?

— Нет, конечно, нет! — От такого неожиданного вопроса она даже подскочила.

— Вы кого-то подозреваете?

— Нет, — саркастически усмехнулась Розетта. — Я только не понимаю, почему вы не ищете преступника за пределами дома. Вы прочитали нам очень интересную лекцию о дедукции. Искренне вас благодарю. Но, если преступник был внутри дома и действовал так, как вы сказали, тогда все в самом деле логично. Правильно я понимаю? Это может касаться и иных людей.

— Кого? — вырвалось у Хедли.

— Давайте подумаем! А впрочем… дело ваше. — Розетта удовлетворенно заметила его волнение. — Вы не разговаривали с остальными жильцами дома. Вы не разговаривали с Энни, да и с мистером Дрейменом тоже. Примите это

во внимание. Но вторая ваша версия абсолютно бессмысленна. Во-первых, у моего отца очень мало друзей. Кроме тех, кто живет в этом доме, лишь двое мужчин, но ни один из них физически не может быть тем, кто вам нужен. Первый — это сам Энтони Петтис. Он ростом не выше меня, а я далеко не амазонка. Второй — Джером Бернаби, художник, который нарисовал эту странную картину. У него имеется небольшой, но заметный физический недостаток, который невозможно скрыть. Следовательно, тетя Эрнестина или Стюарт Миллз узнали бы его сразу.

— И все-таки: что вы о них знаете?

— Оба среднего возраста, состоятельные. У обоих одинаковое пристрастие — тратить попусту время. И почему только они не возьмутся за что-нибудь серьезное?! — всплеснула она руками. — Петтис — лысый и привередливый. Я не хочу сказать, что у него характер старой девы. Мужчины называют его славным парнем. К тому же он умный. Потом… — Посмотрев на Менгена и широко усмехнувшись, она медленно, словно вспомнила о чем-то приятном, продолжила дальше: — Бернаби… Джером, конечно, кое-что сделал. Он довольно известный художник, а кроме того, довольно известен как криминолог.

Высокого роста, простоватый, любит поговорить о преступлениях и похвастаться бывшими своими спортивными достижениями. Джером по-своему привлекателен, очень меня любит, а Бойд страшно ревнует.

— Мне он не нравится, — спокойно добавил Менген. — Если откровенно, то я ненавижу его, и мы оба об этом знаем. Но в конце концов в одном Розетта права. Ничего такого он никогда не сделает.

— Так какой у него физический недостаток? — спросил Хедли, оторвав глаза от блокнота.

— Он хромой. И скрыть это невозможно.

— Благодарю, — сказал Хедли, закрывая блокнот. — Пока что все… Я посоветовал бы вам пойти в больницу. У вас нет… э-э… вопросов, Фелл?

— Гм… Лишь один. — Доктор Фелл сделал шаг вперед, склонил набок голову, отмахнул, словно муху, шнурок от очков, и, пристально глядя на девушку, спросил: — Мисс Гримо, почему вы так уверены, что виновен именно мистер Дреймен?

ПУЛЯ

Ответа на свой вопрос доктор Фелл не получил. Не успел Рempол понять, что случилось, как все было закончено. Имя Дреймена доктор Фелл произнес так небрежно, что Рempол оставил его без внимания, а на Розетту даже не посмотрел. Рempол так и не понял, почему живой, разговорчивый и жизнерадостный Менген, которого он хорошо знал, вдруг сделался таким жалким и, пятясь к двери, залепетал, словно шут. Шутом Менген никогда не был. Но теперь…

— Вы дьявол! — крикнула Розетта Гримо.

Ее крик подействовал на Рempола, будто скрежет ножа по тарелке. Повернувшись, он увидел, что скулы па ее лице еще больше выдались, рот стал широким, глаза погасли. Она мгновенно подхватилась и, махнув полами норковой шубы, выбежала мимо доктора Фелла в зал. Вслед за нею, громыхнув дверью, помчался и Менген. Через минуту он возвратился. Вид у него был почти карикатурный: спина сгорблена, голова опущена, лоб покрылся морщинами, неспокойные темные глаза увеличивались. Вытянув руки вперед ладонями, будто пытаясь успокоить присутствующих,

он сказал:

— Э-э… извините! — И снова прикрыл за собой дверь.

— Она — дочь своего отца, Хедли, — хрипло проговорил доктор Фелл и, закрыв глаза, медленно покачал головой. — Гм-гм… Это у нее от нервного напряжения. Теперь она словно порох в патроне, достаточно нажать на спусковой крючок — и… гм… Боюсь, что она просто болезненно подозрительна, но, возможно, считает, что имеет на то основания.

— Наконец, она иностранка. Однако дело не в этом, — неторопливо заметил Хедли. — Мне кажется, вы всегда попадаете в цель, как меткий стрелок, который разбивает сигарету, торчащую изо рта курильщика, не причиняя ему вреда. Кстати, что вы там говорили о Дреймене?

— Минутку, минутку! Какого вы мнения о Розетте, Хедли? А о Менгене? — Доктор Фелл обратился к Ремполу. — В моей голове все немного перепуталось. Из ваших слов у меня сложилось впечатление, что Менген — невозмутимый ирландец из той породы, которую я знаю и которая мне нравится.

— Он был таким, понимаете, — ответил Ремпол.

— Что касается того, какого я мнения о Розетте, — начал Хедли. — Хотя она владеет собой и хладнокровно анализировала жизнь своего отца, у нее, между прочим, дьявольски умная голова! Но, держу пари, в эту минуту она в слезах бежит в больницу, упрекая себя за то, что не всегда была с ним достаточно любезна. В ней сидит дьявол, Фелл. Ей нужен хозяин в полном смысле этого слова, Менген не станет им до тех пор, пока не вдолбит это ей в голову кулаками или не примет ее собственного совета, высказанного во время дискуссии в университете.

— С тех пор как вы стали старшим инспектором, — искоса глядя на Хедли, проговорил доктор Фелл, — у вас появилась какая-то вульгарная самоуверенность, и это меня печалит и удивляет. Неужели вы и в самом деле верите всей этой бессмыслице — будто убийца незаметно проник в дом и, затаившись, ждал, пока перестанет идти снег?

— Эта версия не хуже остальных, поскольку лучшей у нас нет, — широко улыбнулся Хедли. — К тому же свидетели тоже уверены, что мы так считаем. Наконец, я верю тому, что они рассказали. Кстати, нас интересует, есть ли следы от ног на крыше, так? Но к этому мы еще возвратимся.

Так что вы там говорили о Дреймене?

— Начнем с того, что я вспомнил странное замечание мадам Дюмон. У нее как-то вырвалось, что она не понимает, зачем убийце было надевать раскрашенную маску, как это делает Дреймен в ноябрьскую карнавальную ночь. Я запомнил этот странный намек на чучело Гая Фокса и все удивлялся, что бы это значило. Со временем я совсем случайно, спрашивая у Менгена про Петтиса, употребил слова: «…одет, словно чучело Гая Фокса пятого ноября». Вы заметили тогда выражение ее лица, Хедли? Мое упоминание об одежде посетителя было для нее настолько же странным, насколько неприятным. Девушка промолчала. Она ненавидела того, о ком подумала в ту минуту. Кого?

— Припоминаю, — ответил Хедли, потирая лоб. — Видно было, что она кого-то подозревает или желает, чтоб его заподозрили. Вот почему я и спросил у нее об этом откровенно. Она, по сути, подвела меня к мысли, что убийца кто-то из жильцов дома. Правду говоря, на какое-то мгновение показалось, будто она намекает на свою мать.

— Намекала она меж тем на Дреймена. Вспомните: «Вы не разговаривали с Энни и с мистером

Дрейменом тоже». — Доктор Фелл обошел вокруг столика с пишущей машинкой, Внимательно рассматривая стакан с молоком. — Мы должны увидеть Дреймена. Меня заинтересовал этот дармоед и старый приятель профессора Гримо, который принимает снотворные таблетки и пятого ноября надевает маску. Какие у него обязанности? Что он вообще делает в этом доме?

— Вы имеете в виду… шантаж?

— Нелепость, мой друг. Вы когда-нибудь слыхали, чтобы школьный учитель кого-то шантажировал? Нет, нет! Учителя слишком чувствительны к тому, что о них подумают люди. Профессия учителя имеет свои недостатки, я это по себе знаю, но учитель никогда не займется шантажом. Наверное, Гримо взял его по собственной доброте, но… — Доктор Фелл замолчал.

В противоположном углу комнаты открылась и закрылась дверь, за которой была лестница на чердак. От порыва холодного воздуха плащ у доктора Фелла надулся. В комнате появился закутанный большим шерстяным шарфом, с посиневшими от холода губами, довольный Миллз. Откинув голову назад, как это делают шпагоглотатели, он выпил молоко из стакана, протянул руки к огню в камине и сказал:

— Через люк на крышу я наблюдал за вашим детективом, джентльмены. Он несколько раз сползал, но… Извините, у вас есть для меня какие-нибудь поручения? Мне очень хочется вам помочь, но боюсь, я забыл…

— Разбудите мистера Дреймена, если даже придется облить его холодной водой, — нетерпеливо сказал старший инспектор. — А если мистер Петтис еще тут, то скажите, что я хочу его видеть. Что там нашел сержант Бейтс?

Ответил сам сержант Бейтс. Вид у него был такой, словно он только что вылез из сугроба. Тяжело дыша, он потопал ногами, сбивая снег, отряхнул одежду и, шатаясь, подошел к камину.

— Сэр, — начал он, — я могу присягнуть, что на крыше нет даже птичьих следов. Там вообще нет никаких следов. Я обследовал каждый фут. Я привязывал веревку к каждой дымоходной трубе и проползал вдоль всего водосточного желоба. Никаких следов ни там, ни около труб. Если кто-то и вылезал на эту крышу сегодня вечером, то он должен был быть легче воздуха. А теперь я пойду вниз и осмотрю задний двор…

— Но все же… — вырвалось у Хедли.

— Хорошо, — одобрительно сказал доктор Фелл. — А мы лучше пойдем и посмотрим, что

там делают детективы в комнате профессора Гримо. Если Престон…

Стремительно открыв дверь, появился, словно по вызову, сержант Престон. Он перевел взгляд с Бейтса на Хедли и, немного волнуясь, доложил:

— Я задержался. Надо было отодвинуть и поставить на место все книжные шкафы. Ничего! Никакого тайного хода. Дымоход прочный, без каких-либо секретов. Дымоход идет под углом и имеет лишь два-три дюйма в разрезе… Что-нибудь еще, сэр? Парни работу закончили.

— Отпечатки пальцев?

— Отпечатков много, но… Вы открывали окно, сэр? На стекле отпечатки ваших пальцев. Я их знаю, сэр.

— Вообще я стараюсь своих отпечатков не оставлять, — прервал его Хедли. — Что дальше?

— Других отпечатков на стекле нет. А рамы и подоконники покрыты лаком. На них остались бы не только отпечатки пальцев, но и перчаток. Если бы кто-то не хотел оставлять следов, ему пришлось бы разогнаться и, ни к чему не прикасаясь, нырнуть из окна вперед головой.

— Благодарю! Довольно, — бросил Хедли. — Бейтс, идите осмотрите задний двор… Мистер Миллз, подождите! Пока Престон сходит и по-

зовет мистера Петтиса, я хотел бы поговорить с вами.

— Кажется, все, что я вам рассказал, берется под сомнение, — саркастически усмехнувшись, проговорил Миллз, когда Бейтс и Престон вышли. — Уверяю вас, я рассказал правду. Вот тут я сидел. Посмотрите сами.

Хедли открыл дверь. В тридцати шагах от него в противоположном конце высокого полутемного зала была дверь в комнату профессора Гримо; на нее падал яркий свет из-под арки.

— По-моему, ошибиться невозможно, — буркнул старший инспектор. — А может, посетитель и правда не входил в комнату? Если принять во внимание то, что мы слышали, то можно сделать вывод: около дверей происходили не совсем понятные вещи. Я не думаю, что к этому была как-то причастна женщина — в маске или… Но вы же видели их одновременно. Во всяком случае, ужас, да и только!

— Ничего непонятного у двери не происходило, — искренне обиделся Миллз. — Я хорошо видел всех троих. Мадам Дюмон была справа от дверей, высокий посетитель — слева, а доктор Гримо — посредине. Посетитель вошел в комнату, закрыл за собой дверь и больше оттуда не

выходил. Все это происходило не в полутьме. Невозможно было ошибиться в том, что посетитель был огромного роста.

— Я тоже не вижу оснований сомневаться, Хедли, — добавил доктор Фелл после паузы. — Версия, что посетитель мог выйти из комнаты через дверь, отпадает. Что вы знаете об этом Дреймене, мистер Миллз?

— Он в самом деле интересный человек, — сощурив глаза, тихим голосом ответил Миллз. — Но я знаю о нем не много. Он поселился тут за несколько лет до меня, по крайней мере так мне сказали. Отказался от работы учителя, ибо, несмотря на усилия врачей, начал терять зрение, хотя по виду… э-э… его глаз и не скажешь, что он почти слепой. Дреймен обратился за помощью к профессору Гримо.

— Профессор Гримо чем-то ему был обязан?

— Этого я не могу сказать. Как-то упоминалось, будто Они познакомились в Париже, где профессор Гримо учился. Это все, что я знаю, если не считать того, что сказал профессор, провозглашая тост на одном, так сказать, праздничном банкете. — Миллз, не раскрывая рта, самодовольно усмехнулся, сощурив глаза и с иронией в голосе, повел рассказ дальше. — Так вот, профессор Гри-

мо сказал, что мистер Дреймен когда-то спас ему жизнь, и назвал его наилучшим в мире товарищем. Конечно, при условии… Миллз по привычке поставил одну ногу перед другой и, покачиваясь взад-вперед, постукивал носком заднего ботинка по каблуку переднего. В такой позе его маленькая фигурка с большой копной волос на голове напоминала карикатуру на Суинберна.[12]

— Ну, а за что не любите его вы? — с интересом посмотрев на него, спросил доктор Фелл.

— Я и не люблю его, и не отношусь с пренебрежением. Но он не делает ничего.

— Поэтому и мисс Гримо не любит его?

— Мисс Гримо не любит его? — переспросил Миллз, широко раскрыв глаза. — Да, я замечал это, но не был уверен.

— А почему ему так нравятся ночи Гая Фокса?

— Гая Фо… — Миллз удивленно замолчал, потом усмехнулся и продолжал: — А-а! Я сразу не понял. Видите ли, он очень любит детей. Двое его собственных погибли несколько лет назад. Как мне известно, они упали вниз с крыши. Это была одна из тех бессмысленных трагедий, от которых мы избавимся, когда построим в будущем большой

---

[12] Примечания: 12

Суинберн Алджерон Чарлз (1837–1909) — известный английский поэт, драматург и критик.

величественный, просторный мир. — После этих его слов лицо у доктора Фелла налилось кровью, но Миллз не замечал ничего. — Его жена не пережила горя. Со временем у него начало ослабевать зрение… Он любит общаться с детьми, да и у него у самого словно детское мышление, несмотря на определенные умственные способности. Миллз надул губы. — Он никогда не пропускает случая побыть пятого ноября среди детей. Это день рождения одного из его несчастных детей. Он целый год экономит деньги, чтоб купить иллюминацию и украшения и смастерить комическое чучело Гая Фокса для…

Постучав, в комнату вошел сержант Престон.

— Внизу никого нет, — доложил он. — Джентльмен, которого вы хотели видеть, наверное, ушел домой. А это только что для вас принес парень из больницы. — С этими словами сержант передал старшему инспектору конверт и квадратную коробочку, похожую на шкатулку для хранения драгоценностей. Хедли достал записку, пробежал ее глазами и выругался.

— Преставился — и ни слова! — бросил он. — Вот, читайте!

Доктор Фелл начал читать. Ремпол заглянул ему через плечо. В записке говорилось:

«Старшему инспектору Хедли.

Бедняга Гримо скончался в 11.30. Посылаю вам пулю. Думаю, она выпущена из револьвера 0,38 калибра. Я пытался связаться с полицейским врачом, но он занят другим делом, поэтому высылаю ее вам. Перед самой смертью профессор Гримо потерял сознание. То, что он сказал, могут, кроме меня, засвидетельствовать две мои медицинские сестры. Да, возможно, он бредил, и я должен быть осторожным. Я был с ним знаком довольно хорошо, но совсем не знал, что у него есть брат. Сообщив мне об этом, профессор Гримо сказал дословно следующее: «Это сделал мой брат. Я не думал, что он будет стрелять. Бог его знает, как он выбрался из той комнаты. В эту секунду он там, а в следующую его там уже нет. Возьмите карандаш и бумагу, быстрее! Я хочу сказать вам, кто мой брат, чтобы вы не подумали, будто у меня бред».

От напряжения у него началось кровотечение, и он скончался, не сказав больше ничего. Жду указаний относительно тела. Если могу чем-то помочь, дайте знать.

И. Петерс, доктор медицины».

Все переглянулись. Загадка оставалась по-прежнему трудной и неразгаданной, факты настоящими, показания проверенными. Оставался

и страх перед бесплотным человеком. Помолчав, старший инспектор печально повторил: — Бог его знает, как он выбрался из той комнаты.

Второй гроб
ЗАГАДКА КАЛИОСТРО-СТРИТ

ОТКРЫТАЯ МОГИЛА

Доктор Фелл от нечего делать прошелся по комнате, вздохнул и сел в большое кресло.

— Брат Анри… — проворчал он. — Гм… Да… Боюсь, нам придется возвратиться к брату Анри.

— К черту брата Анри! — тоскливо проговорил Хедли. — Сначала вернемся к брату Пьеру. Он знает! Почему нет никакого известия от констебля? Где тот, кого послали за братом Пьером в театр? Проклятые, уснули и…

— Мы не должны этого бояться, — прервал разгневанного Хедли доктор Фелл, — у нас наконец есть ключ…

— Какой?

— Ключ к содержанию слов, которых мы не могли понять. К сожалению, теперь они нам не помогут, хотя теоретически мы можем узнать, что они означают. Боюсь, доктор Гримо загнал нас в глухой угол. Он ничего не говорил нам, а скорее, пытался спросить нас.

— Как это?

— Разве не понятно, что это именно так? Гримо сказал: «Бог его знает, как он выбрался из той комнаты. В этот миг он там, а в следующий его

уже нет». Попробуем разложить по полочкам все слова из этого вашего драгоценного блокнота. У вас с Тедом немного разные версии, но начнем с тех слов, которые у вас обоих не вызывают сомнения. Отложим в сторону первую загадку. Думаю, что касается слов «Хорват» и «соляная шахта», мы можем быть уверены. Отложим также те, относительно которых согласия нет. Что остается в обоих ваших списках?

— Начнем с меня, — щелкнул пальцами Хедли. — Остается: «не мог с веревкой», «крыша», «снег», «роща», «очень яркий свет». Следовательно, если мы попробуем свести вместе все эти слова, то будем иметь что-то вроде: «Бог его знает, как он выбрался. Он не мог воспользоваться веревкой ни для того, чтобы подняться на крышу, ни для того, чтобы опуститься на снег. В этот миг он там, в следующий его уже нет. Был очень яркий свет, чтобы я не разглядел каждого его движения…» Хотя… подождите! А если это относится…

— А теперь сравните расхождения, — предложил доктор Фелл. — Тед услыхал: «не самоубийство». В общем, эти слова можно понять и так: «Это не самоубийство. Я себя не убивал». Вы услыхали слово «револьвер», которое не трудно

согласовать с другими: «Я не думал, что он будет стрелять». Видите, все ключи к разгадке превращаются в вопросы. Это первое из всех известных мне дел, где жертва проявляет такое же любопытство, что и остальные участники.

— А что относительно слова «роща»? Оно никуда не подходит.

— Подходит, — угрюмо посмотрел на Хедли доктор Фелл. — Оно самое легкое из всех, но может оказаться самым хитрым, и нам не следует торопиться использовать его. Все зависит от того, в каких обстоятельствах звучат слова. Если проанализировать, какую ассоциацию вызывает то или иное слово у разных людей, и напомнить слово «роща» природоведу, то он, наверное, ответит «лес», а вот историк, вероятнее, скажет… Ну быстро думайте, что?

— Фокс! — не колеблясь воскликнул Хедли и после напряженной паузы спросил — Вы имеете в виду, что мы возвращаемся к разговору о маске в карнавальную ночь Гая Фокса или что-то вроде этого?

— Ну, о ней говорим не только мы, — потер лоб доктор Фелл. — Меня не удивит, если такая маска кому-то бросилась в глаза где-нибудь на улице неподалеку отсюда. Что вы на это скажете?

— Я скажу, что мне надо поговорить с мистером Дрейменом, — хмуро ответил старший инспектор. Подойдя к двери, он удивленно увидел, что их жадно подслушивает Миллз, прижавшись лицом к стеклу.

— Спокойно, Хедли! — предостерег старшего инспектора доктор Фелл. — Это на вас не похоже. Вы умеете быть невозмутимым, словно гвардеец в почетном карауле, когда летают загадочные тарелки, но не умеете держать себя в руках, когда видите что-то вполне понятное. Пусть наш юный друг слушает. Ему это было полезно, даже если он услышал только конец нашего разговора. — Он усмехнулся. — А разве это бросило подозрение на Дреймена? Наоборот. Помните, мы не закончили сводить вместе составные части нашей картины-головоломки. Ибо не учли одной мелочи: слов, которые вы не слыхали сами. Розовая маска должна была навести Гримо на мысль о Дреймене, как она, кажется, навела на эту мысль нескольких других людей. Но Гримо знал, чье лицо было под маской. Поэтому мы имеем вполне достоверное объяснение его последних слов, которые вы записали: «Не сваливайте на беднягу...». Кажется, он относился к Дреймену очень доброжелательно. — Помолчав, доктор Фелл обратился к Миллзу

— Приведите его сюда, дружище!

Когда дверь за Миллзом закрылась, Хедли устало сел, достал из нагрудного кармана мятую сигару и оттянул пальцами воротник, который вдруг сделался ему тесным.

— Искусство метко стрелять? — спросил он сам себя через некоторое время. — Туго натянутая веревка и смелый юноша на… Гм… — Уставившись взглядом в пол, он с досадой проговорил — Я, наверное, схожу с ума. Нормальный человек про такое не подумает. У вас есть конкретные предложения?

— Да. Немного погодя, с вашего разрешения, я применю метод Гросса.

— Что вы примените?

— Метод Гросса. Вы забыли? Мы о нем сегодня тоже вспоминали. Надо очень осторожно достать из камина все сожженные и не догоревшие бумаги и попробовать по методу Гросса прочитать, что на них было написано… Спокойно! — бросил он, ибо Хедли пренебрежительно хмыкнул. — Я не надеюсь прочитать все или даже половину, но строчка тут, строчка там. И это нам подскажет, что было для Гримо важнее, чем сохранить собственную жизнь. Вот так вот.

— И как же этот фокус делается?

— Сами увидите. Имейте в виду, я не уверяю, будто можно что-то прочитать на совершенно сожженной бумаге, но на той, которая остается внутри и только почернела, можно. Других предложений у меня нет, вот разве что… Что там такое?

Сержант Бейтс, теперь уже не такой облепленный снегом, неуклюже вошел в комнату. Прикрывая дверь, он еще раз убедился, что за ней никого нет, и доложил:

— Я осмотрел задний двор, сэр, и два прилегающих. Проверил все заборы. Ни следов ног, ни любых других нигде нет… Но одну рыбку мы с Престоном, кажется, поймали. Когда я возвращался, по лестнице сбежал высокий старый человек, долго, словно чужой, копался, пока нашел пальто и шляпу, а потом бросился к наружной двери. Он говорит, что его фамилия Дреймен и что он тут живет, но мы подумали…

— Думаю, вы сами убедитесь, что он плохо видит, — бросил доктор Фелл. — Пусть зайдет.

У Дреймена было вытянутое худое лицо, седые волосы, окаймленные морщинками, кроткие ярко-голубые глаза, что отнюдь не свидетельствовало о его плохом зрении, нос с горбинкой, от которого две глубокие бороздки сбегали і мягким

губам. Большая лысина делила высокий узкий лоб, а когда Дреймен его морщил, то одна бровь поднималась вверх, и все лицо приобретало выражение нерешительности. Несмотря на его сгорбленные плечи, было видно, что Дреймен высокого роста, а его костлявая фигура казалась довольно крепкой. Он был похож на военного, который перестал заботиться о своем внешнем виде. Его серьезное, добродушное лицо приобрело предупредительное выражение.

Одет Дреймен был в темное, застегнутое до самого подбородка пальто. Стоя в дверях с прижатой к груди шляпой, он внимательно осмотрел всех из-под лохматых бровей, а потом заговорил глубоким голосом человека, который, казалось, вообще не привык говорить:

— Прошу меня извинить. Я знал, что должен был явиться к вам, прежде чем выйти из дома. Но когда молодой мистер Менген разбудил меня и рассказал, что случилось, я решил немедленно увидеть Гримо и посмотреть, не могу ли я чем-то помочь ему. — Ремпол подумал, что на Дреймена все еще действуют снотворные таблетки, поэтому так блестят его глаза. Сделав шаг вперед, Дреймен нащупал рукой спинку стула, но не сел, пока Хедли ему не предложил.

— Мистер Менген сказал мне, что профессор Гримо…

— Профессор Гримо умер, — сухо бросил Хедли.

В комнате наступила тишина. Наконец Дреймен, держа руки на шляпе и выпрямившись на стуле, насколько ему позволяла сутулость, на мгновение закрыл глаза, затем посмотрел куда-то в сторону и медленно проговорил — Успокой, Боже, душу его… Шарль Гримо был добрым человеком.

— Вам известно, как он умер?

— Да. Мистер Менген рассказал мне.

— В таком случае, вы понимаете, что единственная возможность помочь нам схватить убийцу вашего приятеля — это рассказать все, что вы знаете.

— Я… Да, конечно.

— Будьте очень внимательны, мистер Дреймен! Нам необходимо услышать все о его прошлой жизни. Вы его хорошо знали? Где вы с ним познакомились?

Создалось впечатление, будто вытянутое лицо Дреймена вдруг потеряло очертания и расплылось.

— В Париже. Он получил в университете ученую докторскую степень в тысяча девятьсот

пятом году — в том самом году, что и я. Тогда же мы с ним и познакомились. — Дреймен закрыл рукой глаза и, словно припоминая, продолжал дальше — Гримо был очень известен. Через год он занял должность профессора-адъюнкта в Дижоне. Но через некоторое время у него умерли родители. Получив большое наследство, он вскоре оставил работу и переехал в Англию. Так по крайней мере я слышал. После этого мы не виделись много лет. Что вы еще желаете знать?

— Вы были с ним знакомы до девятьсот пятого года?

— Нет.

— Когда вы спасли ему жизнь? — резко спросил Хедли, наклонившись вперед.

— Спас ему жизнь? Я вас не понимаю.

— Вы бывали в Венгрии, мистер Дреймен?

— Я… Я путешествовал по Европе, возможно, был и в Венгрии. Но это было очень давно, в молодые годы… Не помню.

Наступила очередь Хедли воспользоваться приемом «меткая стрельба».

— Спасли ему жизнь, когда он убежал из тюрьмы «Зибентюрме», так?

Дреймен сжал костлявыми руками шляпу и сел прямее. Ремполу пришло в голову, что такого

напряжения старик не чувствовал уже добрый десяток лет.

— Спас? Я? — переспросил Дреймен.

— Отпираться напрасно. Нам известно все, даже даты, которые вы здесь сами только что называли. Кароль Хорват в своем блокноте, еще будучи на свободе, записал дату: тысяча восемьсот девяносто восьмой год. Если учитывать предыдущую академическую подготовку, то для получения в Париже докторской степени ему потребовалось по крайней мере четыре года. Хорошо, возьмем три года — со дня суда над ним и до дня побега, — холодно продолжал Хедли. — Можно телеграфировать в Бухарест и не позднее, чем через двадцать часов, получить полную информацию. Как видите, вам лучше говорить правду. Мне необходимо знать все, что вам известно о Кароле Хорвате и… двух его братьях. Один из них его убил. Наконец, я должен напомнить вам: замалчивать любые сведения, относящиеся к делу, — это тяжкое преступление. Итак…

Дреймен какое-то время сидел, закрыв руками глаза и постукивая ногами по ковру. Потом посмотрел на присутствующих, и они удивленно отметили, что его ярко-голубые глаза, хоть и имели стеклянный блеск, мягко улыбались.

— Тяжкое преступление? — переспросил он. — Правда? Если откровенно, сар, то ваши угрозы меня не пугают. Человека, который видит только ваши очертания, мало что может возмутить, разгневать или испугать. Молодым это понять трудно, но вы, надеюсь, поймете. Знаете, я не совсем слепой. Я могу увидеть человеческое лицо, утреннее небо и все то, о чем, как уверяют поэты, слепые должны мечтать. Но я не могу читать, а те лица, которые я больше всего хотел бы видеть, сами перестали видеть на восемь лет раньше, чем я. — Он снова кивнул, глядя перед собой. — Сэр, я бы дал любые необходимые вам сведения, если бы это помогло Шарлю Гримо. Но я не уверен, стоит ли копаться в старых скандальных историях.

— Даже если это поможет найти брата, который убил его?

— Послушайте, — чуть наклонил голову Дреймен и насупился, — я искренне советую вам забыть об этом. — Не знаю, как вы узнали, но у него в самом деле были два брата. И они сидели в тюрьме. — Старик снова усмехнулся. — В этом не было ничего ужасного. Они были политические заключенные. Думаю, в те годы в этом можно было обвинить половину молодых озорников. Забудьте о тех братьях. Оба они много лет назад

умерли.

В комнате наступила такая тишина, что Рempол слышал потрескивание дров в почти погасшем камине и хриплое дыхание доктора Фелла, который сидел, прикрыв глаза.

— Откуда вы знаете? — бросив на Фелла короткий взгляд, притворно безразлично спросил Хедли.

— Мне говорил Гримо, — ответил Дреймен, сделав ударение на фамилии. — Кроме того, об этом тогда шумели все газеты, от Будапешта до Брашова. Это можно легко проверить. Оба умерли от бубонной чумы.

— Если бы вы, конечно, могли доказать… — вежливо начал Хедли.

— Вы обещаете не копаться в старых скандальных историях? — спросил Дреймен, сплетая и расплетая свои костлявые пальцы. Нелегко было выдержать взгляд его ярко-голубых глаз. — Если я все расскажу вам и докажу, вы оставите мертвого в покое?

— Это будет зависеть от сведений, которые вы нам сообщите.

— Хорошо, я расскажу о том, что видел сам. Это было кошмарное дело. Мы с Гримо договорились никогда об этом не вспоминать. Но я не хочу об-

манывать вас и ссылаться на то, что, мол, забыл какие-то подробности.

Потирая пальцами виски, старик долго молчал, и Хедли уже собирался что-то сказать ему. Наконец Дреймен продолжил:

— Извините, джентльмены, я старался вспомнить точные даты, чтобы вы могли их проверить. Это было в августе или в сентябре девятисотого года. А может, девятьсот первого. Я вот подумал, что могу начать в стиле современных французских романов, в именно: в сумерках холодного сентябрьского дня тысяча девятьсот… года одинокий всадник торопился по дороге — и какой дьявольской дороге! — в предгорьях северо-восточных Карпат. Дальше надо было бы нарисовать тот дикий пейзаж и т. д.… Тем всадником был я. Вот-вот собирался полить дождь, и я хотел до темноты быть в Трауше.

Хедли нетерпеливо задвигался, доктор Фелл открыл глаза, а Дреймен, усмехнувшись, продолжал:

— Я должен снова прибегнуть к атмосфере дешевых романов, ибо она тогда отвечала моему настроению, к тому же так многое вам станет понятнее… В то время меня увлекали идеи политической свободы, что объясняется моим юным

возрастом. Я ехал верхом, а не шел пешком ЛИШЬ ради того, чтобы иметь привлекательный вид, и даже прихватил револьвер — против мифических разбойников, а также розу — как амулет против привидений. И разбойники, и привидения, однако, могли встретиться. И те, и другие меня уже несколько раз пугали. Про тамошние холодные леса и узкие ущелья люди рассказывали много страшного. Те места, хоть и заселенные, были крайне необычными. Видите ли, Трансильвания с трех сторон окружена горами. Англичанину непрерывно видеть ржаное поле или виноградник на крутом склоне, красную или желтую одежду местных жителей, пропахшие чесноком придорожные постоялые дворы или холмы чистой соли… по меньшей мере непривычно. Так вот, ехал я извилистой дорогой, и местность была крайне безрадостной. Надвигалась гроза. На много миль вокруг ни одного постоялого двора. За каждым кустом мне виделся дьявол, и я дрожал от страха. Но для страха у меня были и другие причины. После жаркого лета вспыхнула эпидемия чумы, а в воздухе, даже при холодной погоде, роились тучи комаров. В последнем селе, которое я проехал — забыл, как оно называлось, — мне сказали, что в соляных шахтах неспокойно. Но

у меня была надежда встретить в Трауше своего приятеля, одного английского туриста. Кроме того, мне крайне хотелось увидеть тюрьму, которая получила название от семи белых холмов, находившихся рядом. Поэтому я направился дальше.

Я знал, что буду ехать мимо тюрьмы, и впереди уже виднелись белые холмы. Начало темнеть; ветер, казалось, рвал на куски деревья; у дороги я увидел три свежие могилы. Вокруг — следы ног, вблизи — ни души.

— Пейзаж очень похож на тот, что изображен на картине, которую доктор Гримо купил у мистера Бернаби, — нарушил Хедли странную атмосферу, созданную мечтательным голосом Дреймена.

— Я… я не знаю, — протянул Дреймен, видимо, удивленный. — Правда? Я не заметил.

— Не заметили? Разве вы не видели картины?

— Видел, но лишь в общих чертах — деревья, пейзаж…

— И три надгробья…

— Не знаю, что вдохновило Бернаби, — вяло продолжал Дреймен и потер лоб. — Бог свидетель, я никогда ему про это не рассказывал. Наверное, это стечение обстоятельств. На тех могилах не было надгробий. Были простые деревянные

кресты… Но я уже говорил, что ехал верхом, и смотреть на могилы мне было не очень приятно. На фоне темно-зеленого ландшафта и белых холмов они имели довольно необычный вид. Но что было, то было. Если это могилы узников, подумал тогда я, то странно, почему они так далеко от тюрьмы? Вдруг мой конь стал на дыбы и чуть не сбросил меня. Повернувшись, я понял, что его испугало. Холмик па одной из могил поднялся и рассыпался. Послышался треск. Из могилы показалось что-то темное. Это была всего лишь рука, на которой шевелились пальцы, но ничего страшнее мне видеть в жизни не случалось.

КРОВЬ НА ПИДЖАКЕ

— Со мной происходило тоже что-то непонятное, — продолжал Дреймен. — Спешиться я боялся — чтоб не вырвался и не ускакал конь, — а ускакать самому на коне было стыдно. В голову полезли вампиры и всякие легенды про загробный мир. Откровенно говоря, я просто испугался. Конь вертелся, словно волчок, я уже достал револьвер, а когда снова обернулся, то увидел, что из могилы выбрался человек и направился ко мне.

Да, джентльмены, тогда я встретил одного из наилучших моих друзей. Человек наклонился и взял лопату — наверное, оставленную землекопами. Когда он подошел ближе, я закричал по-английски: «Что вам нужно?» Ни на каком другом языке я в тот миг не мог вспомнить ни одного слова… Человек остановился и тоже по-английски, но с сильным акцентом заговорил: «Помогите мне, милорд, не бойтесь!» И отбросил лопату. Конь успокоился, а я — нет. Человек был невысокого роста, но очень крепкий. Ею темное, припухшее лицо было в маленьких пятнах и в сумерках казалось красным. Пошел дождь. Он

стоял, размахивая руками, и что-то говорил мне. Я не буду пытаться пересказывать все слово в слово. Человек рассказывал что-то наподобие: «Видите ли, милорд, я не умер от чумы, как те двое. — Он показал на две другие могилы. — Я не заразный. Посмотрите, как дождь все смывает. Это — моя собственная кровь». Человек даже показал потемневший от копоти язык, и под дождем он стал чистым. Это было какое-то потустороннее зрелище: сама его фигура, это место… Потом человек стал заверять, что он узник не уголовный, а политический, и ему удалось убежать из тюрьмы. — Дреймен наморщил лоб и снова усмехнулся. — Помог ли я ему? Конечно, помог. Я загорелся желанием помочь ему. Пока мы составляли план, он рассказал, что был одним из троих братьев, студентов Клаузенбернского университета, арестованных во время выступления за независимость Трансильвании под протекторатом Австрии, как это было до тысяча восемьсот шестидесятого года. Все трое сидели в одной камере, двое умерли от чумы. При помощи врача, тоже заключенного, он симулировал точно такие же, как у братьев, симптомы болезни и притворился, будто умер. Было маловероятно, что кто-то станет проверять заключение врача,

ведь всю тюрьму охватил ужас перед чумой. Даже те, что хоронили этих троих, отворачивались, когда клали тела в сосновые гробы и накрывали крышками. Они должны были похоронить мертвецов вдалеке от тюрьмы и старались выполнить эту работу как можно быстрее. Врач незаметно положил ему в гроб клещи. Человек показал их мне. Сохранив спокойствие, не расходуя слишком много воздуха, сильный человек мог нажать головой и поднять крышку настолько, чтоб просунуть в щель клещи, а затем выбраться сквозь мягкую землю из могилы.

Когда он услыхал, что я — студент из Парижа, наш разговор пошел совсем легко. Его мать была француженка, и по-французски он говорил безукоризненно. Мы решили, что ему лучше всего отправиться во Францию, где он не вызовет подозрений. В тайнике у него было немного сбереженных денег, а в его родном городе жила девушка, которая… — Дреймен вдруг замолчал, словно спохватился, что сказал лишнее.

— Думаю, мы знаем, кто была эта девушка, — кивнул головой Хедли. — Да пока не будем беспокоить мадам Дюмон. Что было дальше?

— Ей можно было доверить забрать из тайника деньги и привезти их в Париж. Вряд ли все это

могло вызвать огласку. Ведь Гримо считали умершим. Однако он очень боялся, страх не покидал его, пока он не побрился и не надел один из моих костюмов. Мы не вызвали никаких подозрений. В те дни паспортов не существовало, и по дороге из Венгрии он считался моим английским другом, которого я будто бы встретил в Трауше… Вот и все, джентльмены! Остальное вы знаете. — Дреймен глубоко вздохнул. — Можете проверить все, что я рассказал.

— Вы сказали, послышался треск? — спросил доктор Фелл.

Вопрос был таким неожиданным, что Хедли удивленно оглянулся, а Дреймен направил на голос взгляд почти невидящих глаз. Доктор Фелл, постукивая по ковру палкой и тяжело дыша, сидел невозмутимо.

— Думаю, это очень важно, — глядя на огонь, добавил он, словно ему кто-то возражал. — Очень важно. Гм… У меня, мистер Дреймен, к вам лишь два вопроса. Вы слыхали, как затрещала… крышка гроба? Выходит, могила, из которой выбрался Гримо, была очень мелкая?

— Да. Очень мелкая. А то бы он из нее не выбрался.

— Второй вопрос. Относительно тюрьмы. По-

рядки в ней были строгие или не очень?

Этот вопрос удивил Дреймена, но он сдержанно ответил:

— Не знаю. Слышал лишь, будто чиновники сетовали на администрацию тюрьмы. Думаю, они были недовольны тем, что болезнь распространилась за пределы тюрьмы, и поэтому уменьшилось число рабочих на соляных шахтах. Между прочим, имена умерших были опубликованы в газете. Я видел сам. Поэтому еще раз спрашиваю: какая польза копаться в старых скандальных историях? Это вам не поможет. Вы же видите, что касается Гримо, нет никаких сомнений, но…

— Правильно, в этом вся суть, — буркнул доктор Фелл, внимательно глядя на Дреймена. — Я тоже хочу это подчеркнуть. Сомнения нет… никакого. Что может заставить человека зарыть в землю все следы своего прошлого?

— …но можно возвести обвинение против Эрнестины Дюмон, — повысив голос, закончил Дреймен. — Вы понимаете, что я имею в виду? А дочь Гримо? А это предположение, что один или оба его брата живы? Они мертвые, а мертвые из могил не выходят. Позвольте спросить, кто подал мысль, что Гримо убили его братья?

— Сам Гримо, — ответил Хедли.

Ремполу показалось, что Дреймен ничего не понял. Он, пошатнувшись, словно у него перехватило дыхание, поднялся со стула, расстегнул пальто, провел рукой по горлу и снова сел. Лишь его остекленевший взгляд не изменился.

— Вы меня обманываете? — по-детски спросил он дрожащим голосом. — Зачем вы меня обманываете?

— Это правда. Прочитайте! — Хедли протянул ему записку врача Петерса.

Дреймен быстро подался вперед, чтоб взять ее, но потом отдернул руку назад и покачал головой.

— Это мне еще ничего не доказывает, сэр. Я… я… Вы имеете в виду, он что-то сказал, прежде чем…

— Он сказал, что убийца — его брат.

— Именно так?.. — поколебавшись, спросил Дреймен. Хедли помолчал, давая Дреймену возможность подумать.

— Но я уверяю вас, — продолжал Дреймен, — это невозможно! Вы имеете в виду, что тот скоморох, который угрожал Гримо, которого Гримо никогда до этого не видел, — один из его братьев? Вы так думаете? Не понимаю… Как только я узнал, что Гримо закололи..

— Закололи?

— Да. Я говорю, как…

— Его застрелили, — уточнил Хедли. — Откуда вы взяли, что его закололи?

Дреймен пожал плечами. Его лицо выражало отчаяние.

— Кажется, джентльмены, я плохой свидетель, — проговорил он. — У меня были наилучшие намерения рассказать вам про все, во что вы не верите. Возможно, я чего-то не понял. Мистер Менген сказал, что на Гримо совершено нападение, и он умирает, а убийца, изрезав на куски картину, скрылся. Поэтому я и подумал… — Он потер переносицу. — У вас есть ко мне еще вопросы?

— Что вы делали вечером?

— Я спал. Я… Вы не видите, у меня больные глаза. За ужином они так болели, что я не пошел в «Альберт-холл»,[13] а выпил снотворное и лег. К сожалению, от половины восьмого до того времени, когда мистер Менген разбудил меня, я ничего не помню.

— Понимаю. Вы разделись, когда легли спать, мистер Дреймен? — глядя на его расстегнутое пальто, тихо, но решительно спросил Хедли.

---

[13] Примечания: 13
Концертный зал в Лондоне.

— Прошу изви… Разделся ли? Нет. Лишь туфли сбросил. А что?

— Вы выходили из своей комнаты?

— Нет.

— Тогда откуда у вас на пиджаке кровь? Вот тут. Встаньте! Стойте спокойно! Снимите пальто!

Рempол видел, как Дреймен жестом человека, который вот-вот упадет, стягивая пальто, нерешительно провел рукой по груди. На нем был светло-серый костюм. На правой поле пиджака, возле кармана, четко выделялось темное пятно. Пальцы Дреймена сначала остановились на пятне, потом начали его растирать.

— Не может быть. Это не кровь, — заговорил он, постепенно повышая голос. — Не знаю, что это, только не кровь, уверяю вас.

— Увидим! Снимите пиджак, пожалуйста. Боюсь, мы попросим оставить его у нас. Хотите что-то забрать из карманов?

— Но…

— Откуда это пятно?

— Не знаю. Ей-Богу, не знаю, не представляю… Почему вы думаете, что это кровь?

— Дайте мне пиджак, пожалуйста, — попросил Хедли. Он наблюдал, как Дреймен дрожащими руками достал из кармана несколько медных мо-

нет, билет на концерт, носовой платок, коробку сигарет «Вудбайн» и спички, потом взял пиджак и разостлал его у себя на коленях. — Хорошо. Вы не будете возражать, если мы обыщем вашу комнату? Должен вам сказать откровенно: если вы откажете, полномочий делать обыск я не имею.

— Я не возражаю, — угрюмо ответил Дреймен и потер лоб. — Скажите, инспектор, как это случилось? Не понимаю… Я старался ничего плохого не делать. Да, ничего плохого! Я не имею к этому делу никакого отношения. Я арестован? Что ж, не возражаю.

Горькая усмешка Дреймена вызывала у Ремпола скорее удивление. Подозревать его?.. Ремпол видел, что Хедли тоже сомневается. Хорошо, вот человек, который дал несколько странных, неправдоподобных показаний. Он рассказал страшную историю, которая могла быть придуманной или правдивой, но была явно театральной. Наконец, на его пиджаке обнаружена кровь. И все же Ремпол был склонен верить его истории или по крайней мере тому, что человек верит в нее сам. Возможно, потому, что история была понятная и простая. И вот перед ними стоит тот, кто ее рассказал, стоит растерянный и стесненно улыбается.

— Бейтс! Престон! — позвал, выругавшись про себя, Хедли и, пока подчиненные отозвались, переступал с ноги на ногу. — Бейтс! Отвезите пиджак в химическую лабораторию. Пусть проверят это пятно. Видите его? Доложить утром! На сегодня все. Престол, пойдите с мистером Дрейменом и осмотрите его комнату! Вы знаете, на что надо обратить внимание. Я присоединюсь к вам через минуту… Подумайте, мистер Дреймен. Я хочу попросить вас прийти утром в Скотленд-Ярд. Все.

Дреймен ничего не ответил и ушел, словно пьяный, волоча за собой пальто.

— Откуда могла взяться эта кровь? — все спрашивал он, дергая Престона за рукав, — Странно, откуда могла взяться эта кровь?

— Не знаю сэр, — бросил Престон. — Осторожно, косяк!

В холодной комнате снова наступила тишина.

— Хотел бы я понять. Фелл, — покачал головой Хедли, — что вам нужно от этого человека? Он, похоже, довольно откровенный, вежливый и спокойный, а вы дубасите его, словно подвесную боксерскую грушу, и он кружится на одном месте. Ему, кажется, безразлично, что вы о нем думаете или что с ним делаете. Может, поэтому молодежь и не любит его.

— Гм… Да… Я возьму из камина бумагу и подумаю дома, — пробормотал доктор Фелл. — То, что вдруг пришло мне в голову…

— Что?

— …просто ужасно. — Доктор Фелл энергично поднялся на ноги, надел свою широкополую шляпу и махнул палкой. — Я не хочу теоретизировать. Вам надо послать телеграмму и найти правду. Гм… Но в историю с тремя гробами я не верю, хотя сам Дреймен, может, и верит. Пока наша версия не пошла прахом, нам придется считать, что два брата Хорвата живы, или не так?

— Кто знает…

— С ними что-то случилось. Гм… Да… Моя догадка держится вот на чем: Дреймен верит в то, что говорит. Но, во-первых, я ничуть не верю, что эти братья находились в заключении как политические преступники. Гримо, имея некоторые сбережения, убегает из тюрьмы. Затаившись на пять или более лет, он вдруг — уже под новым именем — получает от неизвестных нам родственников большое наследство, а потом, чтобы спокойно им пользоваться, уезжает из Франции. Во-вторых. Если все это правда, тогда в чем состоит тайна прошлой жизни Гримо? — Большинство людей воспринимают, например, бегство Мон-

те-Кристо как романтическую и волнующую историю, поэтому вина Гримо, политическое преступление, для английского уха значило бы не больше, чем нарушение правил перехода через улицу или пощечина полицейскому на спортивных соревнованиях. Черт возьми, Хедли, что-то тут не так!

— Вы думаете…

— Я думаю, — тихо продолжал доктор Фелл, — что Гримо в самом деле похоронили живым. Допустим, двух других братьев тоже похоронили живыми. Допустим, все три смерти были такие же фальшивые, как и смерть Гримо. А что, если в тех двух гробах были живые люди, когда Гримо выбрался из своего? А что, если они не смогли выбраться только потому, что не имели, как он, клещей? Они были только у Гримо. Он был самый сильный. Выбравшись сам, он мог легко освободить остальных, как они и договорились. Но Гримо предусмотрительно решил оставить их в могилах, чтобы не делить украденных всеми тремя денег. Блестяще осуществленное преступление!

Они помолчали. Хедли тихо что-то проворчал и поднялся на ноги.

— Я знаю, — сказал доктор Фелл, — слабый

человек, совершив такое ужасное преступление, сошел бы с ума. Но только так можно объяснить его бесчестный поступок и то, что он не имел бы спокойной жизни, если бы братья тоже выбрались из могил. Кроме того, почему Гримо, даже не избавившись от арестантской одежды, торопил Дреймена ехать от того места? Почему он шел на риск, не боялся, что его увидят на дороге, тогда как укрытие возле чумной могилы было наиболее надежным, ибо местные жители туда не сунутся? А потому, что могилы были очень мелкие. Если бы со временем братья, поняв, что их оставили умирать и освобождать их никто не придет, начали кричать и стучать, то Дреймен мог услышать крики и увидеть, что земля на могилах содрогается.

— Или не могла бы какая-нибудь свинья… — неуверенно заговорил Хедли. — Нет, мы сбились с пути. Все это — фантазия. Такого не может быть. Кроме того, они бы не выбрались из могил. Они умерли бы.

— Умерли бы? — безразлично переспросил доктор Фелл. — Вы забываете про лопату.

— Какую лопату?

— Ту, которую с перепугу забыл какой-то бедняга, который копал могилы. В тюрьме, даже

в наихудшей, такой нерадивости никогда не простят и немедленно пошлют забрать лопату. Дружище, я вижу это дело со всеми подробностями, даже не имея доказательств. Вспомните, что говорил профессору Гримо тот сумасшедший Флей в ресторане «Уорвик»… Следовательно, за лопатой возвращаются несколько вооруженных опытных надзирателей. Они видят или слышат то, что мог увидеть или услышать Дреймен, и чего так боялся Гримо. Надзиратели не догадываются об обмане и действуют довольно гуманно: разбивают гробы и освобождают обоих почти потерявших сознание, но живых братьев.

— И не гонятся за Гримо? Почему же они не переворачивают всю Венгрию в поисках беглеца и…

— Гм… Да… Я тоже думал об этом. Администрация тюрьмы именно так и сделала бы, если бы не поняла, какая опасность ей угрожает. Что сказало бы начальство, узнав, что такое случилось в тюрьме? Так, может, лучше промолчать. Ведь держать в тюрьме под внимательным надзором двух братьев и молчать о третьем спокойнее.

— Это только предположение, — заметил Хедли после паузы. — Но я, если все это правда, скоро поверю в злых духов. Видит Бог, Гримо получил

то, что заслужил. Однако найти его убийцу — наша обязанность. Если вся эта история…

— Конечно, это еще не вся история, даже если все в ней правда, а это, кстати, самое худшее. Вы вспомнили о злых духах. Мне кажется, злее духа, чем Гримо. нет, но этот икс, этот бестелесный человек, этот брат Анри… — Он махнул палкой. — Почему? Почему Пьер Флей боится его? То, что Гримо мог бояться своего врага, — понятно, но почему его боится даже союзник Флей? Почему боится опытный иллюзионист, если этот брат Анри — сумасшедший или не такой хитрый, как дьявол?

— Идите домой, если хотите, — проговорил Хедли, спрятав блокнот и застегнув пиджак. — Мы тут все закончили. А я поговорю с Флеем. Кем бы ни был этот брат, но Флей его знает и обязательно скажет. Я вам это обещаю. Осмотрю и комнату Дреймена, но многого я от этого не жду. Флей — ключ ко всей загадке. И он выведет нас на убийцу. Пойдемте?

До следующего утра они не знали, что Флей в то время был уже мертв. Его застрелили из того самого револьвера, что и Гримо. Хотя это и случилось на глазах у прохожих, убийцу никто не видел, и следов своих ног на снегу он не оставил.

УБИЙСТВО-КОЛДОВСТВО

На следующее утро, в десять часов утра, доктор Фелл застал своих гостей в дреме. Рempол ночью спал очень мало. Когда они с Феллом возвратились домой, была уже половина второго ночи, но Дороти хотела знать все подробности, и Рempол был совсем не прочь ими поделиться. Они запаслись сигаретами и пивом и пошли в свою комнату; там Дороти, словно Шерлок Холмс, сбросила с кушетки на пол подушки, уселась на них и с мудрым выражением на лице, держа в руке стакан пива, слушала, а ее муж ходил по комнате и рассказывал. Она с удовольствием слушала про мадам Дюмон и Дреймена, однако проявляла глубокую антипатию к Розетте. Даже когда Рempол процитировал ей высказанный Розеттой в дискуссионном кружке девиз, с которым оба они, кстати, были согласны, своего мнения о ней Дороти не изменила.

— Запомни мои слова, — твердо сказала она, наставив на него сигарету, — эта блондинка с необыкновенным лицом замешана в деле. Она не искренна, Рempол. Держу пари, из нее не получилось бы даже хорошей… э-э… куртизанки,

если пользоваться ее терминами. Если бы я относилась к тебе так, как она относится к Бейду Менгену, и ты не заткнул бы мне рот платком, то я бы вообще с тобой не разговаривала. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Не стоит ее осуждать, — сказал Рempол. — К тому же что плохого она сделала Менгену? Насколько мне известно, ничего. Да и не думаешь же ты серьезно, что она могла убить своего отца, если бы даже и не была в той комнате внизу?

— Конечно, нет! Она просто не могла надеть тот маскарадный костюм и обмануть мадам Дюмон, — согласилась Дороти, задумчиво глядя на мужа большими карими глазами. — Мадам Дюмон и мистер Дреймен, думаю, тоже не виноваты. А что касается Миллза… Миллз, кажется, довольно самоуверенный тип. Ты считаешь, он говорит правду?

— Да.

— У меня гениальная идея! — задумчиво проговорила она, поднося ко рту сигарету. — Тех двоих, кого я больше всех подозреваю, на кого легче всего было завести дело, вы не видели. Это — Петтис и Бернаби.

— Что?!

— Да. Но Петтис отпадает. Он очень невысокого

роста, или не так? Доктор Фелл с его эрудицией, думаю, даже сказал бы — низкого. Я вот припомнила одну историю. Не помню уже, где ее прочитала, но она в той или иной форме встречается в нескольких средневековых рассказах. Помнишь? Высокий рыцарь в латах и с забралом приезжает на турнир и всех подряд побеждает. Тогда против него выступает сильнейший из рыцарей, внезапно бьет его прямо в забрало и сбивает с головы шлем. И тогда оказывается, что это — молодой красивый юноша, рост которого для панциря слишком мал…

— Милая, — посмотрев на нее, с чувством собственного достоинства сказал Рempол, — это бессмыслица. Это самая бессмысленная идея, которая… Ты серьезно считаешь, что Петтис мог иметь фальшивую голову и накладные плечи?

— Ты слишком осторожничаешь, — сморщила нос Дороти. — По-моему, эта мысль заслуживает внимания. Подтверждения? Хорошо. Разве Миллз не говорит про блестящую голову и про то, что она была словно сделана из папье-маше? Что ты на это скажешь?

— Скажу, что это ужас. А более подходящей мысли у тебя нет?

— Есть, — ответила Дороти, но на этот раз,

правда, уже с меньшим задором. — Хотя это почти невозможно. Почему убийца стремился не оставлять следов своих ног? Вы все доискиваетесь каких-то страшных и сложных причин. И в то же время сходитесь на мысли, что убийца просто решил пошутить над полицией. Глупости, милый! Что можно подумать о том, почему убийца стремился не оставить следов? Почему? Потому что они у него такие характерные, что сразу выдали бы его. Следовательно, он имеет какой-то физический недостаток, или что-то другое, что указывало бы на него, если бы он оставил следы ног…

— А…

— А ты вспомни, у Бернаби покалечена нога. Перед рассветом Ремпол наконец уснул. Ему снились сны, в которых Бернаби с покалеченной ногой казался еще более зловещим, чем Петтис, у кого была фальшивая голова…

Когда в то воскресное утро около десяти часов доктор Фелл постучал в дверь, Ремпол соскочил с кровати, побрился, торопливо оделся. Для доктора Фелла этот час еще был слишком ранним, но Ремпол подумал, что за ночь наверняка появились свежие новости. В коридорах было холодно. Даже большая библиотека, где в камине пылал

огонь, имела такой вид, какой бывает а комнате, когда люди, поднявшись на рассвете, наспех ее покинули, чтобы успеть на поезд. Завтрак на троих был накрыт на столике в эркере, откуда был виден ряд домов с плоскими крышами. День был серый. Небо затянули снежные тучи. Доктор Фелл, уже одетый, сидел у стола, подперев голову руками, и читал газету.

— Брат Анри, — проворчал он и хлопнул ладонью по газете. — Да. Снова он. Только что позвонил Хедли и рассказал подробности. Он будет тут с минуты на минуту. Вот, почитайте для начала. Когда вчера вечером нам казалось, что перед нами трудная задача… Посмотрите сюда! Я, как и Дреймен, не могу поверить. Это новое убийство вытеснило убийство Гримо с первой страницы. Хорошо, что газетчики не уловили связи между этими двумя убийствами, а может, это и случилось благодаря Хедли.

Рempол, пока ему подавали кофе, пробежал глазами заголовки. Один из них, которым автор, наверное, очень гордился, гласил: «Колдун убивает колдуна». Были еще: «Загадка Калиостро-стрит», «Вторая пуля — для тебя!»

— Калиостро-стрит? — спросил Рempол. — Где, черт возьми, эта улица? Кажется, я слышал такие

странные названия, но это…

— Конечно, вы не могли о ней слышать, — заметил доктор Фелл. — Это одна из тех улочек, что затерялись в центре Лондона. На нее можно попасть только случайно, когда захочешь сократить расстояние. Так или иначе, а от дома Гримо до Калиостро-стрит пешком идти не больше трех минут. Это глухой переулочек, что проходит параллельно до Гилфорд-стрит на противоположной стороне Рассел-сквер и представляет собой продолжение Лембит-Кондуит-стрит. Насколько я помню, там много лавочек ремесленников и домов с меблированными комнатами. Брат Анри убил Гримо, пошел на Калиостро-стрит, послонялся немного и довершил дело.

Ремпол начал читать газету.

«Прошедшей ночью на Калиостро-стрит найден убитым Пьер Флей — колдун и фокусник, французский подданный. В течение нескольких последних месяцев Пьер Флей выступал в мюзик-холле на Комершиал-роуд, а две недели назад нанял помещение на Калиостро-стрит. Прошлым вечером около половины одиннадцатого он был смертельно ранен при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что колдуна убил колдун. Убийцу никто не видел, никаких следов он не

оставил. Три свидетеля клянутся, что четко слыхали слова: „Вторая пуля — для тебя!“

Калиостро-стрит имеет в длину двести ярдов и заканчивается глухой кирпичной стеной. Только в начале улицы, где стоят несколько лавочек — в то время они были закрыты, — освещенные фонарями тротуары оказались чисто подметенными. Дальше, через двадцать ярдов, и мостовая, и тротуары были покрыты нетронутым снегом.

Мистер Джесси Шорт и мистер Р. Г. Блеквик, жители Бирмингема, шли к приятелю, который живет в конце улицы. Они шли по тротуару справа, и начало улицы оставалось у них позади. Мистер Блеквик обернулся, чтобы посмотреть на номер дома, и заметил человека, который шел за ними на значительном расстоянии посредине улицы. Человек шагал медленно и время от времени беспокойно оглядывался, словно ожидал кого-то увидеть. Свет был тусклым, и мистер Шорт и мистер Блеквик заметили только то, что человек высокий и на нем широкополая шляпа. В то самое время полицейский констебль Генри Визерс прошел Лембит-кондуит-стрит и вышел на начало Калиостро-стрит. Впереди он увидел человека, который, оглядываясь, шел по снегу. Все случилось за три-четыре секунды. Мистер

Шорт и мистер Блеквик услышали сзади крик, похожий скорее на стон. Потом четко прозвучали слова «Вторая пуля — для тебя!», смех и глухой револьверный выстрел. Оглянувшись, они увидели, что человек зашатался, снова вскрикнул и упал лицом вперед.

Свидетели уверены, что улица была абсолютно безлюдна. Даже больше, тот человек шел прямо посредине улицы, но оба заявляют, что никаких следов на снегу не было. Подтверждает это и полицейский констебль Визерс, который прибежал на место преступления. При свете, падающем из окна ювелирной лавки, они увидели жертву. Человек лежал ничком, раскинув руки; из пулевой раны под левой лопаткой текла кровь. В десяти футах от жертвы валялось оружие — тридцатилетней давности револьвер «кольт» калибра 0,38 с длинным стволом.

Несмотря на оружие и слова, которые слышали свидетели, все они сошлись на том, что человек, наверное, стрелял в себя сам. Он был еще живой, и его перенесли в дом врача М. Р. Дженкинса, находившийся в конце улицы. Констебль тем временем убедился, что следов ног нигде не видно. Вскоре раненый, не приходя в сознание, скончался.

Потом обнаружились странные вещи. Пальто на убитом вокруг отверстия от пули обгорело — следовательно, оружие прижали к спине или держали на расстоянии нескольких дюймов от нее. Но врач Дженкинс пришел к выводу, а полиция со временем подтвердила, что это было, конечно, не самоубийство. Выстрелить себе в спину, тем более из длинноствольного револьвера невозможно. Если бы стреляли издалека — например, из окна или из дверей, — то отсутствие убийцы или даже следов его ног не вызвало бы удивления. Но тот, кто стрелял, стоял рядом с жертвой, говорил с ней, а потом исчез. Никто убитого не знал, и никаких бумаг при нем не было. Через некоторое время его труп отвезли в морг...»

— А что сказал констебль, которого Хедли послал найти Пьера Флея? — спросил Рампол. — Он его узнал?

— Узнал, — буркнул доктор Фелл. — Но пока он туда добрался, все было кончено. Он встретился с Визерсом, когда тот еще опрашивал жителей улицы. Тогда же человек, которого Хедли послал в мюзик-холл, позвонил и сообщил, что Флея там нет. Флей спокойно заявил директору мюзик-холла, что не имеет намерения выступать в этот

вечер и, добавив что-то непонятное, ушел…

В морг, чтобы опознать Флея, пригласили хозяина его квартиры с Калиостро-стрит, а для уверенности попросили, чтобы пришел кто-то из мюзик-холла. Добровольно согласился прийти ирландец с итальянской фамилией, который в тот вечер тоже не мог выступать в связи с травмой… Гм… Вот так. Итак, это был Флей. Он мертв, и мы оказались в чертовски неприятном положении.

— И все, что тут написано, — правда?! — воскликнул Ремпол.

Ему ответил Хедли. Решительно позвонив, он вошел со своим чемоданчиком, который держал, словно томагавк. Даже не прикоснувшись к яичнице с беконом, он поставил ноги ближе к огню и уныло заговорил:

— Абсолютная правда. Я разрешил газетам освещать все, как есть, чтобы иметь возможность обратиться по радио к людям, которые знали Пьера Флея… или его брата Анри. О Господи, Фелл, я сойду с ума! Это имя засело у меня в голове, и я никак не могу от него избавиться. Я заметил за собой, что говорил про брата Анри так, словно это — его настоящее имя, и даже представляю, какой он из себя. А впрочем, вскоре мы будем знать его

настоящее имя. Я послал телеграмму в Бухарест. Брат Анри! Брат Анри!.. Мы уже было напали на след и снова потеряли его. Брат…

— Бога ради, успокойтесь, — отозвался доктор Фелл, нервно попыхивая трубкой. — Кипятиться сейчас ни к чему. За ночь вы, наверное, собрали богатую информацию? Теперь садитесь, потешьте желудок, а потом, гм… позаботимся о душе…

Хедли заверил, что есть не хочет, но когда он, умяв две порции, выпил несколько чашечек кофе и закурил сигару, настроение у него немного улучшилось.

— Ну вот, а теперь начнем, — сказал он решительно, доставая из своего чемоданчика бумаги. — Рассмотрим это газетное сообщение строку за строкой, а заодно и то, что между строчками. Гм… Во-первых, что касается Блеквика и Шорта. Эти двое заслуживают доверия, а кроме того, один из них, безусловно, не может быть братом Анри. Мы позвонили в Бирмингем и узнали, что оба — хорошо известные, состоятельные жители города и быть свидетелями в этом деле не откажутся. Констебль Визерс тоже вполне надежный человек. Уж если они все говорят, что никого не видели, то это в самом деле так. Если только их самих не обманули.

— Обманули? Как?

— Не знаю, — покачав головой, ответил Хедли. — Знаю только, что это могло быть. Я мимоходом осмотрел улицу, хотя до жилища Флея и не дошел. Это, конечно, не площадь Пиккадилли, но и там не так темно, чтобы нормальный человек с его пятью чувствами ошибся в том, что видит. Призрак? Не знаю. По поводу следов ног… Я, если Визерс присягает, будто их не было, ему верю.

Доктор Фелл хмыкнул, а Хедли продолжал:

— Теперь об оружии… Флей убит выстрелом из «кольта» тридцать восьмого калибра. Гримо тоже. Брат… убийца имел только два патрона, и с обоими ему повезло. Видите… современный пистолет выбрасывает гильзы, как автомат. Если гильзы найти, они могут о многом рассказать… Но револьвер — оружие старого образца, гильзы у него остаются в барабане. Выяснить, кому револьвер принадлежал, нет никакой надежды. Он в прекрасном состоянии, у него большая убойная сила, пуля пробивает бронежилеты. Кто-то хранил его много лет.

— Анри ничего не забыл, Гарри. Ну, а куда Флей шел, вы узнали?

— Да. Он шел к Анри…

— Вы хотите сказать, что у вас есть какая-то

зацепка? — широко открыл глаза доктор Фелл.

— Это единственное, что у нас есть, — веско ответил Хедли. — И если эта зацепка в течение нескольких часов не даст никаких результатов, то я съем свой чемоданчик. Помните, я говорил по телефону, что Флей отказался выступить и ушел прошлым вечером из театра? Так вот. Мой полисмен в штатском разговаривал с театральным администратором Айзекстайном и акробатом О'Рурком. Этот второй был с Флеем в более близких отношениях, чем остальные. Он приезжал и в морг.

В субботний вечер на Лаймхауз-уэй, естественно, всегда толпится народ. В театре с часу дня до одиннадцати ночи идут без перерыва разнообразные сценки варьете и эстрады. Особенно людно вечером. Первое свое выступление Флей должен был начать в восемь пятнадцать. Приблизительно за пять минут до этого О'Рурк, который повредил руку и выступать не мог, спустился в подвал выкурить сигарету. Там у них угольная топка парового отопления. Соммерс записал рассказ О'Рурка, и тот его подписал. Вот он!

«Прикрыв за собой огнеупорную, обитую асбестом дверь, я услышал, будто там кто-то ломает щепки. Быстро спустившись вниз, я увидел, что

дверцы топки открыты, а старый Луни крушит топором свой реквизит и бросает в огонь. Я спросил: „Бога ради, Луни, что ты делаешь?“– „Уничтожаю свой реквизит, синьор Пальяччи, — ответил он. — Пальяччи Великий — это мое сценическое имя, но Луни называл меня так всегда. — Моя работа закончена. Мне он больше не нужен“. В пламя летели его веревки, пустотелые бамбуковые палки. Я сказал: „Луни, Бога ради, возьми себя в руки! Через несколько минут твой выход, а ТЫ еще не готов“. На это он ответил: „Разве я не говорил, что собираюсь навестить своего брата? Он что-нибудь сделает, чтобы довести наше давнее общее дело до конца“.

Луни отправился к лестнице, а потом резко обернулся. Лицо у него было, словно у белого коня из Апокалипсиса (да простит меня Бог за такие слова). В отблесках пламени вид у него был ужасный. Потом он сказал: «В случае, если со мной что-нибудь случится, найдите моего брата на той самой улице, где живу я. Его дом в другом месте, но он сиял там комнату».

В эту минуту в подвале появился старый Айзекстайн. Он не мог поверить ушам, когда услышал, что Луни отказывается выступать. Они поссорились. Айзекстайн кричал: «Вы знаете, что

будет, если вы не выступите?» А Луни голосом человека, у которого на руках все козыри, ответил: «Да, я знаю, что будет». Потом, подняв шляпу, вежливо добавил: «Спокойной ночи, джентльмены. Я возвращаюсь к своей могиле», — и, ничего больше не сказав, ушел по лестнице наверх».

Хедли свернул листок и положил его в свой чемоданчик.

— Да, он был неплохим артистом, — проговорил доктор Фелл, зажигая трубку. — Жаль, что брату Анри пришлось… А что было потом?

— Поможет это нам найти брата Анри или нет, но найти его временное укрытие на Калиостро-стрит мы должны, — вслух рассуждал Хедли. — Встает вопрос: куда шел Флей? Он проживал в доме два-Б в начале Калиостро-стрит, прошел немного больше, чем половину улицы, и был убит посреди мостовой, между домами номер восемнадцать справа и номер двадцать один слева. Я послал Соммерса, чтобы он, начиная с этих номеров и дальше, перевернул вверх ногами каждый дом и выяснил, не окажется ли там нового, подозрительного или необыкновенного жильца. Там много женщин, хозяек меблированных комнат, но это не имеет значения.

Доктор Фелл, сидевший в большом глубоком

кресле, взлохматил свои волосы.

— Так. Но я не стал бы уделять внимание лишь одному концу улицы, — произнес он. — А что, если Флей тогда от кого-то убегал?

— Убегал в сторону тупика? — вырвалось у Хедли.

— Все это не так! — воскликнул доктор Фелл, выпрямившись в кресле. — Эта воображаемая простота может свести с ума. Фокус в четырех стенах. Потом улица. Свидетели оборачиваются, а убийцы нет. Где он? Может, револьвер пролетел в воздухе, выстрелил Флею в спину и отлетел в сторону?

— Нелепость!

— Знаю, что нелепость. И все-таки я спрашиваю, — кивнул головой доктор Фелл. Сбросив с носа очки, он закрыл глаза ладонями. — Я спрашиваю: какое отношение все это может иметь к Рассел-сквер? Если принять во внимание то, что там все под подозрением, то не можем ли мы кое с кого подозрение снять? Даже если в доме Гримо нам кто-то и говорил неправду, никто из них револьвера «кольт» на середину Калиостро-стрит не бросал.

— Я забыл сказать, — саркастически усмехнулся старший инспектор, — что с одного-двух подо-

зрение можно было бы снять, если б убийство на Калиостро-стрит произошло намного позднее или даже раньше. Флей убит в десять двадцать пять. Иными словами, через пятнадцать минут после Гримо. Брат Анри предвидел, что мы, как только поднимется тревога, пошлем констебля найти Флея, и он или кто-то иной благодаря своему фокусу с исчезновением опередил нас.

— Или кто-то иной? — переспросил доктор Фелл. — Интересно, почему кто-то иной?

— Именно это я и хочу выяснить, — сказал Хедли. — Пятнадцать минут после убийства Гримо! Я изучаю новые нюансы преступления, Фелл. Если желаешь совершить несколько хитро сплетенных убийств, то не обязательно совершать одно, а потом ждать драматического момента, чтобы совершить второе. Второе убийство надо совершить сразу после первого, пока никто, в том числе и полиция, не может вспомнить, где, кто и когда находился в определенное время. Мы можем это сделать?

— Ну… — буркнул доктор Фелл, чтоб не говорить, что лично он сделать этого не может. — Вспомнить нетрудно, Попытаемся. Мы прибыли в дом Гримо… Когда?

— Как раз когда Менген выскочил из окна, то

есть не позднее, чем через две минуты после выстрела. Скажем, в десять двадцать. — Хедли сделал короткую запись на листке бумаги. — Мы побежали наверх, увидели, что дверь заперта, нашли плоскогубцы и открыли дверь. Прошло, скажем, еще три минуты.

— Это не мало? — вмешался Рempол. — Мне кажется, мы суетились дольше.

— Да, кажется, довольно долго. Я и сам так думал, когда вел дело «Кингстонская резня». Помните, Фелл? Тогда один дьявольски смекалистый убийца ссылался на свое алиби, рассчитывая на то, что свидетели всегда называют большой промежуток времени. Это потому, что мы считаем минутами, а не секундами. Попробуйте сами. Положите на стол часы, закройте глаза, а затем откройте их, когда решите, что прошла минута. Вы увидите, что сделали это на тридцать секунд раньше. Итак, возьмем три минуты. — Хедли нахмурился. — Менген позвонил, и вскоре прибыла санитарная машина. Вы помните адрес частной больницы, Фелл?

— Нет, Оставляю эти подробности вам, — с достоинством произнес доктор Фелл. — Припоминаю лишь, кто-то сказал, что больница сразу за углом. Гм…

— На Гилфорд-стрит, рядом с детской больницей, — добавил Хедли. — Тыльной стороной она выходит на Калиостро-стрит, так что задние дворы, наверное… Ну, скажем, пять минут хватит для того, чтобы машина доехала до Рассел-сквер. Следовательно, получаем десять двадцать. Остается пять минут до второго убийства, и прошло пять, или десять, или пятнадцать таких самых важных минут, о тех пор, как Розетта Гримо поехала в санитарной машине, забравшей отца, В течение этих минут Розетты дома не было. Менген оставался внизу один. По моей просьбе он сделал несколько телефонных звонков и не поднимался наверх, пока не возвратилась Розетта. Ни одного из этих двоих я не подозреваю. Дреймен? Дреймена никто не видел — как задолго до убийства, так и после него. Остаются Миллз и мадам Дюмон. Гм… Миллз разговаривал с нами по крайней мере до десяти тридцати, а через некоторое время к нему присоединилась и мадам Дюмон. Какое-то время оба они были с нами.

— Следовательно, — задумчиво усмехнулся доктор Фелл, — мы знаем определенно, что к этому времени сделано нами — и не больше. Снято подозрение с тех, кто — мы в этом уверены — не виновен. Перед этим сложным делом я снимаю

шляпу, Хедли. Между прочим, вчерашний обыск комнаты Дреймена что-то дал? Кровь на пиджаке проверили?

— Кровь на пиджаке в самом деле оказалась человеческой, но в комнате Дреймена ничего подозрительного не нашли. Правда, натолкнулись на несколько картонных масок, но все они сильно разрисованы, с усами, глаза вытаращены. Такие маски привлекают детей. И, между прочим, ни одной маски телесного цвета. Нашли много вещей для любительских детских спектаклей, старые бенгальские огни, игрушечный театр.

— Дешевое и полезное, — шутя добавил доктор Фелл, словно вспоминая о чем-то приятном. — Чудесной поры детства, к сожалению, не возвратить. О, игрушечный театр!.. В мои невинные детские годы, Хедли, когда я только начал прокладывать свой путь к славе… У моих родителей этот термин, между прочим, мог бы вызвать острую дискуссию… Так вот, я говорю, что в детские годы я имел собственный игрушечный театр. В нем было шестнадцать сцен, которые сменяли одна другую. Странно, почему в молодые годы воображение так торопится к заключительной сцене? Почему?

— Что с вами? — удивленно спросил Хедли. —

Откуда такая сентиментальность?

— У меня вдруг возникла мысль, — проговорил доктор Фелл и, сощурив глава, посмотрел на Хедли. — И какая мысль!.. А что с Дрейменом? Вы собираетесь его арестовать?

— Нет. Во-первых, я не вижу, как бы он мог это сделать, да и доказательств тоже нет никаких. А во-вторых…

— Вы не верите, что он виновен?

— Я этого не говорю, — с присущей ему осторожностью продолжал Хедли, — но думаю, на него подозрение падает не больше, чем на остальных. Во всяком случае, мы должны идти дальше! Для начала закончить с Калиостро-стрит, потом кое с кем поговорить. Наконец…

У входа зазвонил звонок, и сонная служанка пошла открывать…

— Пришел какой-то джентльмен, сэр. Он назвал себя Петтисом, сэр.

КАРТИНА

Доктор Фелл, усмехаясь, что-то бормоча и рассыпая из трубки, словно из вулкана, пепел, поднялся и так искренне приветствовал прибывшего, что тот, казалось, сразу почувствовал себя совершенно спокойно.

— Прошу извинить меня за такой ранний визит, джентльмены, — сказал мистер Петтис, слегка поклонившись. — Но не прийти и не сбросить с плеч этот груз я не мог. Знаю, что вы… э-э… искали меня вчера вечером. Должен сознаться, из-за этого я провел тревожную ночь. — Он усмехнулся. — За свою жизнь я совершил только одно преступление: забыл как-то обновить лицензию на собаку. И когда я выходил с нею на улицу, мне казалось, что каждый встречный полисмен в Лондоне смотрит на меня подозрительно. Я начинал нервничать и оглядываться. Поэтому и теперь я подумал: для меня будет лучше, если я сам найду вас. Этот адрес мне дали в Скотленд-Ярде.

Доктор Фелл так любезно взял у гостя пальто и пригласил его садиться, что тот был почти растроган.

Мистер Петтис был маленький человек с бле-

стящей лысиной и на удивление густым сильным голосом. У него было нервное костлявое лицо, выпуклые умные глаза, смешливый рот и квадратный раздвоенный подбородок. Петтис усмехнулся, сел на стул, сжал руки, наклонился вперед и, глядя в пол, заговорил:

— То, что случилось с Гримо — дело плохое. — Поколебавшись, он продолжал. — Конечно, я приложу все силы, чтобы помочь вам. В таких случаях главное — говорить правду. Э-э… вы хотите, чтобы я сел лицом к свету? — снова усмехнувшись, спросил он. — Кроме детективных романов, это мой первый опыт общения с полицией.

— Глупости, — ответил, также усмехнувшись, доктор Фелл и представил ему присутствующих. — Я хотел встретиться с вами и кое-что выяснить. Что будете пить? Виски? Бренди?

— Немного рано, — заколебался Петтис. — Но, если вы настаиваете, благодарю. Я хорошо знаю вашу книгу о сверхъестественном в английской литературе, доктор Фелл. Вы — широко известный человек. Мне такого никогда не достичь. И это логично. — Он задумался. — Да, это логично. Но я не совсем согласен с вами — или с доктором Джеймсом, — что в романе призрак всегда дол-

жен быть злым…

— Всегда! И чем злее, тем лучше! — воскликнул доктор Фелл. — Мне не нужны воздыхания! Мне не нужен сладкий шепот о земном рае! Мне нужна кровь! — Он посмотрел на Петтиса таким взглядом, что тот даже подумал: «Моя кровь». — Гм… Я назову главные требования к таким романам, сэр, — продолжал далее Фелл. — Призрак должен быть злым, никогда не должен разговаривать, не должен быть прозрачным, не должен долго оставаться на одном месте, а появляться лишь на короткий миг, словно из-за угла, никогда не должен появляться там, где много света, быть академического или религиозного происхождения, иметь привкус монастырей или латинских рукописей. В наши дни существует плохая тенденция насмехаться над древними библиотеками и античными руинами и заверять, что призраки могут появляться в кондитерских лавочках или в киосках, где продают лимонад. Это называется пользоваться современными критериями. Пусть так, но попробуйте воспользоваться теми современными критериями в жизни. В наши дни люди боятся руин и кладбищ — это всем известно. Но пока кто-то пронзительно не завизжит и не потеряет сознания, увидев что-то

в киоске, конечно, кроме самого напитка, можно сказать лишь, что эта теория — нелепость.

— Некоторые считают, что нелепость — это разговор о призраках в старых руинах, — заметил Петтис, подняв вверх одну бровь. — Вы верите, что в наши дни могут появиться хорошие романы о привидениях?

— Конечно, верю, — ответил доктор Фелл. — Писать их есть кому, лишь бы только писали! Дело в том, что все боятся термина «мелодрама». И если избежать или скрыть мелодрамы не удается, пишут, переворачивая все с ног на голову. Поэтому никто в мире не может ничего толком понять. Не говорят откровенно то, что люди видят или слышат, а пытаются передать свои собственные впечатления. Страшное перестает быть страшным, если его можно разрешить, словно алгебраическую задачу. Плохо, если человек, услыхав шутку в субботу вечером, вдруг разразится смехом на следующее утро в церкви. Но еще хуже, если человек, прочитав в субботу вечером страшный рассказ о привидении, через две недели, вдруг, щелкнув пальцами, начинает понимать, что испугался. Сэр, я говорю…

— Хватит уже, слышите! — прокашлявшись, сердито стукнул по столу кулаком старший ин-

спектор. — Сейчас не до лекций. Мистер Петтис должен что-то сказать. Поэтому… — Увидев, что доктор Фелл, пыхнув трубкой, улыбается, он уже спокойнее добавил — По сути, я и хочу поговорить именно о субботнем вечере.

— И о привидении? — спросил Петтис. Монолог доктора Фелла полностью его успокоил. — О привидении, которое пришло вчера к бедняге Гримо?

— Да. Во-первых, для порядка я должен попросить вас рассказать, где вы были вчера вечером. Особенно, скажем, от девяти тридцати до десяти тридцати.

— Вы хотите сказать, мистер Хедли, что я все-таки под подозрением? — Петтис поставил стакан, на его лице отразилось беспокойство.

— Привидение назвалось вашим именем. Вы об этом знаете?

— Оно назвалось?.. О, Боже, нет! — подхватившись воскликнул Петтис. — Оно назвалось моим именем? Оно сказало, что оно… э-э… это… Объясните, что вы имеете в виду?

Петтис, внешне спокойный, внимательно смотрел на Хедли. пока тот объяснял. И все же он волновался, ибо время от времени дергал галстук, манжеты и несколько раз готов был прервать

Хедли.

— Поэтому, если вы опровергнете это и расскажете, что делали вчера вечером… — Хедли достал свой блокнот.

— Вчера мне никто ничего не сказал. Я был тут после того, как все случилось, но никто мне об этом не сказал, — взволнованно заговорил Петтис. — Что я делал вечером? Был в театре. В «Королевском театре».

— Конечно, вы можете это доказать?

— Не знаю, — нахмурился Петтис. — Надеюсь, что так. Могу рассказать вам о спектакле, хотя и не считаю, что этого достаточно. Ах, да! Думаю, у меня сохранился билет или программа. Но вы захотите знать, не встретил ли я в театре кого-то из знакомых? Нет. К сожалению, нет, если только не найдется кто-нибудь, видевший меня. Я был один. Видите ли, у каждого из моих немногих друзей есть свои привычки. Мы всегда знаем определенно, куда кто идет, особенно в субботний вечер, и своих привычек стараемся не менять. — В глазах у него вспыхнул странный огонек. — Это… это, я бы сказал, своеобразная богема.

— Убийцу такое заинтересовало бы, — проговорил Хедли. — И какие же у вас привычки?

— Гримо ежедневно до одиннадцати часов

работает…

Извините, не могу привыкнуть к мысли, что он уже мертв. После одиннадцати его можно было беспокоить сколько угодно. Он был сова. Бернаби ежедневно играет в своем клубе в покер. Менген преимущественно проводит вечера с дочерью Гримо. Я иду в театр или в кино, но не всегда. Я — исключение.

— Понимаю. А после театра? Когда окончился спектакль?

— Около одиннадцати или немного позднее. Я решил, что можно заехать к Гримо и выпить с ним, но… Ну, вы же знаете. Когда Миллз сказал мне, я захотел увидеть вас или того, кто был из полиции, но на меня никто не обращал внимания. — В голосе Петтиса послышались недовольные нотки. — Тогда я пошел в больницу узнать, как чувствует себя Гримо. Но когда я туда пришел, он уже умер. Понимаю, инспектор Хедли, это звучит не очень убедительно, но клянусь вам…

— Почему вы хотели меня увидеть?

— Я был в ресторане, когда Флей угрожал Гримо, поэтому подумал, что смогу чем-то помочь. Конечно, вчера я был уверен, что его убил Флей, но сегодня утром прочитал в газетах…

— Одну минутку! К этому мы еще возвратимся. Мы Знаем: кто бы ни выдал себя за вас, он воспользовался вашей манерой разговора и поведения. Правду я говорю?.. Хорошо. В таком случае, кого из вашего круга знакомых или вне его вы могли бы заподозрить? Кто, на ваш взгляд, способен это сделать?

— Или желал бы это сделать? — резко добавил Петтис.

Он сидел прямо, так, чтобы не измять острых, словно лезвие бритвы, складок на брюках, постукивал по столу кончиками пальцев и задумчиво смотрел в окно. Его холодный ум напряженно работал.

— Пусть вам не покажется, что я пытался уклониться от ваших вопросов, инспектор Хедли, — проговорил он, неожиданно закашлявшись. — Положа руку на сердце, ни на кого подумать я не могу. Меня это беспокоит самого, кроме того, существует опасность. Если мои мысли кажутся вам коварными или бессмысленными, то я хотел бы познакомить с ними доктора Фелла. Допустим, что я — убийца. — Петтис насмешливо посмотрел на Хедли, который, услышав эти слова, выпрямился в кресле. — Нет, я не убийца, но допустим, что это так. Я иду убивать Гримо и надеваю для

этого какую-то необыкновенную маску. Между прочим, я скорее совершил бы убийство, чем надел бы te. Думаете, я назвал бы молодым людям свое настоящее имя? — Он помолчал. — Это первая мысль и не очень дальновидная. Но опытный детектив сказал бы: «Хитрый убийца мог так сделать. Это наилучший способ ввести в заблуждение тех, кто придет к такому выводу. Убийца лишь немного изменил голос — так, чтобы об этом вспомнили после. Мол, Петтис говорил так, чтобы потом подумали, что это был не он». Вам такое не приходило в голову?

— Конечно, — широко улыбнулся доктор Фелл. — Это первое, что пришло мне в голову.

— В таком случае вы должны понять, что это меня полностью оправдывает, — кивнул Петтис. — Если бы то был я, мне не надо было изменять голос. Начнем с того, что у тех, кто его слышал, не возникло бы сомнения потом, что мне было необходимо. Но мне крайне необходимо было бы сделать какую-то оговорку, сказать что-то не характерное для меня. Посетитель этого не сделал. Он так старательно имитировал мой голос, что это, кажется, меня тоже оправдывает. Какие бы соображения вы ни приняли во внимание, я могу доказать, что не виновен — или потому, что

я не дурак, или потому, что все-таки дурак.

— Вы оба из одного теста слеплены, — засмеялся Хедли, переводя взгляд с Петтиса на доктора Фелла. — Мне нравятся такие повороты. Но, исходя из опыта, скажу вам, мистер Петтис, что преступник, который такое совершит, очутится в сложном положении. Полиция не станет разбираться, дурак он или нет, а примет во внимание первое соображение, и его… повесят.

— Как повесили бы меня, если бы имели доказательства? — спросил Петтис.

— Вполне резонно.

— Во всяком случае, довольно… э-э… откровенно, — саркастически усмехнулся Петтис, заметно содрогнувшись. — Э-э… рассказывать дальше? Вы выбили почву из-под моих ног.

— Конечно, рассказывайте, — любезно разрешил старший инспектор. — Мысли умного человека полицию тоже интересуют. Что вы еще допускаете?

Обдуманная это была шпилька или нет, но она имела результат, которого никто не ожидал. Петтис усмехнулся, взгляд его сделался бездумным, а лицо еще костлявее.

— Да, думаю, могут интересовать, — согласился он. — Даже те, которые могли бы возникнуть

и у вас. Позвольте привести один пример. Вы или кто-то иной дал информацию об убийстве Гримо во все утренние газеты. Вы рассказали, какой осторожный был убийца и как благодаря его фокусу с исчезновением снег остался нетронутым. Он был уверен, что вечером пойдет снег, в соответствии с этим составил план и, подвергая себя риску, ждал, пока снег перестанет, чтоб осуществить свой план. Во всяком случае, он был уверен, что снег будет идти, или не так?

— Да, что-то похожее на это я говорил. Ну и что?

— А то, — спокойно продолжал Петтис, — что ничего такого он сделать не мог. Вам бы следовало помнить, что, согласно прогнозу погоды, снег вчера не предвиделся вообще.

— О, черт! — воскликнул доктор Фелл, стукнув кулаком по столу. — Отличная работа! Мне это и в голову не пришло, Хедли. Тогда совсем другое дело. Ведь это…

— Конечно, вы можете возражать, — расслабившись, проговорил Петтис и достал портсигар. — Можете сказать: если в соответствии с прогнозом снег не выпал, то он еще пойдет. В таком случае вы оказались бы тем, кто хитрость ставит в центр комедии. Я так далеко пойти не могу. Думаю, над

прогнозом погоды, как и над телефонной службой, часто издеваются несправедливо. Вы мне не верите? Посмотрите вчерашние вечерние газеты и убедитесь сами.

Хедли выругался, а потом, усмехнувшись, сказал:

— Извините, я не хотел нас обидеть. Кажется, это меняет дело. Если преступник хотел совершить преступление независимо от того, будет идти снег или нет, то прогноз погоды он все же должен был учитывать. Впрочем, к этому мы еще вернемся, — добавил он, барабаня пальцами по столу. — А сейчас меня очень интересуют ваши соображения по этому поводу.

— Боюсь, что это все. Криминология — дело, которое больше касается Бернаби, чем меня. Я подумал только о том, нужно ли мне быть в калошах. — Петтис бросил насмешливый взгляд на свою одежду. — Привычка… А что касается того, кто подделал мой голос, то зачем потребовалось подделывать мой голос? Уверяю вас, я старый чудак и на роль Немезиды не подхожу. Я — единственный, у кого нет постоянных субботних привычек и потому, выходит, я не могу иметь алиби. Кто это мог быть? Хороший имитатор, который знал, как я разговариваю с нашими

молодыми людьми.

— А что вы скажете о публике из заведения «Уорвик»? Кроме тех, кого мы знаем, там был еще кто-нибудь?

— О, да. Там было двое непостоянных посетителей. Ни одного из них я подозревать не могу. Старый Морнингтон работает в музее свыше пятидесяти лет. Его голос, надтреснутый тенор, для имитации моего не годится. Был еще Суэйл, но вчера вечером он, кажется, выступал по радио — рассказывал о жизни муравьев или что-то в этом роде, так что у него есть алиби…

— В котором часу он выступал?

— В девять сорок пять вечера или около этого, но поклясться в этом не могу. К тому же ни один из них никогда не бывал в доме Гримо… Что касается случайных посетителей? Возможно, кто-то, сидя в глубине комнаты, мог что-то услышать, но в разговор никто не вмешивался. — Петтис взял сигарету и, щелкнув, закрыл портсигар. — Самыми близкими друзьями Гримо были я и Бернаби. Я этого преступления не совершал, а Бернаби играл в карты.

— Вы уверены, что Бернаби играл в карты? — посмотрел на него Хедли.

— Нет, не уверен, — искренне признался Пет-

тис. — Но думаю, что играл. Бернаби не дурак. Надо быть ослом, чтобы совершить убийство в тот вечер, когда твое отсутствие кто-нибудь заметит.

Эти слова произвели на старшего инспектора, видимо, большее впечатление чем все, сказанное Петтисом до сих пор. Сердито хмурясь, Хедли барабанил пальцами по поверхности стола. Доктор Фелл углубился в свои мысли, Петтис переводил взгляд с одного на другого.

— Дал ли я вам пищу для размышлений, джентльмены? — нарушил он молчание.

— Да, да. — Оживился Хедли. — Еще один вопрос. Вы знаете, что Бернаби нарисовал картину и доктор Гримо купил ее, чтобы защитить себя?

— Защитить себя? От чего?

— Мы об этом не знаем. Я надеялся, что это нам объясните вы, — бросил на него быстрый взгляд Хедли. — В семье Гримо, кажется, любят говорить загадками. Кстати, что вам известно о его семье?

— Ну, как вам сказать… — Петтис был, видимо, удивлен. — Розетта — очаровательная девушка, хотя я бы не сказал, что она склонна говорить загадками. Совсем наоборот. По моему мнению, она слишком современна. — Он наморщил лоб. — Жены Гримо я не знал, она умерла несколько лет

назад. Но я не вижу…

— А что вы думаете о Дреймене?

— Среди всех моих знакомых старый Дреймен — последний, кого можно заподозрить. Он настолько простодушен, что кое-кто видит в этом скрытую дьявольскую хитрость. Извините, а с ним разговаривали? Если разговаривали, то у меня все.

— Тогда вернемся к Бернаби. Вы знаете, что вынудило его нарисовать ту картину, когда он ее нарисовал, и вообще что-нибудь о ней?

— Думаю, он написал ее года два назад. Помню, это было большое полотно, которое сразу бросалось в глаза в его мастерской. Он иногда пользовался им, как ширмой или перегородкой. Однажды я спросил, что на ней изображено. Он ответил: «Воображаемый пейзаж, которого я никогда не видел». По-французски картина называлась! «Dans I'Ombre des Montagnes du Sel»[14] или что-то в этом роде. — Петтис перестал постукивать незажженной сигаретой по портсигару и, немного подумав, добавил! — Помню, однажды Бернаби спросил! «Вам нравится картина? На Гримо она произвела чрезвычайно неприятное

---

[14] Примечания: 14
В тени Соляных гор (фр.).

впечатление».

— Почему?

— Я не обратил на его слова особенного внимания, воспринял их как шутку или хвастовство. Бернаби говорил смеясь, а шутить он любит. Картина так долго собирала пыль в мастерской, что я даже удивился, когда а пятницу утром туда явился Гримо и купил ее, — Вы были там? — резко наклонившись вперед, опросил Хедли.

— В мастерской? Да. Уже не помню, зачем я зашел туда утром. А немного погодя заявился Гримо.

— Удрученный?

— Да. Хотя нет… Скорее взволнованный, — поправился Петтис, незаметно наблюдая за Хедли. — Когда он пришел, Гримо скороговоркой обратился к художнику! «Бернаби, где ваша картина с Соляными горами? Я хочу ее купить. Назовите цену». Удивленный Бернаби показал на картину и сказал: «Картина ваша. Если она вам нужна, забирайте ее». — «Нет, — ответил Гримо, — я хочу ее купить». Тогда Бернаби назвал смехотворно низкую сумму — десять шиллингов, — и Гримо, торжественно достав чековую книжку, написал чек на указанную сумму. Он объяснил, что в его кабинете есть место, куда

картина как раз подойдет. Я нанял ему извозчика, чтобы отвезти картину…

— Картина была завернута? — вдруг вмешался доктор Фелл. Вмешался так резко, что Петтис даже подскочил. Это заинтересовало Фелла, казалось, больше всего. Ожидая ответа, он сжал руками трость и наклонился вперед.

— Странно, почему вы это спрашиваете, — удивился Петтис. — Я как раз хотел на это указать. Гримо из-за этой обертки очень нервничал. Он попросил бумагу, а Бернаби ответил: «Как вы думаете, где я возьму такой большой лист бумаги? Чего вам стыдиться? Берите ее, как есть». Но Гримо настоял на том, чтобы мы пошли и купили бумаги, несколько ярдов желтой рулонной бумаги. Бернаби был этим очень недоволен.

— Вы не знаете, Гримо с картиной поехал прямо домой?

— Нет, сначала он, кажется, собирался вставить ее в раму, но я не уверен в этом.

Доктор Шелл что-то пробурчал, откинулся назад и больше ни о чем не расспрашивал. Хедли задал еще несколько вопросов, но Рампол видел, что ничего важного для себя он в ответах не услышал. Петтис говорил осторожно, но, как он заметил, скрывать ему было нечего. В семье

Гримо, как и среди его ближайшего окружения, кроме неприязни между Менгеном и Бернаби, никакой вражды не было. Бернаби почти на тридцать лет старше Розетты Гримо, он симпатизировал девушке. Доктор Гримо не имел ничего против. Один раз Петтис видел, что и против Менгена он также ничего не имел.

— Думаю, вы понимаете, джентльмены, — проговорил Петтис, когда раздались удары Биг Бена, — что все это имеет второстепенное значение. Заподозрить кого-нибудь из нашего круга в преступлении трудно. О финансовых делах Гримо я также не могу вам многого сообщить. Думаю, он был довольно богатым. Я знаю его адвокатов Теннанта и Уильямса. Между прочим, вы не пообедаете со мной в это печальное воскресенье? Я уже пятнадцать лет живу на противоположной стороне Рассел-сквер, в отеле «Империал». Вы проводите расследование по соседству, и вам будет удобно. Кроме того, если доктор Фелл пожелает продолжить дискуссию о привиде… — усмехнулся он.

Не успел Хедли отказаться, как доктор Фелл дал согласие, и Петтис вышел из комнаты значительно более веселым, чем вошел. Когда за ним закрылась дверь, все переглянулись.

— Ну? — спросил Хедли. — Мне показалось, что он достаточно откровенен. Конечно, мы все проверим. Очень важно знать, почему кто-то совершил преступление именно в тот вечер, когда отсутствие алиби у Петтиса должны были обязательно отметить. С Бернаби мы поговорим, но не похоже, что это дело его рук. Причина тут…

— Согласно прогнозу погоды снега не предвиделось, — сказал доктор Фелл. — Все летит кувырком, Хедли. Не понимаю… Калиостро-стрит… Едем на Калиостро-стрит! Куда угодно, лишь бы не сидеть в этой темноте.

Попыхивая трубкой и тяжело ступая, доктор Фелл направился за пальто и шляпой.

ТАИНСТВЕННАЯ КВАРТИРА

Серым зимним утром в воскресенье улицы Лондона были безлюдны. Калиостро-стрит, на которую свернула машина Хедли, казалось, не проснется вообще. Вход на Калиостро-стрит прятался в конце Джилфорд-стрит, на ее западной стороне, между магазинами канцелярских товаров и мясника, он напоминал начало узкого переулка, а если бы не табличка с названием улицы, его можно было бы не заметить совсем. Дальше, за этими домами, улица внезапно расширялась и через двести ярдов упиралась в кирпичную стену.

Спрятанные в трущобах Лондона тихие улочки и ряды домов всегда вызывали у Ремпола чувство нереальности, будто, выйдя из двери собственного дома, замечаешь, что вся улица непостижимо изменилась и из окон домов, до тех пор никогда не замечаемых, улыбаются незнакомые тебе люди. И вот перед ним, доктором Феллом и инспектором Хедли, лежала Калиостро-стрит. Уже в начале улицы находилось несколько магазинчиков. Ставни и ажурные решетки на окнах магазинов бросали вызов покупателям как кре-

пости бросают вызов нападающим. Окна были различной степени чистоты — от ярко блестящих в магазине ювелира, самом дальнем с правой стороны, до темно-серых в ближайшем табачном магазинчике, тоже с правой стороны. Кроме магазинов, перед глазами предстали два ряда однообразных, возведенных из красного кирпича трехэтажных домов с покрашенными в белый или желтый цвет оконными рамами. Шторы на окнах были задернуты, на некоторых, особенно на первом этаже, виднелись веселые кружева. Среди одинаково потемневших домов выделялся один. От железной ограды перед ним к входным дверям вели металлические перила, а на дверях висело многообещающее объявление, что в доме сдаются меблированные комнаты.

Под тяжелым серым небом над домами чернели печные трубы. Снег на улице таял, образуя грязные лужицы. Дул порывистый ветер, он гнал обрывки старых газет, играл ими и прижимал к фонарному столбу.

— Весело, — буркнул доктор Фелл и двинулся вперед, слегка покачиваясь. — Немедленно беремся за работу, пока не привлекли внимания. Покажите мне то место, где убили Флея. А впрочем, подождите. Где он жил?

— Над табачным магазинчиком, — ответил Хедли, показывая на дом рядом. — Как я и говорил вам, в самом начале улицы. Пойдем туда и посмотрим, хотя Соммерс уверяет, что там ничего нет. Давайте пройдем по улице, держась поближе к середине… — Он широкими шагами пошел вперед. — Подметенные тротуары и заметные контуры мостовой заканчиваются шагов через сто пятьдесят. Дальше нетронутый снег, это еще шагов сто пятьдесят. Вот тут.

Хедли остановился и медленно обернулся.

— Полдороги, — сказал он. — Середина улицы… Видите, какая она тут широкая? Находясь на этом месте, он был на расстоянии тридцати шагов от любого дома по обе стороны улицы. Если бы он шел по тротуару, мы могли бы построить какую-нибудь дурацкую версию — скажем, будто кто-то выставил из окна или прохода между домами палку с прикрепленным к ней револьвером или…

— Глупости!

— Конечно, глупости, но что мы можем придумать еще? — спросил Хедли с нажимом и махнул своим чемоданчиком. — Я знаю, что ничего такого не было. Но что было? Свидетели тоже ничего не видели. А если бы что-нибудь было, они,

несомненно, заметили бы. Давайте остановимся. Стойте на месте и не оборачивайтесь. — Он прошел немного вперед, присматриваясь к номерам домов, и свернул на тротуар с правой стороны. — Блеквик и Шорт были тут, когда услышали крик. Вы идете посредине улицы, я посредине тротуара. Оборачиваюсь… Да. Какое между нами расстояние?

Ремпол отошел в сторону, оставив доктора Фелла одного посреди большого четырехугольника.

— Не очень далеко были те двое, — сделал вывод доктор Фелл, сбив на затылок свою шляпу с большими полями. — Не больше, чем тридцать шагов впереди. Хедли, это даже удивительнее, чем я думал. Он стоял посреди снежной пустыни. Услышав выстрел, они обернулись… Гм…

— Именно так. Дальше, что касается освещения. Вы стоите на том месте, где был убит Флей. Видите ту лампочку над дверью дома номер восемнадцать, справа от вас? А немного ближе, тоже с правой стороны, витрину магазина ювелира?.. Хорошо. Она была освещена, не ярко, но все же… Теперь объясните мне, почему двое людей не уверены, видели они с того места, где я стою, кого-нибудь около Флея или нет?

Эхо его голоса покатилось по улице. Снова по-

пала в вихрь ветра старая газета. Ветер, будто в тоннеле, глухо ревел над колпаками печных труб. Полы черного плаща доктора Фелла трепетали, дикий танец танцевали его очки на шнурке.

— Магазин ювелира, — внимательно всматриваясь вперед, проговорил доктор Фелл. — Магазин ювелира! И в витрине свет… В магазине кто-нибудь был?

— Не было никого. Визерс проверял. Свет падал из витрины. Окна и двери были забраны решетками, как и сейчас. Никто не мог ни войти туда, ни выйти оттуда. Кроме того, это слишком далеко от Флея.

Доктор Фелл покачал головой и медленно пошел к зарешеченной витрине, чтобы осмотреть ее. В ней на бархатных подушечках были выставлены дешевые перстни, часы, много подсвечников, а посредине виднелись большие круглые немецкие часы с циферблатом-лицом, на котором двигались взад-вперед большие глаза. Складывалось неприятное впечатление, будто они специально поглядывали на то место, где был убит человек. Из-за этого еще неприятнее было впечатление и от самой Калиостро-стрит. Часы как раз начали бить одиннадцать. Доктор Фелл вернулся на середину улицы.

— Но Флея убили выстрелом сзади с левой стороны, — резюмировал вслух доктор Фелл. — А это правая сторона улицы. Если мы утверждаем — а мы должны это утверждать, — что нападающий приблизился слева или, наконец, слева приблизился летающий револьвер… Не знаю! Даже если допустить, что убийца шел по снегу, не оставляя следов, то можем ли мы в конце концов определить, откуда он вышел?

— Он вышел отсюда, — внезапно послышался голос.

Казалось, порыв ветра принес эти слова откуда-то издалека. На протяжении какой-то секунды Рempол пережил в этой полутемноте более глубокое потрясение, чем то, которое было связано с расследованием дела «Четтергемская тюрьма». В его воображении возникли летающие предметы и послышался голос невидимки — точно так же, как двое свидетелей услышали голос бесплотного убийцы накануне вечером. В следующее мгновение у него перехватило дыхание. Только оглянувшись, он понял, кому принадлежал голос. Из открытой двери дома номер восемнадцать по лестнице спускался коренастый краснощекий молодой человек в надвинутой на лоб шляпе, что придавало ему зловещий вид. Широко улыбаясь,

он поздоровался с Хедли.

— Он вышел отсюда, сэр. Я Соммерс, сэр. Помните, вы просили меня выяснить, куда шел француз, когда его убили, а также проверить, не показался ли подозрительным один из жильцов какой-нибудь из хозяек меблированных комнат. Ну, так я узнал о таком жильце, и сделать это было нетрудно. Он вышел отсюда. Извините, что я вмешался.

Хедли постарался скрыть, что испугался, выразил удовлетворение, и его взгляд остановился на фигуре человека, нерешительно стоявшего у двери дома.

— Нет, сэр, это не тот жилец, — проследил за его взглядом Соммерс. — Это мистер О'Рурк, артист мюзик-холла, тот, кто опознал вчера вечером француза в морге. Сегодня утром он мне немного помог.

О'Рурк вышел из темноты и спустился по ступенькам вниз. Тяжелое пальто не могло скрыть высокой крепкой фигуры и быстрых мягких шагов человека, который привык к трапеции и высоко натянутому тросу. Говорил он приветливо, легко, немного откинувшись назад всем телом как человек, которому нужен простор. Смуглое лицо и роскошные черные усы под крючковатым носом делали его похожим на итальянца.

О'Рурк с видимым удовольствием курил большую изогнутую трубку, которую держал в уголке рта. Называя себя, он сбил назад причудливую желто-коричневую шляпу и прищурил голубые блестящие глаза. Это был тот ирландец с итальянским псевдонимом, который говорил, как американец, а на самом деле был, по его словам, канадцем.

— Меня зовут О'Рурк, Джон Л. Селливен О'Рурк… Мое второе имя? — Он ударил кулаком по воздуху. — Я его не знаю. И мои родители не знали, когда называли меня. — Л — это все, что я знаю. Надеюсь, вы ничего не имеете против моего вмешательства. Видите ли, я знал старого Луни… — Он помолчал, усмехнулся и покрутил усы. — Я понимаю, джентльмены, вас удивляет мое туманное происхождение. Оно удивляет всех. Еще раз извините, что вмешиваюсь. Мне чертовски жаль старого Луни, — смущенно добавил он.

— Ничего, ничего, — успокоил его Хедли. — Благодарю за помощь. Теперь нам не придется искать вас в театре.

— В театре я теперь не работаю. — О'Рурк высунул из длинного рукава пальто левую руку и показал забинтованное запястье. — Если бы вчера вечером я что-нибудь заподозрил, то пошел бы

за Луни. А теперь вот что получилось!

— Если вы пойдете со мной, — бесцеремонно вмешался Соммерс, поворачиваясь к Хедли, — то я покажу вам кое-что важное и кое-что расскажу. Хозяйка внизу одевается. Она расскажет вам о жильце. Нет сомнений, это тот, кто вам нужен. Но сначала я хотел бы, чтобы вы осмотрели его комнаты.

— Что там, в его комнатах?

— Во-первых, сэр, кровь, — ответил Соммерс. — Кроме того, какие-то удивительные веревки. — Он с удовольствием отметил про себя, что Хедли не остался равнодушным к его словам. — Вас эти веревки заинтересуют, остальные вещи тоже. Тот тип — вор-взломщик. Судя по его снаряжению — большой хитрец. Он поставил в двери особый замок и мисс Хейк, хозяйка дома, войти в его комнаты не могла. Но я воспользовался одним из моих ключей. Ничего незаконного в этом нет, сэр. Жилец исчез весьма поспешно. Мисс Хейк говорит, что комнаты он нанял давно, но с тех пор был там всего раз или два, не больше.

— Пойдемте, — сказал Хедли.

Соммерс открыл входную дверь и повел всех по лестнице наверх. Дом был узкий. На каждом этаже было по одной меблированной квартире,

и она занимала целый этаж от фасада до задней стены. Дверь на верхнем этаже, рядом с лестницей, ведущей на крышу, была открыта. Над замочной скважиной в двери поблескивал еще один замок. Соммерс провел их в полутемный коридор с тремя дверями.

— Сначала сюда, сэр, — сказал он, показывая на первую дверь с левой стороны. — Тут ванна. Мне пришлось опустить в электросчетчик шиллинг, чтобы включить свет. — Он нажал на выключатель.

Стены грязной ванной комнаты были обклеены глянцевитыми под кафель обоями, пол покрыт потертым линолеумом. Они увидели старую газовую колонку с ржавым баком для воды, кривое зеркало над простым умывальником и кувшин на полу.

— Тут пытались убрать, сэр, — объяснил Соммерс. — Но на дне ванны, около дырки для слива воды, остались красные следы. Он мыл над ванной руки. А за корзиной для белья… Подождите! — Он артистическим жестом отодвинул корзину в сторону, достал из нее запыленное, еще влажное, покрытое темно-розовыми пятнами полотенце и коротко бросил: — Этим полотенцем он вытирал руки.

— Хорошая работа, — похвалил его Хедли. Он повертел в руках полотенце, взглянул на доктора Фелла, усмехнулся и положил находку на место. — Теперь остальные комнаты. И еще меня интересует эта веревка.

Комнаты были пропитаны чьим-то невидимым присутствием, будто стойким химическим запахом, который не мог перебить даже дух крепкого табака О'Рурка. Это было больше, чем жилье. Тяжелые портьеры на окнах достаточно большой комнаты были опущены. Под яркой лампочкой на широком столе лежал набор небольших металлических и проволочных инструментов с округлыми концами (отмычки! — даже присвистнул Хедли), замков, стопка исписанной бумаги, мощный микроскоп, коробка с диапозитивами, подставка, на которой возвышалось шесть колб с наклеенными на них этикетками. В комнате находились также полки с книгами, а в углу — небольшой сейф, увидев который, Хедли воскликнул:

— Если он — вор-взломщик, то весьма современный и ловкий! Таких, как он, я не видел давно. Я даже не знал, что этот способ известен в Англии. Вы обратили внимание, Фелл? Узнаете?

— Вверху вырезано большое отверстие, сэр, —

сказал Соммерс. — Если он воспользовался газовой горелкой с поддувом, то это самая чистая работа, какую мне приходилось видеть. Он…

— Он не воспользовался газовой горелкой с поддувом, — возразил Хедли. — Есть более остроумный и надежный способ. Я не очень разбираюсь в химии, но думаю, он воспользовался порошковым алюминием и окисью железа. Вы смешиваете на поверхности сейфа порошок и добавляете… что?.. порошковую магнезию, а потом подносите спичку. Смесь не взрывается. Она генерирует тепло до нескольких тысяч градусов и растапливает металл. Видите на столе металлическую трубку? У нас есть такая в музее. Это детектоскоп. Его еще называют «Рыбий глаз». Полусфера рефрактора напоминает глаз рыбы. Его можно вставить в отверстие в стене и видеть все, что делается в соседней комнате, Что вы об этом думаете, Фелл?

— Да, да, — равнодушно сказал доктор Фелл, будто все это не имело никакого значения. — Думаю, вы знаете, как возникает мысль? Тайна… А где веревка? Меня очень интересует веревка.

— В соседней комнате, сэр, — ответил ему Соммерс. — Знаете, та комната обставлена, я бы сказал, в восточном стиле.

Он имел в виду, вероятно, низенькую тахту, роскошные и цветастые, в турецком стиле, диваны, портьеры, султаны, дешевые украшения и отделку, а также коллекцию оружия. Видеть все это в таком месте было достаточно странно. Хедли отодвинул портьеру. За окном был Блумсбери. В свете зимнего дня Хедли некоторое время наблюдал задний двор. Гилфорд-стрит, заасфальтированные дворики Калиостро-стрит и узкий проезд, который вел к заднему двору детской больницы. Потом Хедли взял с дивана свернутую в кольцо веревку…

Веревка была тонкой, но очень крепкой и с узлами через каждый фут. Она была бы обычной веревкой, если бы не странный предмет, прикрепленный к ее концу. Этот предмет напоминал черную резиновую чашечку, немного больше кофейной, пружинистую, с нарезкой на краях, похожую на протектор автомобильной шины.

— О! — воскликнул доктор Фелл. — Видите?

— Я слышал об этом, — кивнул головой Хедли. — Но до сих пор никогда не видел и не верил, что такое возможно. Посмотрите! Это присосок. Вы, возможно, видели подобную детскую игрушку. Пружинный игрушечный пистолет стреляет пулькой с миниатюрным резиновым присоском,

а присосок удерживается на картоне.

— Вы имеете в виду, — не удержался Рампол, — что преступник мог воспользоваться веревкой, прикрепленной к стене с помощью присоска?

— Говорят, что это возможно, — неуверенно сказал Хедли. — Конечно, я…

— Но как бы он забрал ее? Или просто бы оставил висеть?

— Безусловно, тут необходим сообщник. Если нажать снизу, воздух выходит… Но я не понимаю, как это, черт побери, можно использовать для…

— Подождите джентльмены! — О'Рурк, который все время внимательно рассматривал веревку, вынул изо рта трубку, прокашлялся и хриплым голосом продолжал: — Не хочу вмешиваться, но думаю, это не так уж глупо.

— Что вы имеете в виду? — повернулся к нему Хедли. — Вы знаете еще что-нибудь?

— Мне кажется, что эта веревка принадлежала Луни, то есть Флею, — кивнул головой О'Рурк, размахивая трубкой. — Дайте ее мне на минутку, я посмотрю. Не поклянусь, но… — Он взял веревку и легко пробежал по ней пальцами, пока не добрался до середины. Потом он подмигнул, удовлетворенно кивнул головой и вдруг торжественно, как волшебник, развел руки, держа в

каждой по половинке веревки. — Ух! Да, я думаю, это одна из веревок Луни. Смотрите, на одном конце веревки есть углубление с резьбой, а на другом конце — как бы винт, их можно легко соединить. Место соединения заметить трудно. А прочность соединения велика. Можете попробовать сами. Не разорвете. Поняли? Зрители связывают фокусника — или как там его — и запирают в ящике. Это соединение попадает на его руки. Зрители снаружи, для уверенности могут крепко держать концы веревки. Понимаете? Он зубами разъединяет веревку, зажимает коленями ее концы и начинает неистово возиться и стучать в середине ящика. Чудо! Самое удивительное зрелище в мире! — О'Рурк, замолчав, доброжелательно посмотрел на них, снова взял в рот трубку и глубоко затянулся. — Бьюсь об заклад на что угодно, это одна из веревок Луни.

— У меня тоже в этом нет никакого сомнения, — сказал Хедли. — Но зачем этот присосок?

— Конечно, Луни умел беречь свои секреты. — О'Рурк снова немного отклонился назад, чтобы иметь пространство для жестикуляции. — Но я, находясь рядом с волшебником и другими мошенниками, всегда держал глаза открытыми… Будьте добры, не поймите меня ложно! У Луни

были хорошие фокусы, действительно хорошие. Это были всем известные шаблонные обманы. Но он работал над одним таким… Вы слышали об индийском фокусе с веревкой? Факир подбрасывает веревку в воздух, она становится торчком, по ней вверх лезет мальчик и… исчезает!

— Я слышал, что никто пока такого фокуса не видел, — сказал доктор Фелл и подмигнул О'Рурку.

— Это правда, — согласился О'Рурк. — Поэтому Луни и пытался найти способ сделать это. Бог знает, нашел ли он решение этого фокуса. Думаю, присосок для того, чтобы подкинутая веревка к чему-то прикрепилась.

— А кто-то должен был по ней лезть? — глухо спросил Хедли. — Лезть вверх и… исчезнуть?

— Мальчик… На веревке, которую мы видим, взрослый человек не поднимется. Я мог бы попробовать прицепить эту веревку за окном, но не имею желания свернуть себе шею. И. кроме того, у меня повреждено запястье.

— Думаю, доказательств у нас достаточно, — сказал Хедли. — Так вы считаете, Соммерс, что жилец отсюда сбежал? Вам известны его приметы?

— Задержать его будет нетрудно, сэр, — кив-

нул головой Соммерс. — Джером Бернаби — это, вероятно, его псевдоним. Но у него есть достаточно характерная примета… У него повреждена ступня.

ЦЕРКОВНЫЕ КОЛОКОЛА

Доктор Фелл рассмеялся. Он не просто смеялся, он, сидя на диване, стучал тростью о ковер и громко хохотал.

— Обманул! — воскликнул он. — Обманул, дорогие мои! Ха-ха-ха! Раз — идет призрак! Раз — идет свидетель! Подумать только!

— Как это обманул? — спросил Хедли. — Не вижу здесь, кстати, ничего смешного. Разве недостаточно доказательств того, что Бернаби — преступник?

— Достаточно доказательств того, что он совершенно невиновен, — решительно заверил доктор Фелл, достав красный носовой платок и вытирая им глаза. — Я знал, что мы выявим что-нибудь такое. Все слишком хорошо складывается, чтобы быть правдой. Бернаби — загадочная фигура без тайны, преступник без преступления или, лучше сказать, какого-нибудь особенного преступления.

— Может, вы объясните…

— Ну что ж, — любезно согласился Фелл. — Хедли, посмотрите внимательно вокруг и скажите: что напоминает вам это место? Вы видели во-

ра-взломщика или просто вора, у которого был бы такой романтически оформленный тайник — разложенные на столе отмычки, микроскоп, зловещие химические препараты и прочее? Настоящий вор-взломщик, настоящий преступник стремится, чтобы его убежище имело порядочный вид, более порядочный, чем помещение у церковного старосты. Такого не сделает даже тот, кто играет в вора-взломщика. Подумайте минуту, и вы поймете, что все это знакомо вам из сотен фильмов и рассказов. Я знаю это, так как сам люблю театральную атмосферу… Тут больше похоже на то, что кто-то играет в воров и сыщиков.

Хедли потер подбородок и задумчиво огляделся.

— Разве в детстве, — удовлетворенно продолжал доктор Фелл, — у вас не возникало желания иметь таинственный ход в свой дом или пробраться со свечкой в руке на чердак через какое-нибудь отверстие, едва не устроив пожар? Разве вы не играли в великого детектива и вам не хотелось иметь тайное место на улице, где вы бы могли делать свои «опасные» дела под выдуманным именем? Кто-то тут говорил, что Бернаби — отменный криминолог-любитель. Возможно,

он пишет книгу. Так или иначе у него есть время и деньги, чтобы достаточно профессионально делать то, что хотели бы делать многие другие. Он создал свое второе «я». И создал тайно, потому что знакомые, если бы узнали об этом, подняли бы его на смех. Детективам из Скотленд-Ярда его «чрезвычайная тайна», конечно, известна, а вообще все это — глупости.

— Но сэр… — начал было Соммерс.

— Подождите! — остановил его Хедли и еще раз внимательно осмотрел все вокруг. — Согласен, это место имеет какой-то неубедительный киношный вид. Но откуда тогда эта кровь и веревка? Веревка принадлежала Флею, помните? А кровь…

— Гм… Конечно, — кивнул доктор Фелл. — Не поймите меня неправильно. Я не утверждаю, что эти комнаты не могли сыграть своей роли в деле, я только предостерегаю, чтобы мы не очень верили в зловещую двойную жизнь Бернаби.

— Об этом мы скоро узнаем, — буркнул Хедли. — И если он убийца, тогда так ли уж невинна его игра в вора-взломщика?.. Соммерс!

— Слушаю, сэр!

— Идите на квартиру к мистеру Бернаби… Вы ничего не понимаете? Я говорю о другой его квар-

тире. У меня есть адрес. Гм… Блумсбери-сквер, тринадцать-А, третий этаж. Запомнили? Немедленно приведите его сюда! Не отвечайте ни на какие вопросы, сами тоже ни о чем не расспрашивайте! Поняли? Когда спуститесь вниз, попросите хозяйку дома, чтобы она подошла сюда.

И Хедли, задевая ногами мебель, заходил по комнате. Смущенный, разочарованный неудачей Соммерс торопливо вышел. О'Рурк наблюдал за ними с вежливым любопытством, сидел и курил трубку.

— А знаете, джентльмены, — проговорил он, — мне нравится наблюдать, как детективы выходят на след. Не знаю, кто такой Бернаби, но вам, кажется, он уже знаком… Ко мне у вас еще есть вопросы? Все, что я знал о Луни, я рассказал сержанту — как его там — Соммерсу. Но если у вас есть еще что-то…

Хедли глубоко вздохнул, выпрямил плечи и принялся энергично перебирать бумаги в чемоданчике. Потом, поворачиваясь к О'Рурку, спросил:

— А можете что-нибудь еще добавить к сказанному? Он в самом деле говорил, что у его брата есть квартира на этой улице?

— Говорил, сэр. Он говорил, что видел, как тот

околачивался здесь.

— Но ведь это не одно и то же, разве не так? — резко спросил Хедли — Что он точно говорил.

— Ну, Луни сказал: «У него есть на той улице квартира», — а уже потом добавил: «Я видел, как он там околачивался», — пояснил О'Рурк. — Я говорю истинную правду.

— Наверно, не очень искреннюю, — возразил Хедли. — Подумайте еще!

— Черт побери, я уже подумал! — возмутился О'Рурк. — Вы расследуете не первое такое дело, ставите вопросы и, если ответы не повторяются слово в слово, считаете, что вас обманывают. Извините, но это все, что я могу для вас сделать.

— Что вы знаете о брате Флея? Что вам Флей о нем говорил?

— Ничего. Ни одного слова. Я не хочу, чтобы у вас сложилось неправильное представление. Когда я говорю, что знаю Луни лучше чем других людей, это не означает, что я знаю о нем все. Всего не знает никто. Если бы вы знали Луни, то поняли бы, что он не тот, кого достаточно угостить стаканом вина, и он начнет о себе все рассказывать. Это все равно что угощать Дракулу — или кого-то похожего на него.

— Самая большая проблема, которая стоит

перед нами, это, как вы можете догадаться, — невозможная ситуация, — подумав, ответил Хедли. — Думаю, вы видели газеты?

— Да, — прищурил глаза О'Рурк. — Почему вы об этом спрашиваете?

— В обоих случаях убийца прибег к обману или сценическому фокусу. Вы говорите, что знали фокусников и артистов-невидимок. Можете ли вы припомнить фокус, который объяснил бы, как это делается?

— Ну, это другая вещь, — засмеялся О'Рурк, показывая из-под роскошных усов белые зубы. — Это совсем другое дело. Скажу откровенно: когда я предложил выбраться из окна по веревке, то боялся, что вы поддержите эту мысль. Я боялся за себя, понимаете? — Он усмехнулся. — Но забудем об этом! Было бы чудом из чудес, если бы кто-нибудь сделал такой фокус, даже если бы он имел веревку и мог ходить, не оставляя следов. Но дело в другом. — О'Рурк пригладил чубуком усы и обвел взглядом комнату. — Я не авторитет и о фокусах знаю немного, а о том, что знаю, молчу. Это что-то наподобие профессиональной этики, если вы меня понимаете. О таких вещах, как выход из закрытого ящика, исчезновение и такое прочее, я не желаю даже говорить.

— Почему?

— Потому, что большинство людей разочаруется, узнав, как это делается. Люди не хотят верить, что все так просто и их обвели вокруг пальца. Они скажут: «Ерунда! Если бы это было так, то я сразу бы все понял». А если фокус делается с помощью зрителей, они разочаровываются еще больше и говорят: «Ну, знаете, если вам еще надо помогать…» — С минуту он молча сосал трубку. — Люди странные. Например, они идут смотреть фокусы. Им говорят, что это фокусы, а они обижаются, мол, почему это не настоящее волшебство? Когда людям объясняют, как фокусник выбирается из закрытого сундука или завязанного мешка, только что проверенного ими, они обижаются, что это был только фокус, и заявляют, будто давно его знают.

Чтобы выполнить самый простой фокус, надо, скажу вам, поразмышлять. Кроме того, хороший артист должен быть хладнокровным, сильным, опытным, сметливым и быстрым, как молния. Люди никогда не задумываются о том, что нужен ум, чтобы обвести их вокруг пальца. Думаю, им бы понравилось, если бы тайна исчезновения оказалась бы проделкой дьявола, похожей на настоящее волшебство. Никто еще никогда не

становился столь тонким, как почтовая открытка, и не проскальзывал в щель. Никто никогда еще не проникал в комнату сквозь замочную скважину или через закрытую дверь. Рассказывать дальше?

— Рассказывайте, — кивнул Хедли, с любопытством глядя на О'Рурка.

— Хорошо, — удовлетворенно сказал О'Рурк. — Возьмем другой пример. Выход из завязанного и опечатанного мешка. Исполнитель выходит, держа в руках черный миткалевый или сатиновый мешок, становится в него обеими ногами, ассистент подтягивает мешок кверху и на расстоянии дюймов шести от верха крепко завязывает его большим носовым платком. Зрители, если желают, добавляют еще несколько узлов, а затем их опечатывают восковыми печатями. Раздается выстрел! Исполнителя закрывает ширма, а через тридцать секунд он выходит из-за нее, держа в руках завязанный мешок с неповрежденными печатями. — О'Рурк усмехнулся, покрутил усы и удобнее устроился на диване. — А все очень просто, джентльмены. Есть два абсолютно одинаковых мешка. Один из них свернут и спрятан под одеждой исполнителя. Пока ассистент подтягивает вверх один мешок, исполнитель, находясь

в нем, и разглаживая его, незаметно выставляет наверх, приблизительно па шесть дюймов, верх мешка-дубликата. Ассистент обхватывает его руками и старательно связывает. Оба мешка очень легкие, одного цвета, и краев первого совсем незаметно. За ширмой исполнителю остается только отпустить вниз мешок, в котором он стоит, вытащить из-под одежды опечатанный и, держа его в руках, выйти из-за ширмы. Поняли? Видите, это просто и легко, а люди ломают себе головы, пытаясь догадаться, как это делается. А когда узнают, как это делается, говорят: «А-а, с помощником...» — О'Рурк махнул рукой.

Хедли и доктор Фелл слушали О'Рурка с детским удовольствием.

— Все это так, — заметил старший инспектор, будто ожидая возражений. — Но тот, кого мы ищем, тот, кто совершил два убийства, ассистента иметь не мог. Кроме того, это не фокус с исчезновением.

— Согласен, — сказал О'Рурк, сдвинув шляпу набок. — Я приведу другой пример: фокус с исчезновением. Имейте в виду, это сценический обман. Фокус фантастический. Его можно сделать под открытым небом, где нет, как в театре, люков, проволоки, подпорок — вообще никакого

реквизита. Есть только просторная площадка. На эту площадку выезжает на прекрасном белом коне всадник в красивой голубой одежде. Потом — оп-ля! — появляется группа помощников в белом. Они идут по кругу, делают на площадке один круг, другой, затем двое из них поднимают вверх большой веер, на мгновение закрывают им всадника, снова опускают веер вниз и бросают его зрителям, чтобы они убедились, что он настоящий. А всадника на коне уже нет. Он исчез. Исчез прямо посреди площадки. Оп-ля!

— И как вы объясните фокус на этот раз? — поинтересовался доктор Фелл.

— Очень просто. Всадник вовсе не исчезал с площадки. Но вы не не видите его. Роскошная голубая одежда у него была изготовлена… из бумаги и надета поверх настоящей белой. Закрытый веером всадник срывает с себя голубую одежду, прячет ее под белую, соскакивает с коня и присоединяется к группе помощников в белом, которых никто, конечно, не считает. В этом — суть большинства фокусов. Вы смотрите на что-то и не видите его или, наоборот, клянетесь, будто видели то, чего вообще не было. Неплохо, а? Бац! И самое великое на земле чудо перед вами!

В просторной непроветренной комнате воцари-

лась тишина. В окна рвался ветер. Были слышны отдаленные звуки церковных колоколов и сигналы такси, которые проезжали мимо дома.

— Мы уходим куда-то в сторону, — махнул Хедли записной книжкой. — Все это достаточно интересно. Но какое отношение око имеет к делу?

— Никакого, — согласился О'Рурк, усмехнувшись. — Я рассказывал… просто потому, что вы спрашивали. А также, чтобы показать вам, против чего вы выступаете. Говорю вам откровенно, инспектор: я не хочу вас расхолаживать, но если вы выступили против опытного иллюзиониста, то шансов у вас нет. — Он щелкнул пальцами. — Иллюзионисты — люди тренированные. Это их работа. И тюрьмы в мире для них не существует.

— Увидим, на все свое время, — процедил сквозь зубы Хедли. — Что меня удивляет, так это то, почему убивать Флей послал своего брата. Флей был иллюзионист и мог бы сделать все сам, но не сделал. Его брат тоже иллюзионист?

— Не знаю. По крайней мере его имени я никогда на афишах не видел. Но…

— Приготовьтесь, Хедли, через несколько минут вам придется встречать посетителя! — вмешался доктор Фелл, тяжело вздохнув. — Взгляните, но

близко к окну не подходите.

Там, куда он показал своей тростью, между домами двигались, преодолевая ветер, две фигуры. Они свернули с Гилфорд-стрит, и в одной фигуре Рempол узнал Розетту Гримо. Другим был высокий человек, который опирался на палку. Плечи его поднимались и опускались в такт шагам. Поврежденная правая нога была обута в ботинок невероятно большого размера.

— Выключите свет! — быстро приказал Хедли и повернулся к О'Рурку. — А вас я попрошу сделать мне услугу: как можно быстрее спуститься вниз и под каким-либо предлогом задержать хозяйку, чтобы она не пришла сюда, пока я не скажу. И закройте за собой, пожалуйста, дверь!

О'Рурк уже выключал свет в узком коридоре, когда доктор Фелл обеспокоенно спросил:

— Не собираемся ли мы прятаться и подслушивать? Я к таким глупостям не склонен. Помимо того, они обнаружат нас в одно мгновение — по запаху табака О'Рурка.

Хедли что-то пробормотал, закрыл портьеры так, чтобы в комнату проникала лишь узкая полоска света, и решительно сказал:

— Ничего не поделаешь, рискнем. Будем сидеть тихо. Они могут что-нибудь выболтать. Кстати,

что вы думаете об О'Рурке?

— Думаю, О'Рурк — самый откровенный и наиболее знающий свидетель среди тех, кого мы выслушивали в связи с этим ужасным делом, — решительно начал доктор Фелл. — Он помог нам сохранить чувство собственного достоинства. Он сообщил нам почти столько же, сколько колокольный звон.

— Колокольный звон? Какой еще колокольный звон? — сердито спросил Хедли, отвернувшись от щели, через которую он смотрел на улицу.

— Любой колокольный звон, — послышался из темноты голос доктора Фелла. — Лично мне с моей куриной слепотой церковный звон дал уверенность и доставил удовольствие, а также, наверное, удержал меня от ужасной ошибки. Нет, нет, я вполне в своем уме, Хедли. Колокольный звон принес ясность и великолепную информацию.

— Вы уверены, что он не принес еще чего-нибудь? Если так, то хватит говорить загадками и объясните толком, что вы имеете в виду. Колокольный звон, вероятно, подсказал вам, как делается фокус с исчезновением?

— О, нет! — ответил доктор Фелл. — К сожалению, нет. Он только подсказывает мне имя

убийцы.

В комнате наступила почти физически ощутимая тишина — так бывает перед грозой. Внизу хлопнула дверь. На лестнице послышались шаги — одни легкие и быстрые, другие тяжелые и более медленные. Шаги приближались, становились громче, но шедшие молчали. В замке повернулся ключ. Дверь в квартиру отворилась и закрылась. Щелкнул пружинный замок, потом щелкнул выключатель, и в коридоре вспыхнул свет. Вероятно, увидев друг друга, те двое, которые до этого момента сдерживали дыхание, облегченно вздохнули.

— Значит, вы потеряли ключ, который я вам дал? — спросил мужчина насмешливо. — И говорите, что не приходили сюда вчера вечером?

— Ни вчера, ни в какое-либо другое время, — ответила Розетта ровным, но решительным голосом и засмеялась. — У меня вообще не было намерения сюда приходить. Вы меня немного напугали. Ну и что с того? Я и теперь невысокого мнения о вашем убежище. Вы приятно провели Время, ожидая вчерашнего вечера?

Она, казалось, запнулась.

— Вы — маленький чертенок, — заговорил мужчина ровным голосом. — То, что я вам сейчас

скажу, придется вам не по душе. Меня тут не было. Я не собирался сюда приходить. Если вы думаете, что вам достаточно щелкнуть бичом, чтобы заставить кого-либо прыгнуть через кольцо… Прыгайте через кольцо сами! Меня тут не было.

— Это неправда, Джером, — спокойно возразила Розетта.

— Вы так думаете? Почему?

Две фигуры появились в приоткрытой двери. Хедли отодвинул портьеру.

— Нам тоже хотелось бы узнать ответ на этот вопрос, мистер Бернаби, — сказал он.

Лица обоих, неожиданно освещенные дневным светом, застыли, как на моментальном фотоснимке. Розетта Гримо вскрикнула и подняла руку, будто защищаясь, но взгляд ее глаз был острым, настороженным и угрожающе победоносным. Джером Бернаби стоял неподвижно и часто дышал. У него было энергичное, покрытое морщинками лицо, на первый взгляд простое и приятное. Но в это мгновение нижняя челюсть у него выдвинулась вперед, глаза побелели от гнева. Сняв шляпу, он швырнул ее на диван — сердито и, по мнению Рempола, достаточно театрально. Жесткие, как проволока, седые на висках, рыжие волосы Бернаби после того, как он

скинул шляпу, поднялись дыбом.

— Тут что — грабители? — спросил он шутливо, но с едва заметной угрозой в голосе и сделал поврежденной ногой шаг вперед.

— Трое против одного? У меня в палке кинжал, хотя…

— Он не понадобится, Джером, — вмешалась девушка. — Это полиция.

Бернаби замолчал, вытер рукой рот и, хотя и заметно волнуясь, с иронией в голосе продолжал:

— О, полиция! Какая честь! Выламывает дверь и входит в дом. Вот оно как…

— Вы съемщик квартиры, а не хозяин дома, — вежливо заметил Хедли. — Если возникает подозрение… Не знаю, как в отношении подозрения, но ваши друзья, думаю, охотно посмеялись бы над этим восточным убранством. Вы со мной согласны?

Ироническая усмешка Хедли и насмешливые нотки в его голосе задели Бернаби за живое. Лицо у него приобрело грязно-серый цвет.

— Черт побери! — воскликнул он, немного приподняв палку. — Что вам тут нужно?

— Во-первых, пока мы не забыли, о чем вы разговаривали, когда вошли в дом…

— Вы подслушивали? Да?

— Да, — сдержанно согласился Хедли. — Но, к сожалению, услышали мы немного. Мисс Гримо сказала, что вы были в этой квартире вчера вечером. Вы тут были?

— Нет, не был.

— Не был? Он был тут, мисс Гримо?

Девушка заговорила спокойно, с улыбкой глядя на них продолговатыми карими глазами. Она производила впечатление человека, который не желает проявлять свои чувства. По тому, как Розетта перебирала пальцами перчатки и по ее прерывистому дыханию было видно, что в ней меньше гнева, чем страха.

— Поскольку вы подслушивали, — сказала она после продолжительной паузы, — то возражать мне не приходится. Ведь так? Не понимаю, почему это вас интересует. К смерти моего отца это не имеет никакого отношения. Я совершенно уверена в этом. Кем бы Джером ни был, — усмехнулась девушка, — он не убийца. Но если вы по какой-то причине заинтересовались им, то я хочу, тоже все выяснить. Я вижу, что подозрение снова падает на Бойда. Оно может оказаться обоснованным… Начну с того, что вчера вечером Джером в этой квартире был.

— Откуда вы знаете, мисс Гримо? Вы тут были?

— Нет, не была. Но в половине одиннадцатого я видела свет в этой комнате.

СВЕТ В ОКНЕ

Рempол мог поклясться, что пораженный Бернаби не совсем понял то, что сказала Розетта. Потирая подбородок, он тупо смотрел на нее, будто видел ее впервые.

— Прошу вас, Розетта, — наконец заговорил он тихим, спокойным голосом. — Подумайте! Вы уверены в том, что говорите?

— Да. Совершенно уверена.

— В половине одиннадцатого? — резко спросил Хедли. — Как вы могли видеть тут свет, мисс Гримо, если вы были у себя дома, были с нами?

— Если вы помните, с вами я в то время уже не была. Я тогда была в больнице, возле умирающего отца. А знаете ли вы, что задняя стена больницы выходит на заднюю стену этого дома? Подойдя к окну, я увидела, что в этой комнате светится окно. Думаю, в спальне тоже. Хотя в последнем я не совсем уверена.

— Откуда вы знаете расположение комнат, если не были тут до сих пор? — снова резко спросил Хедли.

— На расположение комнат я обратила внимание уже теперь, когда мы вошли сюда, — усмех-

нулась в ответ Розетта. Ее усмешка почему-то напомнила Ремполу о Миллзе. — До сих пор я видела только окна квартиры. Портьеры были закрыты неплотно, поэтому я заметила свет.

— Одну минутку, мистер… э-э… инспектор, — все еще удивленно всматриваясь в Розетту, вмешался Бернаби. — Розетта, вы уверены, что не перепутали окна?

— Уверена, дорогой мой! Этот дом стоит на левой стороне, на углу узкого переулка, а ваши комнаты размещаются на верхнем этаже.

— И вы утверждаете, что видели меня?

— Нет. Я утверждаю, что видела свет. Но об этой квартире знаем только мы с вами. Вы пригласили меня сюда, сказали, что будете ждать…

— О Боже! — воскликнул Бернаби. — Интересно, как далеко вы зайдете? — Опираясь на палку, он сделал несколько шагов вперед и, не сводя с нее удивленного взгляда, тяжело опустился в кресло. — Пожалуйста, рассказывайте дальше! Это очень интересно. Я хочу знать, насколько у вас хватит нахальства.

— Вы так думаете? — спокойно спросила Розетта, но было заметно, что решительность оставляет ее, и девушка готова расплакаться. — Мне тоже хотелось бы это знать. Мне бы хотелось

понять вас. Если бы я смогла понять, в самом ли деле вы так полны сочувствия, хороший, давний… давний…

— Только не говорите «друг семьи»! — прервал ее Бернаби. — Бога ради, не говорите «друг семьи»! Я тоже хотел бы понять, кто вы. Я тоже хотел бы понять, в самом ли деле вы уверены, что говорите правду, или — я забуду на мгновение свое рыцарство — вы просто сварливая мегера!

— …или давний вежливый шантажист, — спокойно закончила Розетта свою мысль. — О, нет! Деньги тут ни при чем! — вспыхнула она. — Сварливая мегера? Да. Если хотите, ведьма. Я согласна. Я была той и той. Но почему? Потому что вы отравили все своими намеками. Если бы я знала, что это — намеки, а не моя фантазия, или хотя бы то, что вы откровенный шантажист!..

— Намеки на что? — вмешался Хедли.

— На прошлое моего отца, если хотите знать. — Девушка сцепила руки. — Прежде всего на мое происхождение. Можно было бы к «ведьме» добавить еще одно похожее словечко. Это не имеет значения и совершенно меня не волнует. Были намеки на ужасные вещи, касающиеся моего отца… Может, даже не намеки, но в моей голове как-то отложилось, что Дреймен—шантажист.

А вчера вечером Джером пригласил меня сюда. Почему? Я подумала: зная, что субботние вечера я всегда провожу с Бойдом, Джером выбрал именно такой вечер — чтобы потешить свое самолюбие. Но — поймите меня, пожалуйста, правильно — ни теперь, ни до сих пор мне не хотелось думать, что Джером пытается шантажировать. Он нравится мне, я ничего не могу с собой поделать, поэтому все это так ужасно…

— Тогда бы я мог спросить, — вмешался Хедли. — Мистер Бернаби, с вашей стороны были «намеки»?

Бернаби долго изучал свои руки. Он сидел, наклонив голову и тяжело дышал, так, будто делал усилия, чтобы взвесить что-то перед принятием решения. Его поза удержала Хедли от дальнейших вопросов, и он молча ждал.

— Я никогда над этим не задумывался, — поднял голову Бернаби. — Намекал ли я? Да. В определенном смысле, да. Но я никогда не делал этого умышленно. Клянусь, я никогда не думал… — Он пристально посмотрел на Розетту. — Не знаю. Может, вы имеете в виду то, что, на наш взгляд, такое запутанное… — Он вздохнул и пожал плечами. — Для меня это была интересная игра, не больше. Я не придавал ей особого значения.

Честное слово, я никогда не думал, что кто-то может это принять близко к сердцу. Розетта, если единственная причина вашей привязанности ко мне — страх, если вы боитесь меня, считая шантажистом, то извините меня. Я об этом не подозревал. Кто я? — Он снова посмотрел на свои руки и оглянулся вокруг. — Осмотрите, джентльмены, эти комнаты, особенно переднюю, и вы все поймете. Великий детектив! Осел с покалеченной ногой! Мечтатель!

— И этот великий детектив узнал о прошлом доктора Гримо? — мгновение поколебавшись, спросил Хедли.

— Нет… Но разве я похож на того, кто признался бы вам, если бы о чем-нибудь и узнал?

— Попробуем вас убедить. Вы знаете, что Пьер Флей убит перед дверью этого дома незадолго до половины одиннадцатого?

Розетта Гримо вскрикнула, Бернаби тряхнул головой. — Флея уби… Пятна крови! Нет! Где? Что вы хотите сказать?

— У Флея на этой улице была комната. Мы считаем, что его убили, когда он шел сюда. В любом случае его убил тот, кто убил и Гримо. Вы можете доказать, мистер Бернаби, кто вы в действительности? Вы можете доказать, например, что вы

— не брат Гримо? Не брат Флея?

— Господи! Инспектор, вы что — сумасшедший? — спросил Бернаби дрожащим голосом и поднялся с кресла. — Брат?! Теперь я понимаю… Нет, я ему не брат. Думаете, будучи его братом, я был заинтересован… — Он замолчал и растерянно посмотрел на Розетту. — У меня, конечно, где-то есть свидетельство о рождении. Я… я могу назвать людей, которые знают меня с малолетства. Брат!..

— А это тоже принадлежит к атрибутам великого детектива? — спросил Хедли, взяв с дивана свернутую кольцом веревку.

— Это? Нет. А что это? Я никогда не видел этой веревки. Брат!

Ремпол взглянул на Розетту Гримо и увидел, что она плачет. Девушка стояла неподвижно, опустив руки, по ее лицу текли слезы.

— А можете вы доказать, что вчера вечером не были в этой квартире? — продолжал Хедли.

— Да, — с облегчением вздохнул Бернаби. — Могу. Вчера вечером я был в своем клубе — с восьми или немного раньше и до половины двенадцатого. Вам об этом скажут десятки свидетелей. Если желаете проверить, спросите у тех троих, с кем я весь вечер играл в покер. Вам необходимо алиби?

Хорошо. У меня оно есть. Самое надежное из всех возможных. Тут я не был. Я нигде не оставлял пятен крови, где бы вы их ни обнаружили. Я не убивал ни Флея, ни Гримо, ни кого бы то ни было другого. — Его тяжелая челюсть снова выдвинулась вперед. — Что вы скажете еще?

— Вы настаиваете на том, что видели свет в окне в половине одиннадцатого? — едва дослушав Бернаби, спросил Хедли Розетту.

— Да. Но, Джером, я совсем не имела в виду…

— Пусть даже так, но когда сегодня утром сюда пришел посланный мною человек, электросчетчик был выключен и в квартире свет не горел.

— Я… Да… И все же это правда. Но что я хочу сказать…

— Допустим, что мистер Бернаби говорит правду. Он говорит, что пригласил вас сюда. Могло ли быть так, чтобы он, пригласив вас сюда, сам имел намерение остаться в клубе?

— Подождите! — Бернаби наклонился вперед и положил свою руку на руку инспектора. — Давайте расставим все точки над «i». Именно так я и сделал. Я поступил по-свински, но это правда. Надо ли объяснять дальше?

— Ну и ну! — буркнул доктор Фелл. Достав цветной носовой платок, он, привлекая всеобщее

внимание, громко высморкался и повернулся к Хедли. — Позвольте вас успокоить. Мистер Бернаби, по его собственному выражению, заставил девушку прыгнуть через кольцо. Гм… Извините мою тупость, дорогая мисс, но с этим все хорошо. Разве настоящий леопард не прыгнул бы? А что касается света, То тут тоже не так страшно, как кажется. В квартире стоит шиллинговый счетчик. Тут кто-то был. Он не выключил Свет, и он, наверное, горел всю ночь, а когда нагорело на шиллинг, счетчик отключился и свет погас. Мы не знаем, в каком положении были выключатели, потому что первым сюда прибыл Соммерс. Черт побери, Хедли, у нас есть достаточно доказательств, что вчера вечером здесь кто-то был. Но кто? — Он перевел взгляд на Бернаби и Розетту. — Гм… Так вы говорите, что, кроме вас двоих, об этом месте никто не знает? Допустим, что ваши объяснения правдивы, мистер Бернаби. С вашей стороны было бы глупо говорить неправду о том, что можно легко проверить. Получается, что о вашей квартире знал кто-то еще.

— Я могу только заверить, что никому о ней не говорил, — сказал Бернаби, потирая подбородок. — Если только кто-то не видел, как я сюда заходил… Если только…

— Другими словами, если только кому-нибудь не сказала я? — вспыхнула Розетта. — Но я не говорила никому. Я… Я не знаю, почему, но никогда никому об этой квартире не упоминала.

— У вас есть ключ? — спросил доктор Фелл.

— У меня он был, но я его где-то потеряла.

— Когда?

— О, откуда я знаю? Я не заметила. — Сложив на груди руки, Розетта взволнованно ходила по комнате. — Ключ был у меня в сумочке. Только сегодня утром, когда мы сюда шли, я обратила внимание, что его нет. Но мне хотелось бы знать… — Девушка остановилась и посмотрела на Бернаби. — Я… я не знаю, люблю вас или ненавижу… Если вы с вашим увлечением криминалистикой… вы не имели в виду ничего конкретного, а говорили только… Что вам известно о моем отце? Скажите мне. Я ничего не имею против. Эти люди из полиции рано или поздно обо всем узнают. Только не становитесь в позу! Мне не нравится, когда вы это делаете. Что это за братья?

— Вам дают хороший совет, мистер Бернаби, — проговорил Хедли. — Потом у меня еще есть намерение спросить вас о вашей картине. Итак, что вам известно о докторе Гримо?

Бернаби оперся на подоконник, пожал плечами и насмешливо осмотрел всех ярко-синими глазами.

— Розетта, если бы я знал, — наконец проговорил он. — Если бы я мог подумать, что мои детективные опыты люди будут воспринимать именно так… Хорошо! Я повторю коротко то, о чем рассказывал вам уже давно. Если бы я знал, что это вообще вас так взволнует… Когда-то ваш отец сидел в тюрьме, это было в Венгрии. Он работал на соляных копях и сбежал. Не очень ужасно, правда?

— В тюрьме? За что?

— Мне сказали, что за попытку осуществить переворот. Моя собственная мысль — за кражу. Видите, я совершенно откровенен.

— Кто вам это сказал? — быстро спросил Хедли. — Дреймен?

— Значит, Дреймен об этом знает? — Бернаби прищурил глаза. — Разве не так? И я был уверен, что он знает. Но я хотел разузнать о чем-то другом… Кстати, а что известно вам? — внезапно рассердившись, спросил он. — Видите, я не из тех, кто любит вмешиваться в чужие дела.

Скажу только одно: если бы я копался в этом деле, Гримо меня так просто не оставил бы. Вы

спросили о картине. Картина была скорее причиной, чем следствием. Случайность. Хотя мне и было очень трудно убедить Гримо, что это так. Во всем виновата эта проклятая лекция с проекционным фонарем.

— Что?

— Лекция с проекционным фонарем. Я попал на нее случайно, спасаясь от дождя. Это было где-то в северной части Лондона, года полтора назад. — Бернаби сцепил пальцы и пошевелил большими. Впервые его лицо стало спокойным и каким-то домашним. — Я охотно бы сделал из этого романтическую историю, но вам нужна правда. Лекцию читали на венгерском языке. Стремясь заинтересовать слушателей, лектор показывал диапозитивы. Особенно привлек мое внимание один из диапозитивов. На нем было изображено приблизительно то, что я нарисовал. Ничего особенного. Но рассказ лектора о трех одиноких могилах на неосвященном месте был ужасен. Знаете, лектор уверял, что это — могилы вампиров. Я всем объяснял, что изображенное на картине — плод моего воображения, что я ничего подобного никогда не видел, но мне никто не верил. Гримо увидел ее и…

— Мистер Петтис говорил нам, что доктора

Гримо картина очень взволновала, — сухо заметил Хедли.

— Взволновала? Он втянул голову в плечи и стоял перед нею, не шевелясь, как мумия. Я воспринял это как похвалу и наивно начал давать объяснения. — Бернаби хитро взглянул на них. — Я сказал: «Вы заметили, что на одной могиле потрескалась земля? Это он как раз выходит из нее». Я, конечно, имел в виду вампира, но Гримо об этом не знал, и какое-то мгновение я думал, что он бросится на меня с ножом.

Бернаби продолжил рассказ. Он сказал, что Гримо расспрашивал его о картине, смотрел на нее, снова расспрашивал, и это могло вызвать подозрение даже у менее наблюдательного человека.

Неприятное чувство, вызываемое постоянным надзором, заставило Бернаби взяться разгадывать эту загадку — просто с целью самозащиты. Несколько клочков бумаги, исписанных в библиотеке Гримо, щит с гербом над камином, случайно брошенное слово… Бернаби с усмешкой посмотрел на Розетту… За три месяца до убийства Гримо взял с художника клятву молчать и рассказал ему правду. Это было то, что Дреймен рассказал Хедли и доктору Феллу накануне вечером: чума, два мертвых брата, бегство. У Розетты,

которая слушала Бернаби с недоверием, все время глядя в окно, в конце его рассказа на глазах появились слезы облегчения.

— Это все? — спросила она, тяжело дыша. — Это все? Это то, что не давало мне спать?

— Все, моя дорогая, — ответил Бернаби, скрестив руки на груди. — Я же сказал вам — ничего страшного. Я не собирался рассказывать это полицейским. Но вы настаивали.

— Будьте внимательны, Хедли, — тихо сказал доктор Фелл и, потрепав старшего инспектора по руке, прокашлялся. — Гм… Так… У нас тоже есть причины верить этому, мисс Гримо.

— Допустим, все это правда, мистер Бернаби, — зашел Хедли с другой стороны. — Вы были в ресторане «Уорвик», в тот вечер, когда туда пришел Флей?

— Был.

— Вы не связали его приход с прошлым доктора Гримо, особенно после того, как он вспомнил о трех могилах?

— Откровенно говоря, связал, — немного поколебавшись, ответил Бернаби и махнул рукой. — Мы с Гримо возвращались из ресторана вместе. Я молчал, но мне казалось, что он сам хочет мне что-то сказать. Потом мы сидели у ка-

мина в его кабинете, и он пил много виски, хотя вообще делал это редко. Я обратил внимание на то, что он все время смотрит в огонь, будто на душе у него большая тяжесть.

— Кстати, вы знаете, где он держал свои личные документы? — неожиданно вмешался доктор Фелл.

— Об этом лучше сказал бы Миллз, — ответил Бернаби, бросив на Фелла быстрый взгляд. — Тут много непонятного. Гримо мог бы иметь сейф, но, как мне известно, бумаги он держал в боковом ящике большого письменного стола.

— Что было дальше?

— Мы долго молчали. Была та неуютная атмосфера, когда каждый хочет о чем-то заговорить, но не знает, не думает ли об этом же другой. Я спросил: «Кто это был?» Гримо повернулся в кресле, зарычал, будто собака перед тем, как залаять, и ответил: «Не знаю. Прошло много времени. Возможно, врач. Он похож на врача».

— Врач? Тот, который выдал его в тюрьме за умершего от чумы? — переспросил Хедли.

Розетта Гримо задрожала и закрыла лицо руками. Бернаби почувствовал себя неловко.

— Да… Рассказывать дальше? Потом он проговорил:

«Снова небольшой шантаж!» Вы представляете певца, который исполняет партию Мефистофеля в опере «Фауст»? Когда Гримо оперся согнутыми руками на подлокотники кресла, будто собираясь подняться, и обернулся ко мне, он был похож на такого певца почти всем — подстриженной бородой, красным от пламени в камине лицом, сведенными вместе бровями… Всем. Я сказал ему: «Ну, и что он может сделать?» Я хотел успокоить Гримо, а сам подумал, что в свое время обвинение было, наверное, значительно серьезнее, чем политическое. Гримо ответил: «Ничего он не сделает. У него никогда не выдерживали нервы. Он ничего не сделает».

— Вы хотели знать все? — оглянулся вокруг Бернаби. — Я не возражаю. Об этом известно всем. Гримо тогда спросил: «Вы мечтаете жениться на Розетте, разве не так?» А когда я подтвердил это, он добавил: «Очень хорошо, женитесь». — И начал барабанить пальцами по подлокотнику кресла. Я засмеялся и сказал что-то о том, что Розетта отдает преимущество другому. Он уверил: «Я все устрою, дружок».

— Значит, вы обо всем договорились? — глядя на него, строго спросила Розетта.

— О, Боже! Вы можете подождать хоть мину-

ту? Вы же знаете, как я к вам отношусь. Меня спросили, я ответил. В конце разговора он попросил меня держать язык за зубами, чтобы ни случилось…

— Чего вы не сделали…

— Получается, не сделал! — Бернаби повернулся к ним. — Я рассказал все, что мог, джентльмены. В пятницу, он, забирая картину, очень торопился, и это меня удивило. Но мне было приказано держаться от всего этого как можно дальше, так я и поступил.

Хедли молча дописал страничку в своей записной книжке и посмотрел на Розетту. Девушка сидела на диване, подложив под локоть подушку. Под кожаным пальто на ней было темное платье, но шляпки у нее не было, и длинные светлые волосы и широкое лицо хорошо соответствовали прекрасному красно-желтому дивану.

— Я знаю, вы собираетесь спросить меня, что я об этом думаю — об отце и вообще обо всем… Это снимает с меня большую тяжесть. Все слишком хорошо, чтобы быть правдой. Боюсь, кто-то всей правды не говорит. Мне надлежит уважать своего отца за то, что он не прибегал к этому. И я рада, что в нем сидел дьявол. Конечно, если он был вором, — она усмехнулась, — то вы не станете

обвинять его за то, что он молчал. Разве не так?

— Я хочу спросить вас кое о чем другом, — начал Хедли, казалось, ошеломленный такой ее откровенностью. — Мне хотелось бы знать, почему вы всегда отказывались прийти сюда с мистером Бернаби, а сегодня вдруг согласились?

— Надо было посоветоваться с ним, конечно. И мне хотелось что-нибудь выпить… Знаете, когда мы увидели то пальто с пятнами крови… — Заметив, как у всех изменились лица, девушка замолчала.

— Что вы увидели? — переспросил Хедли после длительной паузы. — И когда?..

— Пальто с пятнами крови на подкладке спереди, — ответила она. — Я… э-э… я об этом не вспоминала? Ну, вы сбили меня с толку. Не успели мы зайти сюда, как вы набросились на нас, будто… будто… Так вот, Джером увидел это пальто, когда вешал свое.

— Чье это пальто?

— Неизвестно. И это очень важно. До сих пор я его никогда не видела. Да оно и не подошло бы никому в нашем доме. Для отца оно было слишком велико, кроме того, оно из твида, а он содрогался от одного вида твидового пальто. Стюарт Миллз в нем утонул бы. Для старого Дреймена оно, может,

и не слишком велико. Пальто совсем новое, будто его никто и не надевал.

— Понимаю, — сказал доктор Фелл, надув щеки.

— Что вы понимаете? — спросил Хедли. — Ничего себе история! Вы говорили Петтису, что желаете крови. Вот вам и кровь. До черта много крови. И вся в странных местах. Что вы на это скажете?

— Понимаю, — повторил доктор Фелл, — откуда была кровь на пиджаке Дреймена вчера вечером. — Думаете, он надевал то пальто?

— Нет, нет! Помните, что вам сказал сержант? Он сказал, что полуслепой Дреймен бросился, спотыкаясь, вниз и долго искал свое пальто и шляпу. Дреймен прижался к тому пальто, когда кровь была еще свежей. И нет ничего удивительного, что он не мог понять, откуда у него на пиджаке пятна крови. Разве это не ответ на вопрос?

— Будь я проклят — нет! — возразил Хедли. — Ведь мы получаем ответ на один вопрос, а сразу возникают два других. Еще одно пальто! Пойдем! Немедленно идем туда! Если вы не пойдете с нами, мисс Гримо, и вы, мистер…

— Вы идите, Хедли, — покачал головой доктор Фелл, — надо осмотреть то, что меняет все дело,

что стало в нем самым важным.

— Что именно?

— Жилище Пьера Флея, — ответил доктор Фелл и быстро вышел из комнаты.

Третий гроб
ЗАГАДКА СЕМИ БАШЕН

ПАЛЬТО-ХАМЕЛЕОН

К тому времени, когда они должны были обедать с Петтисом, настроение у доктора Фелла так упало, что Рempол не мог поверить своим глазам, а тем более понять причину этого. Во-первых, Фелл отказался ехать на Рассел-сквер, хотя и настаивал, чтобы Хедли туда поехал. Он сказал, что ключ к разгадке этого дела должен находиться в комнате Флея, а Рempола он задерживает для «грязной работы», которая требует усилий. Доктор Фелл так истово клял себя, что в конце концов даже Хедли стал его успокаивать.

— Что вы надеетесь найти в комнате Флея? — спросил он. — Соммерс там все осмотрел.

— Ни на что я не надеюсь, — буркнул в ответ Фелл. — У меня только надежда напасть на след брата Анри, черт бы его побрал.

Хедли заметил, что он не понимает, почему доктор Фелл неожиданно так рассердился на неуловимого брата Анри. Кроме того, Фелл немного задержал всех, пока разговаривал с хозяйкой дома мисс Хейк.

Доктор Фелл признал, что разговор с мисс Хейк ничего существенного не прибавил. Мисс Хейк

была положительная незамужняя женщина пожилого возраста, склонная видеть в каждом жильце вора-взломщика или убийцу. Когда ее в конце концов уверили, что Бернаби не вор-взломщик, она все-таки кое-что рассказала. Накануне вечером дома ее не было. С восьми до одиннадцати она находилась в кино, а потом, почти до полуночи, у друзей на Грейс-Инн-роуд. Мисс Хейк не могла сказать, кто был в квартире Бернаби, но об убийстве она узнала лишь утром. Трое остальных ее жильцов — американский студент и его жена с первого этажа и ветеринарный врач со второго — накануне вечером также куда-то ходили.

Соммерс, возвратившись ни с чем с Блумсбери-сквер, остался на месте, Хедли, Розетта и Бернаби поехали в дом Гримо, а доктор Фелл, который так стремился встретиться с говорливой хозяйкой другого дома, нашел там… неразговорчивого хозяина.

Покрашенный в темный цвет дом под номером 2, в котором размещался табачный магазинчик, казался таким ветхим и безрадостным, будто служил декорацией на сцене в постановке музыкальной комедии. На звонок из глубины магазина не спеша вышел хозяин дома, табач-

ного магазинчика и газетного киоска Джеймс Долбермен. Мистер Долбермен был маленьким, молчаливым старым человеком с длинными руками, одетым в засаленный черный миткалевый халат. То, что произошло, заявил он, его не касается. Он неохотно отвечал на вопросы, будто ожидая, что вот-вот кто-то отвлечет внимание, и можно будет вообще не отвечать. Да, у него был жилец, иностранец по фамилии Флей. Он занимал комнату на верхнем этаже. Заплатил за два месяца вперед. Нет, мистер Долбермен о нем ничего не знает и не желает знать. Ему известно только, что с ним не было никаких хлопот. У Флея была привычка разговаривать с самим собой на иностранном языке. Вот и все. Мистер Долбермен не знал о Флее ничего потому, что видел его очень редко. Нет, других жильцов у него нет. Нет, он. Долбермен, никому наверх горячей воды не носил. Почему Флей выбрал верхний этаж? Откуда, он, Долбермен, может знать? Лучше пусть они спросят у самого Флея.

Известно ли ему, что Флей убит? Да, известно. Уже был полицейский, задавал глупые вопросы и возил его опознавать тело. Но это, его, Долбермена, не касается. На вопрос о выстреле в десять двадцать пять накануне вечером хозяин, каза-

лось, мог что-то сказать, но он только еще крепче сжал губы и стал еще пристальнее смотреть в окно. В то время он, мол, находился под лестницей в кухне. Работало радио, и он ничего не слышал, а если бы и услышал, то все равно бы не вышел. Приходил ли кто-нибудь в гости к Флею? Нет. А не общался ли Флей с какими-нибудь подозрительными иностранцами?..

Этот вопрос имел неожиданное последствие. Мистер Долбермен, хотя и в дальнейшем говорил медленно, неожиданно стал достаточно многословным. Да, кое-что было, и полиция должна была бы об этом побеспокоиться, вместо того, чтобы зря растрачивать деньги налогоплательщиков. Околачивался тут один, все рассматривал, а однажды даже разговаривал с ©леем. Отвратительный тип. Наверно, преступник. Мистеру Долбермену не нравятся такие, которые крутятся рядом и все вынюхивают. Нет, описать этого типа он не может, это дело полиции. А кроме того, тогда была ночь.

— И все-таки хоть что-нибудь вам бросилось в глаза? — чрезвычайно вежливо спросил доктор Фелл, вытирая платком лицо. — Может, что-нибудь из одежды?

— Кажется, на нем было модное пальто, — пере-

боров себя, отвел взгляд от окна Долбермен. — Из желтого твида в красную крапинку. Но это ваше дело. Хотите пойти наверх? Вот ключ. Вход с улицы.

Когда они поднимались по темной узкой лестнице этого крепкого, несмотря на его внешний вид, дома, Ремпола охватило волнение.

— Вы правы, сэр, когда говорите, что все дело поставлено с ног на голову, — обернулся он к доктору Феллу. — Мы искали зловещую фигуру в длинном черном пальто, а теперь появляется другая, в окровавленном твидовом пальто цвета, который можно назвать светлым. Что это? Уж не поворачивается ли дело из-за этого пальто в другую сторону?

— Нет, я, говоря, что все становится с ног на голову и что мы, возможно, ошиблись, об этом не думал, — с некоторым колебанием ответил доктор Фелл, попыхивая трубкой. — Но в какой-то степени все зависит от пальто. Мужчина и два пальто. Да, я считаю, он и является убийцей.

— Вы сказали, что у вас есть собственная мысль о том, кто убийца.

— Я знаю, кто убийца. — Решительно заявил доктор Фелл. — Понимаете, что заставляет меня спорить с самим собой… Не только то, что он все

время торчал у меня перед носом. Дело в том, что он все время говорил правду, а у меня не хватило здравого смысла это понять. Он был очень откровенен, и мне даже больно вспоминать, что я ему не поверил и считал его невиновным.

— А как он исчез?

— Этого я не знаю. Ну, вот мы и пришли. На верхнем этаже была только одна комната. Лестницу освещал бледный свет, который проникал сквозь застекленную крышу. Дверь комнаты, сделанная из грубых досок и покрашенная в зеленый цвет, была открытой, окна, очевидно, давно не открывались. Доктор Фелл нащупал в темноте газовый светильник, на котором едва держался абажур. В неровном свете перед их глазами предстала уютная, но запущенная комната, оклеенная дешевыми голубыми обоями, белая железная кровать, письменный стол, на котором лежал, прижатый чернильницей, сложенный вдвое лист бумаги. Все тут напоминало о Пьере Флее. Казалось, они увидели его в порыжевшем вечернем костюме и цилиндре, готовым к выходу на сцену. Над зеркалом висело написанное витиеватым почерком и вставленное в позолоченную рамку библейское выражение: «Мне отмщенье, и я воздам». Но висело изречение почему-то вверх

ногами.

Дыша с присвистом, доктор Фелл неуклюже подошел к столу и взял бумагу. Ремпол увидел написанное витиеватым почерком почти официальное заявление.

«Джеймсу Долбермену, эсквайру.

Я не предупредил вас за неделю о том, что освобождаю комнату, поэтому оставляю в качестве платы за нее свои небогатые пожитки. Мне они больше не понадобятся. Я возвращаюсь в свою могилу.

Пьер Флей».

— Почему так решительно: «Я возвращаюсь в свою могилу»? — спросил Ремпол. — Будто это и в самом деле имеет значение, разве что… Думаю, Флей и в самом деле существовал. Именно Флей, а не кто-то другой, кто выдавал себя за него.

Доктор Фелл помолчал. Чем внимательней он приглядывался к ковру на полу, тем становился все более хмурым.

— Ничего, — пробурчал он. — Ни автобусного билета, ничего. Не подметено и никаких следов. Его имущество я не буду осматривать. Его, думаю, осмотрел Соммерс. Идем! Присоединимся к Хедли.

Хмурые, как погода, они направились на Рас-

сел-сквер. Хедли, увидев их в окно, встретил в роскошной прихожей. Маска на щите с коллекцией японского оружия у него за спиной казалась карикатурой на его лицо. Дверь в гостиную была закрыта, за нею слышались тихие, неясные голоса.

— Догадываюсь, у вас снова какие-то неприятности, — достаточно весело сказал доктор Фелл. — К черту неприятности! Мне тоже нечего сказать. Я знал, что меня может постичь неудача, но из-за этого мне не легче. Что нового у вас?

— Это пальто… — возмущенно начал Хедли и кисло усмехнулся. — Если Менген говорит неправду, то я не понимаю, зачем ему это нужно. Но пальто… Совершенно новое! В карманах нет даже обычных потертостей, которые бывают в ношеном пальто. Сначала у нас была загадка с двумя пальто, теперь это можно назвать загадкой пальто хамелеона.

— Что произошло с пальто?

— Оно изменило цвет, — ответил Хедли.

Доктор Фелл, прищурившись, с любопытством смотрел на Старшего инспектора.

— Как бы там ни было, но я не думаю, что это дело совсем помутило ваш разум, — сказал он. — Изменило цвет? Не хотите ли вы сказать, что

теперь оно изумрудно-зеленое?

— Я хочу сказать, что с тех пор оно изменило цвет… Пойдемте!

Они вошли в очень богато обставленную гостиную, выдержанную в старинном стиле. Бронзовые статуи держали подсвечники. Портьеры на позолоченных карнизах из-за чрезмерного количества тюля были похожи на замерзшие водопады. Горели все лампочки. В комнате стояла напряженная тишина. На диване небрежно сидел Бернаби. Розетта мерила пол быстрыми нервными шагами. В углу, около радиоприемника, стояла Эрнестина Дюмон. Закусив верхнюю губу, она смотрела на всех насмешливым взглядом. И, наконец, здесь был Бойд Менген. Он стоял спиной к камину, поворачиваясь к огню то одним, то другим боком, будто его припекало. Но в самом деле его припекало нетерпение или возбуждение.

— Я знаю, это проклятое пальто — как раз на меня, — говорил он сердито. — Пальто мне подходит по размеру, но оно не мое. Во-первых, я всегда ношу плащ. Он и теперь там висит. Во-вторых, такое пальто я не могу позволить себе никоим образом. Оно стоит, наверное, больше двадцати фунтов. В-третьих… — Увидев доктора Фелла и Рempола, Менген замолчал.

— Вы не могли бы повторить то, что сказали? — повернулся к нему Хедли.

Менген закурил сигарету. Пламя спички осветило его немного покрасневшие темные глаза. Он бросил спичку в пепельницу, затянулся и с обреченным видом проговорил:

— Не понимаю, почему все-таки виновным хотят видеть меня! Это может быть чье угодно пальто, хотя я не понимаю и того, почему люди бросают свою одежду, где попало. Тед, я вам все объясню! — Схватив Теда за руку, Менген потянул его к камину, будто хотел предъявить вещественное доказательство. — Когда я пришел сюда вчера вечером, я решил повесить плащ. Вообще я не включаю свет, а нащупываю первый попавшийся свободный крючок и вешаю. Но вчера у меня в руках был сверток с книгами.

Я хотел положить его на полку, поэтому включил свет и сразу же увидел в дальнем углу чужое пальто. Оно было, я бы сказал, такого же размера, как и желтое твидовое, какое на вас, только оно было черного цвета.

— Черного? — переспросил доктор Фелл, Он вытянул шею и с любопытством смотрел на Менгена. — А почему вы говорите «чужое»? Если в чьем-нибудь доме вы видите несколько пальто,

то разве вам приходит в голову мысль о чужом пальто? Ведь вы даже не задумываетесь о том, что одно из пальто на вешалке может быть вашим.

— Я знаю пальто всех, кто живет в этом доме, — ответил Менген. — Я подумал, что это пальто Бернаби.

Бернаби снисходительно смотрел на Менгена. Теперь он был не похож на того человека, который сидел на диване на Калиостро-стрит.

— Менген — человек молодой, но очень наблюдательный, доктор Фелл, — сказал он и сделал театральный жест рукой. — Ха-ха-ха! Особенно когда дело касается меня…

— Я что-нибудь не так сказал? — миролюбиво спросил Менген.

— Пусть лучше он расскажет обо всем сам, — продолжал Бернаби. — Розетта, дорогая, хочешь сигарету? Между прочим, заверяю вас, пальто не мое.

— Так или иначе, я заметил это пальто, — рассердившись без видимой причины, обернулся Менген к доктору Феллу. — А когда сегодня утром Бернаби пришел сюда, он увидел на том месте светлое пальто с пятнами крови. Объяснение тут возможно только одно: было два пальто. Черт побери!.. Но я клянусь, что вчерашнее пальто

никому из жильцов дома не принадлежит. Что же получается: на убийце было одно пальто, или оба, или ни одного? Кроме того, черное пальто имело странный вид…

— Странный вид? — переспросил доктор Фелл так резко, что Менген вздрогнул. — Что вы имеете в виду?

Скрипнув туфлями на низких каблуках, Эрнестина Дюмон отошла от радиоприемника на шаг вперед. В этот день у нее был осунувшийся вид, выступали скулы, заострился кос, а веки были припудрены так сильно, что придавали всему облику загадочное выражение. Взгляд ее блестящих черных глаз был решительным.

— Зачем слушать всякие глупости? — начала она. — Мне об этом известно больше, чем ему. Разве не так? — взглянула мадам Дюмон на Менгена и наморщила лоб. — Нет, нет! Думаю, вы стараетесь рассказать правду, но, по-моему, немного запутались. А все, как говорит доктор Фелл, очень просто. Желтое пальто было там вечером. Оно висело на том месте, где, как вы уверяете, видели черное. Я его тоже видела.

— Но ведь… — попытался возразить Менген.

— Успокойтесь, успокойтесь, — прогудел доктор Фелл. — Попробуем в этом разобраться. Когда

вы видели пальто, мэм, вам не бросилось в глаза, что оно какое-то необычное? Это немного странно. Ведь вы знаете, оно тут никому не принадлежит.

— Ничего странного тут нет, — возразила мадам Дюмон и кивнула в сторону Менгена. — Я не видела, когда он пришел, и подумала, что пальто его.

— Между прочим, кто открывал вам дверь? — равнодушно спросил доктор Фелл.

— Энни. Но плащ я вешал сам. Я клянусь…

— Лучше позовите сюда Энни, если она в доме, — предложил доктор Фелл, обращаясь к Хедли. — Загадка пальто-хамелеона меня заинтриговала. Гм… Мадам Дюмон, я верю вам не меньше, чем вы — Менгену. Недавно я говорил Теду Ремполу, каким откровенным был один человек. Гм… Между прочим, вы разговаривали с Энни?

— Да, — ответил Хедли. — Вчера вечером ее тут не было, она вернулась только в половине первого. Но о пальто я ее не спрашивал.

— Не понимаю, зачем так суетиться?! — воскликнула Розетта, направляясь к звонку, чтобы вызвать Энни. — Вам больше нечего делать? Какая разница — черное пальто или желтое?

— Большая разница, и вы это знаете, — обернулся к ней Менген. — Я его не видел и не думаю, чтобы видела его Энни. Но ведь кто-то должен сказать правду. И Энни, допускаю, возможно, знает ее. Я же не знаю ничего.

— Совершенно справедливо, — кивнул Бернаби.

— Идите к черту! — выругался Менген.

Хедли встал между ними и стал их успокаивать. Бернаби, побледнев, снова сел на диван. Напряжение достигло кульминации, но когда появилась Энни, все затихли. Энни была спокойной и серьезной длинноносой девушкой. Ей, похоже, приходилось много работать. Ссутулившись у двери, девушка спокойно смотрела карими глазами на Хедли. Чепец, казалось, прирос к ее голове. Вид у нее был немного грустный, но ничуть не взволнованный.

— Я хочу спросить у вас кое-что о вчерашнем вечере, — обратился к ней старший инспектор, — Э-э… Вы открывали дверь мистеру Менгену? Не так ли?

— Да, сэр.

— В котором часу?

— Этого я не могу сказать, сэр, — озадаченно ответила девушка. — Не могу сказать определенно.

— Вы видели, как он вешал свои шляпу и плащ?

— Да, сэр. Он никогда не отдаст их мне… Конечно, я могла бы…

— А вы заглядывали в гардеробную?

— А, понимаю… Да, сэр, заглядывала. Видите, я открыла ему и пошла в столовую, а оттуда мне надо было вниз, на кухню. Проходя по вестибюлю, я обратила внимание, что он не выключил свет. И я выключила сама.

— Теперь будьте особенно внимательны, — наклонился вперед Хедли. — Вы видели светлое твидовое пальто, которое нашли сегодня утром? Видели, не так ли?… Хорошо. Вы помните, на каком крючке оно висело?

— Да, сэр, помню. Сегодня утром, когда мистер Бернаби нашел его, я была в вестибюле. Потом пришли другие. Мистер Миллз сказал, что мы не должны его трогать, так как полиция…

— Правильно. А теперь, Энни, поговорим о цвете этого пальто. Вчера вечером там было светло-коричневое пальто или черное? Вы можете вспомнить?

— Да, сэр, — внимательно глядя на Хедли, сказала Энни. — Я могу припомнить… Светло-коричневое или черное, сэр? Вы это имеет в виду?

Вообще, сэр, если быть точной, то ни то ни другое. Вчера вечером там не висело никакого пальто вообще.

В гостиной поднялся шум. Менген был вне себя от ярости, Розетта почти истерично смеялась, Бернаби весело усмехался. Только Эрнестина Дюмон молчала. Минуту Хедли изучал серьезное лицо Энни. Девушка, стиснув руки, удивленно вытянула шею. Хедли молча подошел к окну.

— Ну, успокойтесь, — ухмыльнулся доктор Фелл. — По крайней мере это не обернется для нас третьим цветом. Уверяю вас, этот факт подает нам большую надежду, хотя я, выражаясь так, и обрекаю себя на опасность получить стулом по голове. Гм… Значит… Пойдемте, Хедли! Время обедать. Обед!

ЛЕКЦИЯ ДОКТОРА ФЕЛЛА

Вино было выпито, сигары выкурены, кофе подан. Хедли, Петтис, Рампол и доктор Фелл сидели у настольной лампы под красным абажуром в ресторане отеля, где жил Петтис. Кроме них, в зале сидело еще несколько посетителей. В этот час зимнего дня, когда за окном падал пушистый снег, самое уютное место было около затопленного камина. В тусклом свете, под потемневшим гербом с каким-то девизом доктор Фелл еще больше напоминал феодального барона. Глядя на кофейные чашки с таким пренебрежением, будто был способен проглотить их, он взмахнул сигарой, прокашлялся и провозгласил:

— Сейчас я прочитаю вам лекцию об общем механизме и развитии ситуации, известной в детективной литературе как «герметически закрытое помещение».

— Может, когда-нибудь в другой раз… — простонал Хедли. — После такого чудесного обеда нам не нужны никакие лекции, особенно когда нас ждет дело. Как я сказал минуту назад, теперь…

— Я прочитаю лекцию, — неумолимо продолжал свое доктор Фелл, — лекцию об общем

механизме и развитии ситуации, известной в детективной литературе как «герметически закрытое помещение». Гм… Кто хочет, тот может этот раздел опустить. Начну, джентльмены, с того, что я, пополняя свои знания знакомством с детективной беллетристикой за последние сорок лет, могу…

— Если вы собираетесь анализировать невозможные ситуации, — перебил его Петтис, — то при чем тут детективная беллетристика?

— А при том, — отозвался доктор Фелл, — что мы с вами имеем дело, откровенно говоря, с детективной историей, и не стоит делать вид, будто это не так. И хватит выдумывать важные причины, чтобы не говорить о детективной истории. Давайте открыто гордиться самым благородным из всех возможных увлечений персонажей детективных произведений.

Итак, пойдем дальше. Я, джентльмены, не собираюсь излагать тут какие-нибудь правила. Я хочу говорить о личных вкусах и симпатиях. Мы можем согласиться с утверждением Редьярда Киплинга с том, что существует 96 способов выдумать запутанный сюжет об убийстве, и каждый из них будет соответствовать действительности. Если бы я заявил, что каждый из них мне

интересен, то, мягко выражаясь, я бы соврал. Но суть в другом. Если я скажу, что рассказ о преступлении в закрытой комнате в детективной беллетристике интереснее других, то это будет каким-то образом просто предубеждением. Мне нравится, когда убийства происходят часто, когда они кровавы и нелепы. Мне по вкусу яркие цвета и фантазия, потому что, разве может быть интересным что-нибудь лишь потому, что оно подано так, будто произошло на самом деле? Меня не интересуют примеры повседневной жизни, я предпочитаю слушать смех великого Ано[15] или монотонный звон колоколов собора святого Петра. Я допускаю, что все эти вещи — веселые, умные, рассудительные и не требуют более или менее талантливого критического рассмотрения. Но это необходимо делать, так как те, кому не нравится трагичное, требуют, чтобы их суеверия были признаны принципами. В качестве клейма для осуждения они используют слово «неправдоподобно» и начинают сами верить, что «неправдоподобное» — плохо. Если А убит, а на Б и В падает большое подозрение, то неправдоподобно, чтобы преступником мог

[15] Примечания: 15
Персонаж детективного произведения А. Э. Мейсона (1865–1948).

быть совершенно невинный на первый взгляд Г, хотя преступником является именно он. Если у Д имеется безукоризненное алиби, и он клянется каждой последующей буквой алфавита, что он невиновен, то неправдоподобно, что Д совершил преступление, но он его все-таки совершил. Когда детектив собирает на берегу моря угольную пыль, то неправдоподобно, что такая незначительная вещь может иметь какое-нибудь значение, однако она его имеет. Следовательно, мы приходим к выводу, что слово «неправдоподобно» становится нелепым, превращается в этакую насмешку. Правдоподобие, случается, не вырисовывается до самого конца расследования, и тогда убийство, если хотите, можно приписать кому-нибудь, кто вам несимпатичен, как это делают некоторые старые чудаки, при этом они не жалуются на то, что это менее вероятно и бесспорно, чем то, что преступление совершил человек, на которого подозрение падало с самого начала.

Когда появляется лозунг «Этого не может быть!», когда вам не нравятся убийцы-маньяки или те, кто оставляет визитные карточки, вы просто заявляете: «Такие рассказы мне не нравятся». Это вполне понятно. Когда не нравятся, говорить об этом можно с полным правом. Но

когда мысль о вероятности или даже качестве рассказа зависит от вкуса, то говорят: «Этого не может быть, потому что это мне не нравится».

В чем же истина? Это можно выяснить, взяв в качестве примера герметично закрытую комнату, ведь такие ситуации люди критикуют чаще, чем какие-нибудь другие, по той причине, что считают их неубедительными.

Я рад отметить, что большинству читателей ситуации в герметично закрытой комнате нравятся. Но — и в этом вся суть — даже эти читатели часто колеблются. Сказать по правде, я тоже. Почему люди так подозрительно относятся к разговорам о закрытой комнате? Не последней причиной является недоверие, но до определенной степени — и разочарование. Поэтому, и это вполне естественно, легко сделать ошибочный шаг и назвать все дело неправдоподобным, пли невозможным, или нелепым.

— Одним словом, — продолжал доктор Фелл, размахивая сигарой, — это то, о чем нам сегодня рассказывал О'Рурк, — обман чувств в повседневной жизни. Господи! Джентльмены, что уж говорить о рассказе, когда насмехаются даже над действительностью! Когда такое случается в детективном романе, заявляют, что это неправ-

доподобно, а когда в повседневной жизни и не поверить нельзя, то обычное объяснение разочаровывает людей. Дело в том, что они и в том и другом случае ожидают чего-то большего.

Видите, если возникает впечатление какой-то магии, люди считают, что причина также должна быть магической. А когда оказывается, что это не колдовство, говорят: «Глупости». Вряд ли это справедливо. И уже в последнюю очередь можно критиковать поведение убийцы. Вся суть вот в чем: может ли такое быть? Если да, вопрос, было ли это, не возникает. Преступник исчезает из закрытой комнаты. Поскольку преступник, к нашему удовольствию, нарушает закон природы, то он, видит Бог, имеет право нарушить закон возможного. Если у кого-то возникает намерение встать на голову, то вряд ли целесообразно требовать, чтобы он стоял на ногах, раз он и так на них стоит. Примите это во внимание, джентльмены. Если хотите, назовите такой вывод неинтересным или как-нибудь иначе — это дело вкуса, — но не спешите делать нелепое заявление, будто такое невозможно или заходит слишком далеко.

— Хороню, хорошо! — отозвался Хедли, заерзав на стуле. — Я в этом не очень разбираюсь, но если вы так настаиваете на этой лекции, она, наверно,

имеет какое-то отношение к нашему делу?

— Да.

— Тогда при чем тут герметично закрытая комната? Вы сами сказали, что убийца Гримо — это самая сложная наша проблема. Главная загадка — убийство посреди улицы…

— Эх… — Доктор Фелл так пренебрежительно махнул рукой, что Хедли удивленно поднял на него глаза. — Вы имеете в виду эту сторону дела? Я понял все, как только услышал звон церковных колоколов. Я говорю это совершенно серьезно. Меня волнует это исчезновение из комнаты. И я, чтобы выяснить, может ли быть у нас какая-нибудь ниточка, собираюсь дать в общих чертах классификацию некоторых способов убийства в запертой комнате. Несмотря на их отличия, у некоторых из них есть нечто общее.

Гм… Так вот, мы имеем комнату с одной дверью, с одним окном и крепкими стенами. Говоря о способах исчезновения, когда дверь заперта, и окно герметично закрыто, я не буду брать очень распространенные в наши дни вульгарные случаи, когда запертая комната имеет тайный выход. Автор, который себя уважает, вряд ли вспомнит о том, что такое возможно. Нет необходимости оговаривать и второразрядные разновидности

грубого нарушения этого закона, скажем, занавеска, открыв которую, можно просунуть руку, или отверстие в потолке, через которое опускают нож, а крышку ставят на место, и пол на верхнем этаже покрыт пылью, так, будто там никто не ходил. Это та же самая непорядочность, только в миниатюре. В принципе не имеет значения, какого размера будет отверстие: маленькое, как наперсток, или такое большое, как дверь в кладовой. Что касается классификации, то некоторые положения, мистер Петтис, можете записать…

— Хорошо, — улыбнулся Петтис. — Рассказывайте дальше.

— Во-первых, если преступление совершено в комнате, которая герметично закрыта, то убийца из нее не исчезал, потому что на самом деле никакого убийцы в ней и не было. Объясняю.

Первое. Перед нами не убийство, а стечение обстоятельств, которое привело к несчастному случаю, хотя все напоминает убийство. Поскольку комната была закрыта, и все свидетельствует о том, что произошло нападение, ограбление, ранение, повреждение мебели, то появляется мысль о драке и убийстве. Жертва убита или оглушена позже, но люди думают, что все произошло в закрытой комнате. В таком случае причиной

смерти всегда считают удар по голове, вероятней всего палкой. Но на самом деле смерть наступила от удара об угол стола или острый край стула, а чаще всего — о железную решетку камина. Кстати, каминная решетка была причиной смерти, которая выглядела убийством в деле Шерлока Холмса «Горбун». А наиболее тщательно подготовлено такое преступление в романе Гастона Леру «Тайна желтой комнаты», самом лучшем детективном произведении вообще.

Второе. Убийство. Но жертва, не желая того, убивает сама себя или умирает вследствие несчастного случая. Это намек на то, что в комнате появились привидения. На самом же деле туда пускают газ, и жертва, приходя в неистовство, разбивает в комнате все в щепки, будто там происходила драка, и умирает от нанесенной себе ножевой раны. Другие варианты: пробивает себе голову острым канделябром, вешается на проводе или даже душит себя собственными руками.

Третье. Убийство механическим устройством, спрятанным в каком-нибудь невинном на вид предмете мебели. Возможно, это западня, поставленная кем-нибудь давно умершим. Она срабатывает или автоматически, или этому способствует новый, теперешний убийца. Это может

быть и произведением современной науки. Существует, например, спрятанный в телефонной трубке механизм, который стреляет пулей в голову жертве, когда та берет трубку. Существует пистолет, к спусковому крючку которого прикрепляют струну, эта струна натягивается, если замерзает и расширяется вода. Существуют часы, которые стреляют пулей, когда их заводят. Есть будильник с неприятным звонком, и когда его накрывают рукой, чтобы остановить, Выскакивает лезвие, которое распарывает жертве живот. Бывает, жертве раскалывает череп гиря, падающая с высокой спинки стула или с потолка. Есть постель, которая выпускает отравленный газ, когда ее согревает человеческое тело, отравленная иголка, которая не оставляет следа…

— Видите, — делая выпады сигарой во все стороны, продолжал доктор Фелл, — рассматривая способы использования всех этих механических устройств, мы имеем дело скорее с невозможными ситуациями, чем с ситуацией запертой комнаты. Можно говорить об убийстве электрическим током, когда его подключают к шнуру перед выставленными картинами, к шахматной доске или даже перчаткам. Смерть может таиться даже в чайнике. Но в наше время эти примеры,

как мне кажется, не используют, а поэтому отправимся дальше.

Четвертое. Самоубийство с намерением выдать его за убийство. Жертва закалывает себя ледяной сосулькой, сосулька тает, никакого оружия в замкнутой комнате не находят и считают, что это убийство. Или жертва стреляет в себя из пистолета, прикрепленного к резиновой ленте. После выстрела пистолет исчезает в дымовой трубе. Или — правда, здесь уже речь идет не о замкнутой комнате — пистолет прикрепляют к грузу пружиной, и после выстрела он падает через перила моста в воду. Или вылетает через окно запертой комнаты и падает в снег.

Пятое. Такое убийство, когда считают, что жертва жива, а на самом деле она уже лежит мертвой в комнате, с двери которой не спускают глаз. Убийца, или одетый, как его жертва, или похожий на нее, входит в комнату, избавляется от маскировки и так быстро выходит из комнаты, что со стороны кажется, будто он разминулся в дверях с тем, кто туда входил, то есть с самим собой. В любом случае у него есть алиби, и потом делается вывод, что убийство произошло после того, как «жертва» вошла в комнату.

Шестое. Убийство произведено за пределами

комнаты, но создается впечатление, что его кто-то совершил в комнате. Я отношу такое убийство к тем, которые называют «дистанционными» или «ледяными». Говоря о ледяной сосульке, я имею в виду, что дверь комнаты закрыта, окно слишком маленькое, есть жертва и нет оружия. Ледяная пуля делает свое дело и тает, не оставляя следа. Мы уже говорили о тайных газах. В детективной беллетристике этот способ впервые описала Энн Кэтрин Грин в рассказе «Одни инициалы». Между прочим, эта американская писательница стала зачинательницей ряда традиций. В ее первом детективном романе, созданном свыше пятидесяти лет назад, кровожадный секретарь убивает своего работодателя, и статистика, думаю, доказала бы, что сегодня секретарь — самый банальный убийца в литературе. Дворецкие давно вышли из моды, инвалид в кресле на колесах не вызывает доверия. Давно отказались и от мании убийства, якобы присущей незамужним женщинам среднего возраста. Врачи ведут себя теперь лучше, если, конечно, не становятся сумасшедшими учеными. Адвокаты, оставаясь традиционно непорядочными, только иногда становятся в действительности опасными. Но все повторяется. Эдгар Аллан По восемьдесят шесть лет назад назвал своего убий-

цу Гудфеллоу, то есть хороший парень, и самые знаменитые современные авторы детективных романов поступают так же, давая имя Гудмен, то есть хороший человек, заклятым негодяям, а секретари продолжают оставаться наиболее опасными.

Использование ледяной пули было приписано кому-то из рода Медичи. А в одном из восхитительных рассказов Флеминга Стоуна можно прочитать эпиграмму Марциала, из которой видно, что такую пулю использовали в Риме в первом столетии нашей эры. Следовательно, ледяной пулей стреляли, лед бросали или выстреливали из арбалета, как в одном из приключений Гамильтона Клика, персонажа в чудесном произведении Стоуна «Сорок лиц». Разновидности этой же темы — пули из каменной соли и даже из замороженной крови.

По-моему, из сказанного ясно, что я имею в виду, когда преступление совершено в закрытой комнате человеком, которого на самом деле не было. Есть и другие способы. Жертву можно заколоть через окно лезвием шпаги, вставленным в трость, или таким тонким лезвием, что человек еще успеет войти в комнату, прежде чем поймет, что получил смертельную рану. Иногда тому,

кто пытается заглянуть в высокое окно, голову пробивает ледяная сосулька, которая падает сверху, — жертва есть, а оружия нет, оно растаяло.

Под этим самым номером, хоть можно это сделать и под номером три, запишем убийства, созданные с помощью отравленных гадюк и насекомых. Гадюк прячут не только в ящиках шкафов, но и в вазах, книжках, люстре или в палке. Я даже помню веселенькую газетную заметку об янтарном чубуке трубки, причудливо вырезанном в форме скорпиона: когда курильщик поднес трубку ко рту, скорпион оказался живым. Но о самом известном «дистанционном убийстве» я советую вам почитать, джентльмены, в «Тайне Думдорфа», одном из ярчайших произведений в истории детективной беллетристики, мастерски написанном Мелвиллом Дэвиссоном Постом. (Оно стоит в одном ряду с рассказом «Руки мистера Оттермола» Томаса Берка, «Человеком в проулке» Честертона и «Камерой номер тринадцать» Джекьюса Футрелла.) Еще одно «дистанционное» убийство — это убийство солнцем. Солнце через бутылку с метиловым спиртом, которая стоит на столе в комнате Думдорфа, будто сквозь увеличительное стекло, зажигает капсуль ружья, которое висит на стене; ружье стреляет и убивает хозяина

в постели. Снова мы…

А впрочем, достаточно. Гм… Пора уже завершать эту классификацию.

Седьмое. Убийство, которое зависит от впечатления, противоположного тому, которое описано под номером пять. Жертву можно считать мертвой задолго до того, как она умрет в самом деле. Отравленный хоть и не смертельно, человек, ложится спать в закрытой комнате. Стук в дверь его не будит. Убийца разыгрывает переполох, взламывает дверь, вбегает в комнату, убивает, стреляя или перерезая горло, и уверяет всех присутствующих, что они видели то, чего на самом деле не было. Честь изобретения этого способа принадлежит Израэлю Цангвиллу, и с тех пор к нему прибегали в разных видах. Такие убийства происходили на пароходах, в разрушенном доме, на чердаке и даже под открытым небом — жертву сперва оглушили и закололи, а уже потом убийца склонился над ней. Итак…

— Подождите минуту, — перебил его Хедли, забарабанив пальцами по столу, чтобы привлечь внимание.

Доктор Фелл, довольно улыбаясь, повернулся к нему. Хедли продолжал:

— Все это очень хорошо. Вы рассказали нам

обо всех ситуациях, которые могут сложиться в закрытой комнате…

— Обо всех? — переспросил доктор Фелл, широко раскрыв глаза. — Нет, далеко не обо всех! Я не рассмотрел детально даже упомянутых ситуаций. Я очертил только приблизительные контуры, но на этом я не остановлюсь. Я собираюсь привести еще одну классификацию: речь идет о случаях, в которых двери и окна закрыты изнутри. Гм…

— Не теперь, — решительно остановил его старший инспектор. — Вы сказали, что мы, опираясь на вашу классификацию, сможем получить какую-нибудь нить для раскрытия того, как способ совершения преступления с исчезновением преступника проявится в нашем конкретном деле. Вы изложили семь пунктов, но для нашего дела ни один из них ничего не дает. Вы говорите: если преступление совершено в герметично закрытой комнате, то никакой убийца из нее не исчезал, потому что на самом деле никакого убийцы там не было. В нашем случае все наоборот. Мы знаем определенно, если верить Миллзу и мадам Дюмон, что убийца был в комнате. Как быть с этим?

Петтис подался вперед. Его лысая голова блестела в свете настольной лампы. Он отвел взгляд от записи, которую делал элегантным золотым

карандашом. Взгляд его выпуклых глаз был очень удивленным.

— Э-э… так вот… — начал он, кашлянув. — Что касается пункта под номером пять. Обман чувств. А что, если Миллз и мадам Дюмон в самом деле не видели, чтобы кто-то входил в ту дверь? Может, их как-то обманули? А может, и все это дело — какое-то колдовство?

— Мне также пришло в голову это же, — сказал Хедли. — Я спрашивал об этом Миллза вчера вечером и разговаривал с ним сегодня утром. Это не была иллюзия. Кем бы ни был убийца, он все-таки вошел в дверь. Это был достаточно солидный человек, от него падала тень, и он хлопнул дверью. Вы с этим согласны, Фелл?

— О, да. Он был достаточно солидным и вошел в комнату, — грустно кивнул головой доктор Фелл и поднес ко рту погасшую сигару.

— И даже если допустить, что все нам известное — неправда, — продолжал Хедли, пока Петтис заказывал официанту еще кофе, — даже если это — колдовство, то Гримо v-било вовсе не колдовство. Был тяжелый револьвер в сильной руке. А что касается других пунктов, то, видит Бог, Гримо убили не механическим устройством. Больше того — он не застрелился, и ему не надо было

бросать оружие в камин, как в вашем примере. Во-первых, нельзя стрелять в себя с расстояния в несколько шагов, а во-вторых, оружие не могло вылететь в дымовую трубу, пролететь над крышами на Калиостро-стрит, выстрелить, убить Флея и, завершив работу, оказаться в снегу. Черт побери, Фелл, моя болтовня уже начинает напоминать вашу! С минуты на минуту я жду звонка из управления и хотел бы вернуться к сути дела. Что с вами?

Доктор Фелл, глядя широко раскрытыми глазами на лампу, медленно опустил на стул сжатую в кулак руку.

— Камин, — сказал он. — Камин! Ха-ха! Любопытно, не так ли… Господи, Хедли, какой же я болван!

— Что камин? — переспросил старший инспектор. — Мы убедились, что через камин убийца уйти не мог.

— Да, конечно, но я говорю не об этом, Я должен еще раз осмотреть камин.

— Мне кажется, — усмехнулся Петтис, постукивая золотым карандашом по своим заметкам, — что вы можете завершить свою дискуссию. Я согласен со старшим инспектором в одном: вам лучше было бы описать способы таинственного

исчезновения через дверь, окна и камин.

— Что касается исчезновения, то каминам преимуществ в детективной литературе не дается, кроме, конечно, тайных входов. Тут камины играют самую важную роль. Пустой камин, за ним потайная комната. Камин поворачивается даже с частью пола под ним. Даже больше, через дымоход можно опускать разные вещи, большей частью отравленные. Но убийца спасается через камин очень редко. Это почти невозможная вещь и, кроме того, по сравнению с дверями и окнами, достаточно грязная. Что касается дверей и окон, Двери намного более популярны. Можно назвать несколько способов сделать так, чтобы двери считались закрытыми изнутри.

Первый. Когда ключ торчит в замке. Этот способ был очень распространен в древности, но в наши дни его разновидности слишком хорошо известны, чтобы к ним прибегать. Копчик ключа можно повернуть плоскогубцами извне, как сделали мы, когда открывали дверь кабинета Гримо. В этом случае используют маленькое устройство, которое состоит из тонкой металлической шпильки длиной около двух дюймов, к которой прикреплен конец крепкой тесемки. Прежде чем оставить комнату, шпильку просовывают в отверстие в

головке ключа так, чтобы она действовала как рычаг. Потом тесемку отпускают и через щель под дверью выводят наружу. Остается только потянуть за тесемку. «Рычаг» поворачивает ключ и падает на пол. Дверь закрыта. А шпильку через щель под дверью вытаскивают наружу. Есть разнообразные способы применения этого способа, но каждый раз используют тесемку.

Второй. Дверь снимают с петель, а замок или засов оставляют нетронутыми. Этот способ хорошо известен мальчикам школьного возраста. Так они крадут вещи из буфетов, сервантов, шкафов. Петли, конечно, должны быть снаружи.

Третий. Если дверь закрыта на засов. Снова используют аналогичный способ. Засов отодвигают шпилькой-рычагом, а тесемку вытягивают через отверстие для ключа. Я снимаю шляпу перед Фило Вэнсом,[16] который весьма убедительно показал применение этого способа. Существуют и более простые, хотя и не такие эффективные, способы применения тесемки и фальшивого узла, который развязывается, когда дергают за конец тесемки резко. На головке засова завязывают узел, а тесемку под дверью выводят наружу.

---

[16] Примечания: 16

Герой произведений американского писателя Вэна Дайна (1888–1939).

Потянув за тесемку, запирают дверь на засов, а затем, резко дернув, освобождают ее и вытягивают наружу. Эллери Куин показал нам еще один способ — когда используют саму жертву. Но описание его, выхваченное из контекста, звучало бы дико и несправедливо по отношению к этому уважаемому джентльмену.

Четвертый. Дверь с крючком. Крючок подпирают чем-нибудь таким, что потом, закрыв дверь, можно вытащить. Можно использовать лед, он тает, и крючок падает, после того, как хлопнули дверью.

Пятый. Простой, но действительный способ. Убийца закрывает дверь снаружи и вынимает ключ. Но люди считают, что ключ в замке изнутри. Убийца первым поднимает шум, разбивает в двери стекло, просовывает руку, незаметно вставляет изнутри ключ в замок и открывает дверь. Описаны также случаи, когда выбивают деревянную филенку.

Существуют комбинированные способы, когда дверь закрывают снаружи, а ключ — снова с помощью тесемки — вставляют в замок изнутри. Вы сами видите, джентльмены, в нашем случае ни одним из этих способов убийца не воспользовался. Дверь была заперта изнутри. Есть много

способов сделать так, но сделано это не было. Миллз все время наблюдал за дверью.

— Черт побери!

— Я не люблю банальностей, — вмешался, наморщив лоб, Петтис. — Но если отбросить невозможное, останется то, что должно быть правдой. Вы отбросили дверь, думаю, отбросите и камин?

— Да, — буркнул доктор Фелл.

— В таком случае остается окно, не так ли? — спросил Хедли. — Мы тут слышали о способах, которые не могли быть использованы, но в этом сенсационном перечислении вы не упомянули ни одного способа, которым мог воспользоваться убийца.

— К тому же окно не было закрыто! — воскликнул доктор Фелл. — Я знаю несколько способов того, как используют закрытое окно. Можно проследить все, начиная от фальшивых головок гвоздей до фокуса с жалюзи. Можно разбить стекло, закрыть окно изнутри на шпингалеты, вставить новое стекло и обмазать его замазкой. Стекла на месте, окно закрыто изнутри. Но в нашем случае окно не было даже закрыто. К нему просто никто не прикасался.

— Я, кажется, читал где-то о людях, которые

летают, — сказал Петтис.

— Не стоит дискутировать о летающих людях. Я мог бы такое допустить, но тогда полет должен был где-то начаться, а где-то кончиться. Но ни на крыше, ни внизу… — Доктор Фелл постучал себя кулаком по голове. — Но два-три примера я вам приведу. — Он замолчал и поднял голову.

В конце тихого, теперь опустевшего зала ресторана, в мерцающем свете пасмурного дня, который проникал через несколько окон, появилась фигура. Поколебавшись, мужчина направился к ним. Это был бледный Менген.

— Что там еще произошло? — сухо спросил Хедли, отодвинув в сторону стул. — Снова пальто меняет цвет? Или…

— Нет, — ответил Менген. Он стоял возле стола, едва переводя дух. — Вам лучше самим туда пойти. Что-то случилось с Дрейменом. Похоже на апоплексический удар. Нет, он жив, но в тяжелом состоянии. Он сказал, что хочет видеть вас. Он уверяет, будто кто-то был в его комнате, все время бормочет о каких-то фейерверках, камине…

КАМИН

И снова в гостиной находилось трое вконец изнервничавшихся напряженным ожиданием людей. Даже Стюарт Миллз, стоя спиной к камину, беспокойно покашливал, чем, казалось, выводил из равновесия Розетту. Эрнестина Дюмон тихо сидела у камина. Когда Менген вошел вместе с доктором Феллом, Хедли, Петтисом и Ремполом, она, глядя на огонь, сказала:

— Вы не можете его видеть, с ним врач. Все произошло так неожиданно… Может, он сошел с ума.

Лампочки были выключены, только хмурый послеполуденный свет проникал в помещение через обшитые кружевами занавески. Бернаби в комнате не было. Розетта, сложив руки на груди, со свойственной ей грациозностью ходила взад-вперед. Она посмотрела на пришедших и неожиданно воскликнула:

— Ох, я больше так не могу! Этому не видно конца, а кроме того… Скажите, что здесь произошло? Вы знаете, как был убит мой отец и кто его убил? Бога ради, говорите, говорите, даже если вы будете обвинять меня!

— Думаю, вы скажете нам, что случилось с мистером Дрейменом и когда? — спокойно спросил Хедли. — Это очень опасно?

— Возможно, — пожала плечами мадам Дюмон. — Его сердце… Я не знаю. Сейчас он лежит без сознания. Будет ли он жить, я тоже не знаю. Мы даже не догадываемся, что с ним.

Миллз снова откашлялся. Гордо держа голову, с неопределенной усмешкой на бледном лице, он сказал:

— Сэр, если у вас возникает мысль о том, что… ну о нечестной игре с нашей стороны… или о подозрении, что его… ну… как-то довели до этого, то отбросьте ее. Мы вам докажем, что это не так, и сделаем это, так сказать, парами. Я имею в виду, что сегодня мы все время находились по двое, теми же самыми парами, как и вчера вечером. Мы с прорицательницей, — он степенно поклонился в сторону Эрнестины Дюмон, — находились наверху в моей рабочей комнате. Как я понимаю, мисс Гримо и наш приятель Менген были тут, внизу.

— Лучше рассказать все сначала, — нетерпеливо перебила его Розетта. — Бойд сообщил вам, что перед этим Дреймен спускался вниз?

— Нет, я ничего им об этом не говорил, — отрезал Менген, повернув к ней взволнованное

лицо. — После случая с пальто я хотел, чтобы меня кто-нибудь поддержал. Это случилось полчаса назад. Мы были тут вдвоем с Розеттой. Я поссорился с Бернаби. Обычное дело. Все только и говорят об этих пальто, и наши взгляды разошлись. Бернаби ушел. Дреймена я не видел. Он все утро находился в своей комнате, а потом пришел сюда и спросил меня, как найти вас.

— Думаете, ему стало что-нибудь известно?

— Или он хотел, чтобы мы так подумали, — пренебрежительно фыркнула Розетта. — Дело очень темное. Он вошел сюда как-то неуверенно и спросил, как найти вас. Бойд поинтересовался, зачем…

— Вам показалось, что он узнал что-то важное?

— Да. Мы оба даже подскочили.

— Почему?

— Вы бы тоже подскочили, если бы были невиновны, — объяснила Розетта и, сложив руки так, будто ей было холодно, пожала плечами. — Мы спросили: «Что же все-таки произошло?» И он дрожащим голосом ответил: «Я обнаружил, что из моей комнаты кое-что пропало, и вспомнил о вчерашнем вечере». Потом он принялся плести всякие небылицы о подсознательной памяти и о том, будто вчера, после того, как он выпил

снотворное и лег спать, в его комнату кто-то заходил.

— До того, как был убит Гримо?

— Да.

— Кто же это мог быть? — Вот-вот! Он или ничего не знает, или ему это приснилось. Ничего другого подумать я не могу, — холодно заметила Розетта. — На наши вопросы он постучал себя по голове и расстроенно сказал: «Я в самом деле не могу сказать...» Господи! Ненавижу тех, кто не говорит откровенно, кто себе на уме! Мы оба были очень недовольны. — Не в этом дело, — обеспокоенно сказал Менген. — Все эти обобщения ни к чему, если не рассказать, что делал я.

— Не рассказать о чем? — быстро спросил Хедли. Менген пожал плечами и, хмуро глядя на огонь, сказал:

— Я ему предложил: «Если вы узнали так много, то почему не пойдете на место этого ужасного убийства и не узнаете еще больше?» Это правда, я в самом деле был обижен. Но он понял мои слова в буквальном смысле, посмотрел на меня мгновенье и ответил: «Да, я пойду. Я должен убедиться». Сказал и вышел. Минут через двадцать мы услышали, что кто-то спускается по лестнице вниз. Видите ли, из комнаты мы не выходили... —

Внезапно он умолк.

— Рассказывайте, — сказала Розетта, удивленно взглянув на него. — Мне все равно. Я хотела было выйти и пойти вслед за ним. Но мы этого не сделали. Через двадцать минут мы услышали, как он, находясь уже внизу, упал. Бойд выглянул. Дреймен лежал, скорчившись, лицо в крови, на висках набухли синие вены. Ужас! Конечно, мы сразу послали за врачом. Врач сказал только, что Дреймен бредит и вспоминает какой-то камин и фейерверки.

Эрнестина Дюмон молчала. Миллз сделал шаг вперед. — Разрешите? — начал он, наклонив голову. — Думаю, я могу кое-чем дополнить, если, конечно, прорицательница не возражает.

Лицо женщины было в тени, но Рампол удивился, заметив, что ее глаза, когда она заговорила, гневно блеснули.

— Вам нравится прикидываться дураком? Хорошо. Я прорицательница настолько, чтобы знать, что вы не любите Дреймена и маленькая Розетта не любит его тоже, Господи! Что вы о нем знаете, о его симпатиях или… Дреймен — хороший человек, пусть даже немного сумасшедший. Он может ошибаться, может наесться лекарств, но в душе он хороший человек. Если он умрет, я буду

молиться за его душу.

— Можно мне… э-э… продолжать? — спокойно спросил Миллз.

— Э-э… продолжать, — передразнила ого женщина и замолчала.

— Итак, мы с прорицательницей были в моей рабочей комнате на верхнем этаже — напротив кабинета, вы знаете. Дверь была открыта. Я просматривал какие-то бумаги. Потом наверх поднялся мистер Дреймен и вошел в кабинет.

— Вы знаете, что он там делал? — спросил Хедли.

— К сожалению, нет. Он закрыл за собой дверь. Я даже не представляю, что он мог там делать, ведь слышно ничего не было. Спустя какое-то время он вышел. Могу лишь сказать, что вышел он как-то неуверенно, тяжело дыша.

— Как вас понять?

— Мне жаль, сэр, но точнее я сказать не могу. Могу только добавить, что у меня возникло впечатление, будто он перенес какое-то большое физическое напряжение. Вне сомнения, оно его обессилило и приблизило апоплексический удар. Здесь разрешите поправить прорицательницу: этот удар не имеет никакого отношения к его сердцу. Э-э… могу добавить и то, о чем никто не

вспомнил. Когда его поднимали после удара, я заметил, что его руки и рукава были в саже.

— Снова камин, — тихо буркнул Петтис, а Хедли повернулся к доктору Феллу.

И тут Ремпол увидел, что доктора Фелла в комнате нет. С его фигурой исчезнуть незаметно трудно, но он исчез. Ремпол подумал, что знает, — куда.

— Идите за ним, — приказал ему Хедли. — И смотрите, чтобы он не производил этих своих дьявольских экспериментов. Итак, мистер Миллз…

Выходя в темный вестибюль, Ремпол слышал, что Хедли продолжает задавать вопросы. В доме было очень тихо, и, когда внизу прозвучал телефонный звонок, Ремпол, поднимаясь по лестнице, даже вздрогнул. Проходя мимо приоткрытой двери в комнату Дреймена, он услышал хриплое дыхание, тихие звуки шагов и увидел на стуле саквояж и шляпу врача. На верхнем этаже свет не горел, и было так тихо, что Ремпол ясно услышал голос Энни, которая отвечала по телефону внизу. Несмотря на редкий пушистый снег, окно в кабинете доктора Гримо пропускало слабый красноватый свет заходящего солнца. Его лучи играли на пестром гербе, на скрещенных рапирах над камином, падали на белые мраморные

статуэтки на полках. Казалось, полуученый-полуварвар Шарль Гримо где-то тут, в комнате, и смеется над всеми. Со стены, где должна была висеть картина, на Рампола язвительно смотрело пустое место. Перед окном неподвижно стоял — в своем черном пальто, опершись на трость, — доктор Фелл, он наблюдал заход солнца. Когда скрипнула дверь, он не обернулся. Голос Рампола, казалось, откликался эхом.

— Вы…

— Что — я? — обернулся доктор Фелл, выдыхая сигарный дым. — Что — я?

— Вы что-то нашли?

— Думаю, я знаю правду. Да-да, думаю, я знаю правду, — задумчиво произнес он. — Видите, дружище, я стоял и думал, что это — давняя проблема, и с каждым прожитым годом она становится все тяжелее, небо прекраснее, старое кресло удобнее, а человеческое сердце, наверно… — Он потер ладонью лоб. — Что такое справедливость? Я спрашивал себя об этом почти каждый раз, когда заканчивал расследовать еще одно дело. Я вижу нахальство, тревогу, злые намерения… Хорошо! Пойдем вниз!

— А как же камин? — спросил Рампол. Он подошел к камину, внимательно его оглядел, но

ничего особенного не заметил. На полу было рассыпано немного сажи, и на нем виднелась кривая царапина. — Что в нем необычного? В конце концов нет ли тут секретного хода?

— Нет, нет! Ничего такого в нем нет. И никто по трубе не поднимался, — добавил доктор Фелл, когда Рампол засунул туда руку. — Боюсь, вы теряете время. Искать там нечего.

— Но если этот брат Анри…

— Значит, брат Анри, — прозвучал голос от двери.

Голос был так не похож на голос Хедли, что они узнали его не сразу. Хедли стоял у двери, держа в руке сложенный лист бумаги. Лицо его было в тени, а голос звучал так монотонно и печально, что Рампол стало не по себе. Медленно прикрыв за собой дверь, Хедли стоял в полутемной комнате и продолжал:

— Я понимаю, мы ошиблись. Нас загипнотизировала теория. Теперь мы должны начинать все сначала. Фелл, когда вы сказали сегодня утром, что дело поставлено с ног на голову, я не верил, что вы знаете, насколько это верно. Наша версия не только поставила все с ног на голову — ее не существует больше вообще. Из-под наших ног выбита почва. Проклятье! — Он посмотрел на лист

бумаги так, будто тут же хотел его уничтожить. — Мне только что звонили из Скотленд-Ярда. Они получили ответ из Бухареста.

— Кажется, я знаю, что вы хотите сказать, — кивнул головой доктор Фелл. — Вы хотите сказать, что брат Анри…

— Нет никакого брата Анри, — пробормотал Хедли. — Третий из братьев Хорватов умер свыше тридцати лет назад.

Красноватый свет в холодном тихом кабинете потускнел, издалека долетали звуки вечернего Лондона. Бросалась в глаза изрезанная картина — хмурый вечерний пейзаж с тремя могилами.

— Ошибки быть не может, — снова заговорил Хедли. — Кажется, дело достаточно ясное. Вся телеграмма очень длинная, но главное я переписал слово в слово. — Он подошел к столу, разгладил смятый лист, чтобы все могли прочитать. — Вот смотрите…

«Необходимую информацию дать нетрудно. Двое моих подчиненных служили в 1900 году в „Зибентюрме“ надзирателями и подтверждают нижесказанное, а именно: Кароль Гримо Хорват, Пьер Флей Хорват и Николай Ревей Хорват были сыновьями профессора Клаузенбургского университета Кароля Хорвата и его жены, француженки

Сесиль Флей Хорват. За ограбление в ноябре 1898 года банка „Кунар“ в городе Брашове всех троих осудили на двадцать лет каторжных работ. Охранник банка умер от ран. Награбленное не найдено и не возвращено. Братья с помощью врача тюрьмы во время чумы в августе 1900 года сделали смелую попытку бежать: врач засвидетельствовал всех троих как мертвых и их похоронили на чумном кладбище. Надзиратели Ф. Ланер и Р. Дьердь, вернувшись с деревянными крестами через час к могилам, заметили, что могила Кароля Хорвата разрыта, а гроб пустой. Раскопав две другие могилы, надзиратели нашли Пьера Хорвата, окровавленного и без сознания, но еще живого. Николас Хорват признаков жизни не подавал. Убедившись, что он мертв, надзиратели снова похоронили его, а Пьера вернули в тюрьму. Скандал замолчали, беглеца преследовать не стали, и до конца войны эта история осталась тайной. Пьер Хорват отсидел все двадцать лет, и его освободили в январе 1919 года. В том, что третий брат мертв, никакого сомнения нет.

Александр Куза, начальник полиции.

Бухарест»

— Итак, мы преследовали призрака, — сказал Хедли, когда они кончили читать. — Брат Анри,

то есть брат Николас, никогда своей могилы не оставлял. Он там до сих пор. А все дело…

Доктор Фелл ударил по листу суставами пальцев.

— Это моя ошибка, Хедли, — признал он. — Я сказал сегодня утром, что чуть не сделал самой большой ошибки 8 своей жизни. Меня загипнотизировал брат Анри. Ни о чем другом я не мог думать. Теперь вы видите, почему нам так мало известно о третьем брате и почему я со своей проклятой самоуверенностью так все объяснял?

— Ну, если мы признаем ошибку, это нам ничего не даст нового, — проговорил Хедли. — Как мы, черт побери, объясним все эти нелепые слова и угрозы Флея? Личная месть? У пас нет никакой нити, если отбросить мотивы мести Гримо и Флея.

— Вы не видите, что остается? — воскликнул доктор Фелл, ударив тростью о пол. — Вы не видите, как мы должны объяснить эти два убийства?

— По вашему мнению, кто-то хотел, чтобы все это было похоже на месть? — спросил старший инспектор. — Я сейчас в таком состоянии, что могу поверить, чему угодно. Но возникнет вопрос: откуда настоящий убийца знал, что мы можем копнуть так далеко в прошлое? Откуда

настоящий убийца знал, что мы свяжем имя профессора Гримо с венгерским преступлением и Флеем? Меня удивляет, как хорошо прикрыт след. — Хедли все ходил по комнате и бил кулаком в ладонь. — Кроме того, чем больше я об этом думаю, тем запутаннее все становится. У нас была веская причина считать, что третий брат убил этих двоих, и чем больше я допускаю такую возможность, тем более сомневаюсь, что Николас мертв. Гримо сказал, будто его убил третий брат, а когда человек умирает и знает, что умирает, то какая у него, черт побери, может быть причина говорить неправду? Или… Подождите! Думаете, он имел в виду Флея? Думаете, Флей пришел сюда, убил Гримо, а потом кто-то убил Флея? Это прояснило бы многое.

— Извините, — вмешался Рempол, — но это не объяснило бы, почему Флей тоже вспомнил о третьем брате, живом или мертвом. И все же, если он мертв, то какая польза обоим жертвам вообще упоминать о нем? Если он мертв, то должен был стать страшным призраком.

— Я знаю, что говорю, — отозвался Хедли. — Нам нужны были свидетельства, и мне кажется, что мы можем верить двум убитым больше, чем этой телеграмме, которая, вероятно, окажется

ошибочной. Или же… Гм… А может, третий брат и в самом деле мертв, но убийца хотел, чтобы мы подумали, что он ожил? — Хедли стоял, смотря в окно, и молчал. — Думаю, это объяснило бы все противоречия? Разве не так? Убийца играет роль того, кого братья не видели около тридцати лет. Он хочет, чтобы мы, если нападем на его след — если нападем, — считали это убийство местью. Что вы на это скажете, Фелл?

— Неплохо. Совсем неплохо для маскировки. — Доктор Фелл нахмурился и, тяжело ступая, обошел стол. — Но каковы мотивы убийства Гримо и Флея?

— Что вы имеете в виду?

— Должно быть какое-то соединительное звено, не так ли? Для убийства Гримо у Миллза, Дюмон или Бернаби или кого-либо другого может быть сколько угодно мотивов. Кто-то мог убить и Флея. Но, должен подчеркнуть, это должны быть люди из их круга или группы людей. Для чего Флея убивать кому-то из круга Гримо, никогда, возможно, раньше его не видавшего? Если это убийство — дело рук того самого человека, то где соединительное звено? Уважаемый профессор, который живет в Блумсбери, и путешествующий артист с репутацией уголовника. Где мотив их убийств,

если обоих ничего не связывало в прошлом?

— Мне пришел на память один человек, — сказал Хедли. — Кто? Вы имеете в виду мадам Дюмон?

— Да.

— Тогда кто же исполняет роль брата Анри? Как бы там ни было, а мы должны признать, что это не она. Нет, мой друг, мадам Дюмон не только не следует подозревать — ее подозревать невозможно.

— Я с этим несогласен. Видите, ваша вера в то, что мадам Дюмон не убивала Гримо, основывается на том, что она, как вы думаете, любила его. Для этого нет никаких причин, Фелл. Совершенно никаких. Начать хотя бы с того, какую фантастическую историю она вам рассказала. Помните?..

— Вместе с Миллзом, — саркастически усмехнувшись, буркнул доктор Фелл. — Вы можете представить себе менее вероятных заговорщиков, которые своими сказочками при лунном свете обводят вокруг пальца полицию? Мадам Дюмон могла бы носить маску — я говорю в переносном значении — маску в жизни. Миллз тоже мог бы носить маску. Но комбинация этих двух масок и их общие действия — это уже слишком. Я склонен отдать перевес одному липу и в самом

деле под маской. Кроме того, двойным убийцей мадам Дюмон быть никак не могла. Почему? Потому что, когда убили ©лея, она сидела тут, в этой комнате, и разговаривала с нами. — Он задумался. В глазах его зажегся огонек. — Или возьмем второе поколение. Розетта — дочь Гримо. Допустим невероятное: Стюарт Миллз — в самом деле сын мертвого Анри.

— Это ваше настроение мне хорошо известно, — сказал Хедли, опершись на край стола и внимательно посмотрев па доктора Фелла. — Это начало еще одной вашей проклятой мистификации, и спорить с вами сейчас бесполезно. Почему вам так хочется, чтобы я в это поверил?

— Во-первых, потому, — ответил доктор Фелл, — что вы должны поверить, что Миллз сказал правду.

— Чтобы потом доказать противоположное, как это было, когда расследовали дело «Часы-смерть»?

— Во-вторых, потому, — не обращая внимания на слова Хедли, продолжал доктор Фелл, — что я знаю, кто настоящий убийца.

— И мы его видели и разговаривали с ним?

— Совершенно верно.

— И мы можем?..

Доктор Фелл отсутствующим взглядом, почти с выражением жалости на красном лице какое-то время молча смотрел на стол.

— С Божьей помощью! — наконец сказал он каким-то странным голосом. — Думаю, можем. А сейчас мне надо домой.

— Домой?

— Применить метод Гросса, — объяснил доктор Фелл. Но прежде чем выйти из комнаты, он еще долго стоял перед изрезанной картиной, на которой с такой силой были изображены в вечернем свете три могилы — теперь наконец заполненные.

БЕСПЛОТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В этот вечер доктор Фелл закрылся в маленькой уютной комнате рядом с библиотекой, которую использовал, как сам говорил, для научных экспериментов. Об этих экспериментах миссис Фелл говорила: «Это ужасный беспорядок...» В наши дни склонность к «беспорядку» — одна из самых лучших человеческих черт, и Рэмпол и Дороти предложили доктору Феллу свою помощь. Но он был таким серьезным и озабоченным, что они почувствовали: шутить теперь непозволительно. Неутомимый Хедли пошел проверять алиби подозреваемых. Рэмпол обратился к доктору Феллу только с одним вопросом:

— Я знаю, вы собираетесь попробовать прочитать эти сожженные бумаги. Знаю также, что они, по вашему мнению, важные. Что вы рассчитываете в них найти?

— Самое худшее из всего возможного. То, что вчера вечером могло оставить меня в дураках, — ответил доктор Фелл и, неторопливо кивнув головой, закрыл дверь.

Рэмпол и Дороти сидели рядом у камина. На дворе кружил снег. Вечер был не таким, чтобы

куда-нибудь идти. Рempол сначала намеревался пригласить Менгена поужинать и обновить их давнее знакомство. Но Менген, когда Рempол позвонил ему по телефону, сказал, что, наверное, не сможет прийти, лучше он, мол, останется с Розеттой. Миссис Фелл пошла в церковь, так что Дороти и Рempол могли спокойно обменяться в библиотеке мыслями.

— Вчера вечером я услышал о методе Гросса, применяемом для чтения сожженных писем, — повернулся Рempол к жене. — Но никто, кажется, не знает, как это делается. Думаю, используют какие-нибудь химикаты.

— Я знаю, как это делают, — с победным видом улыбнулась Дороти. — Сегодня после обеда, пока вы были озабочены своими делами, я прочитала об этом методе. Но он, хотя и простой, ничего не даст.

— Ты читала Гросса?

— Да. В переводе на английский. Метод очень прост. Гросс утверждает, что, бросив письма в огонь, можно заметить: написанное на обугленной бумаге видно достаточно четко, оно проступает, как правило, на черном фоне белым или серым, а иногда и другим цветом. Ты этого никогда не замечал?

— Не могу сказать, что замечал. Кроме того, до приезда в Англию я видел слишком мало открытых очагов. Так ты считаешь, применение этого метода ничего не даст?

— Может что-нибудь дать, — задумчиво проговорила Дороти. — Но только в том случае, если речь идет о картонных коробках с печатными буквами на них. А чтобы обычное письмо или что-то в этом роде… Во всяком случае, это делается так: к ровной доске канцелярскими кнопками прикрепляют большой лист прозрачной бумаги, бумагу покрывают клеем, а потом на него кладут обгорелые клочки.

— Но, если эти клочки скомканы, они же рассыплются? Разве не так?

— Да. Гросс говорит, что именно в этом вся сложность. Клочки надо сделать мягкими. На высоте двух-трех дюймов над бумагой устраивают рамку и кладут на нее свернутую в несколько слоев влажную ткань. Во влажном воздухе под нею сожженная бумага выравнивается. Прозрачную бумагу вокруг каждого клочка обрезают, а на стекле подгоняют кусочки друг к другу — так, как складывают картину-головоломку, а потом на первое стекло кладут второе и рассматривают зажатую между ними бумагу на Свет. Но держу

пари…

— Попробуем, — предложил Рempол, загоревшись идеей. Но эксперимент с горелой бумагой ощутимого успеха не принес. Для начала Рempол достал из кармана давнее письмо и поднес к нему спичку. Несмотря на все его усилия, охваченное пламенем письмо выпало из его рук и лежало на поде камина похожее на черный зонтик величиной дюйма в два. Они стали на колени, осмотрели его со всех сторон, но ничего написанного не разобрали. Рempол сжег еще несколько листов бумаги, но они тоже рассыпались и только припорошили пеплом пол. Тогда Рempол начал жечь все подряд, и чем больше он злился, тем больше убеждался, что метод даст результаты, если все делать, как положено. Рempол несколько раз напечатал на листе фразу: «Настало время, когда все люди должны помогать друг другу», и вскоре уже и ковер был испачкан горелой бумагой. Прижавшись щекой к полу и прищурив глаза, Рempол внимательно рассматривал клочки.

— Во-первых, — сказал он, — они не обгорели, а сгорели дотла. Слишком старательно выполнены все условия…

А впрочем, есть! Четко вижу слово «люди». Еще более четко, чем напечатанное. Оно кажется

нацарапанным на черном. А не видно ли чего-нибудь написанного от руки?

Дороти тоже разволновалась, увидев надпись «Ист-стрит, 11», которая проступила грязно-серыми буквами. Рассыпая в пепел крохотные клочки, они наконец четко увидели слова «субботний вечер», «пережиток», «джин». Ремпол довольный поднялся на ноги.

— Если эти клочки разровнять во влажном воздухе, то метод даст результаты, — сказал он. — Но достаточно ли будет прочитанных слов, чтобы понять содержание письма? К тому же мы не профессионалы. Гросс бы прочитал письмо целиком. А на что надеется доктор Фелл?

Они разговаривали до поздней ночи.

— Где искать мотив в этом перевернутом с ног на голову деле? — спрашивал Ремпол. — Это главное. Нет мотива, какой бы мог соединить Гримо и Флея с убийцей. Кстати, как с твоей вчерашней версией, что преступление совершил Петтис или Бернаби?

— Или веселая блондинка, — с нажимом добавила Дороти. — Знаешь, больше всего меня удивляет это пальто, которое меняет цвет, исчезает, проделывает всяческие подобные фокусы. Следы, кажется, снова ведут в дом Гримо. Не

так ли? — Она задумалась. — Нет, я передумала. Я теперь не считаю, что виноваты Петтис или Бернаби. Думаю, и блондинка тоже не имеет к убийствам никакого отношения. Убийцей может быть один из двух других.

— А именно?

— Дреймен или О'Рурк, — решительно сказала Дороти. — Запомни, милый, мои слова!

Рempол немедленно возразил.

— На О'Рурка я бы еще мог подумать, — сказал он — Но ты назвала его только по двум причинам. — Во-первых, потому что он выступает на трапеции и ты с этим как-то связываешь исчезновение преступника. Но это, как я понимаю, невозможно. Во-вторых, потому что он стоит в этом деле несколько в стороне, а это всегда подозрительно. Ну что, не так?

— Возможно.

— Теперь возьмем Дреймена. Да, может, Дреймен единственный человек, который в прошлом общался с обоими — Гримо и Флеем. Это главное. Кроме того, никто не видел его после ужина, по крайней мере до одиннадцати часов. Но я не верю, что он виновен. Давай сделаем приблизительную раскладку событий прошлого вечера и приведем все в порядок. Запишем все, начиная с ужина.

Раскладка будет, конечно, очень приблизительная. Мы многого не знаем точно и определенно, кроме времени, когда было совершено убийство. Но все равно мы можем попробовать.

Ремпол быстро начал писать на старом конверте.

«6.43 (приблизительно) — появляется Менген, вешает в гардеробной комнате свое пальто и видит там черное.

6.48 (приблизительно, даем ей три минуты) — Энни выходит из гостиной, выключает оставленный Менгеном свет и не видит никакого пальто вообще.

6.55 (приблизительно, знаем только, что это было до ужина) — в гардеробную комнату заглядывает мадам Дюмон и видит желтое пальто».

— Похоже, это было именно так, — объяснил Ремпол. — Мадам Дюмон, наверное, не поторопилась туда сразу после того, как оттуда вышел, повесив пальто и оставив включенным свет, Менген, или до того, как выключила свет Эмми.

— Подожди! — прищурила глаза Дороти. — Если свет был выключен, то как мадам Дюмон увидела там желтое пальто?

Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

— Это уже интересно, — нарушил наконец молчание Рempол. — К тому же возникает вопрос, зачем она туда заглянула. Вообще, если я правильно записал, это возможно. Сначала Менген видит черное пальто. Как только он выходит, черное пальто кто-то крадет — зачем, мы не знаем, — и Энни уже не видит ничего. Потом черное пальто заменяют па светлое. Это вероятно. Однако, — постукивая карандашом по столу, продолжал он, — если это так, тогда или кто-то говорит неправду, или ничего такого не могло быть. В этом случае не имеет значения, когда появился Менген, так как все должно было произойти в течение минут, даже секунд. Понимаешь? Бойд входит в комнату, вешает пальто и выходит. Появляется Дюмон, заглядывает туда и идет по своим делам. Сразу после нее в гардеробную входит Энни, выключает свет и тоже отправляется по своим делам. За этот короткий промежуток времени черное пальто сначала превращается в желтое, а потом исчезает совсем. Такого быть не может.

— Хорошенькое дельце! — воскликнула Дороти. — Но кто тогда говорит неправду? Думаю, ты будешь настаивать, что это не твой друг.

— Конечно, буду настаивать. Это мадам Дюмон.

Держу пари на что угодно.

— Но она же не виновата. Это доказано. Кроме того, мне она нравится.

— Не сбивай меня, — кинул Рempол. — Давай отправимся с этой раскладкой дальше и посмотрим, не удастся ли нам выяснить еще что-нибудь. Гм… На чем мы остановились? Да, да… Запишем, что ужин начался в семь, а закончился, как мы знаем, в половине восьмого. Итак, в семь тридцать: Розетта и Менген идут в гостиную. Дреймен — наверх в свою комнату, мадам Дюмон… Куда она идет, неизвестно, но из дома не выходит. Гримо направляется в библиотеку и просит Миллза прийти около девяти тридцати наверх, поскольку он ждет посетителя…

Стоп! Подожди! Здесь что-то не так. Я собирался написать, что из библиотеки Гримо идет в гостиную и говорит Менгену о посетителе, которого он ждет в десять. Но почему об этом ничего не знала Розетта, хотя она была там вместе с Менгеном? Жаль, что Бойд не сказал, когда точно услышал об этом от профессора. Но это тоже не имеет значения. Гримо мог отозвать Менгена в сторону или поступить как-нибудь иначе. К этому надо добавить, что мы не знаем, когда Гримо сказал мадам Дюмон, будто посетитель придет к нему в

девять тридцать. Возможно, еще раньше. Но это ничего не меняет.

— Ты в этом уверен? — спросила Дороти, доставая сигарету. — Гм… Что ж, пиши дальше.

«7.35 (приблизительно) — Гримо идет в свой кабинет.

7.35 — 9.30 — все спокойно, на улице падает густой снег.

9.30 (приблизительно) — снег перестал.

9.30 (приблизительно) — Э. Дюмон забирает из кабинета Гримо поднос с посудой после вечернего кофе. Гримо говорит ей, что посетитель, видимо, уже не придет. Э. Дюмон выходит из кабинета именно тогда, когда… 9.30 — Миллз поднимается наверх…»

— Я не думаю, что в следующее мгновение произошло что-то достойное внимания. Миллз был наверху, Дреймен в своей комнате, Розетта и Бойд в гостиной с включенным радиоприемником. Подожди! Совсем забыл… Незадолго до звонка Розетта слышала глухой звук — где-то на улице будто кто-то упал с высоты.

— Как она могла что-нибудь слышать, когда было включено радио?

— Наверное, оно играло не так громко, чтобы… Хотя играло все-таки. И играло так, что они почти

не слышали подделанного голоса фальшивого Петтиса. Но запишем все по порядку.

«9.45 — звонит звонок.

9.45 — 9.50 — Э. Дюмон идет к двери, разговаривает с посетителем, не узнавая его голоса, берет визитную карточку, закрывает перед ним дверь, рассматривает карточку и устанавливает, что она чистая, потом, поколебавшись, она направляется наверх.

0.45 — 9.50 — посетитель как-то попадает в дом, закрывает Розетту Г. и Бойда М. в гостиной и отвечает на их оклик подделанным голосом Петтиса».

— Я не хочу тебя то и дело перебивать, — прервала Рempола Дороти, — но не кажется ли тебе, что прошло слишком много времени, прежде чем они спросили, кто пришел? Если бы я была на их месте и знала, что должен прийти посетитель, то сразу бы крикнула: «Эй! Кто там?» Я сделала бы это сразу, услышав, как открылась дверь.

— Что ты пытаешься доказать?.. Ничего? Ты уверена? Не будь так жестока по отношению к блондинке! Звонок прозвучал раньше, чем они ждали, помнишь? И это твое невнимание показывает твою предубежденность. Давай продолжим. Что было между девятью сорока пятью и девятью

пятьюдесятью — временем, когда Икс вошел в дом, и тем мгновеньем, когда он переступил порог кабинета Гримо?..

«9.45 — 9.50 — посетитель идет за Э. Дюмон наверх, догоняет ее в верхнем зале, снимает кепку и опускает воротник, но остается в маске. Гримо открывает дверь, но посетителя не узнает. Посетитель быстро входит в кабинет, и за ним закрывается дверь. Это свидетельствуют мадам Дюмон и Миллз.

9.50–10.10 — Миллз наблюдает за дверью из своей рабочей комнаты в противоположном конце зала. Дюмон следит за той же самой дверью с лестницы.

10.10 — раздается выстрел.

10.10–10.12 — мадам Дюмон теряет сознание или ей становится плохо, затем она идет в свою комнату. Дреймен спит в своей комнате и не слышит выстрела.

10.10–10.12 — Менген обнаруживает, что дверь в гостиную заперта, пытается ее выбить, это ему не удается и он выпрыгивает из окна как раз тогда, когда…

10.12 — прибываем мы. Входная дверь не заперта. Мы поднимаемся наверх.

10.15 — с помощью плоскогубцев дверь в ка-

бинет Гримо открыта. Гримо лежит тяжело раненный.

10.15–10.20 — короткий осмотр, кого-то послали вызвать санитарную машину.

10.20 — прибывает санитарная машина. Гримо забирают. Розетта едет с ним. Бойд, выполняя распоряжение Хедли, идет вниз, чтобы позвонить в полицию…»

— И это совершенно оправдывает Розетту и Бойда, — довольным голосом сказал Ремпол, — Даже не обязательно расписывать минуты, когда врач осматривает раненого, а санитары забирают его в машину. На все это ушло бы не меньше пяти минут, если бы они даже съезжали с носилками на перилах. Господи! Если все записать, становится видно: для того чтобы доехать до больницы, надо было значительно больше времени. А Флея застрелили на Калиостро-стрит как раз в 10.25. Дальше. Розетта поехала в больницу, Бойд остался в доме. Когда прибыли санитары и врач, он поднялся с ними наверх, а после них ушел вниз. Так что у него неопровержимое алиби.

— Ты не думай, что я так сильно желаю их обвинить, особенно Бойда, — нахмурилась Дороти. — Он достаточно приятный человек, хотя я видела его мало. Что дает тебе основания счи-

тать, будто санитарная машина прибыла к дому не раньше десяти двадцати?

— Если бы раньше, то она должна была бы перелететь сюда с Калиостро-стрит, — пожал плечами Рempол. — Ее вызвали не раньше десяти пятнадцати, и даже в этом случае она каким-то чудом подъехала к дому в десять двадцать. Нет, милая, Бойд и Розетта не виноваты. Кроме того, я вспомнил: она же была в больнице, со свидетелями, когда в десять тридцать увидела свет в окне квартиры Бернаби. Давай продолжим и снимем подозрение со всех, с кого сможем.

«10.20–10.25 — приезжает и уезжает санитарная машина, которая забрала Гримо.

10.25 — на Калиостро-стрит убит Флей.

10.20–10.30 — Стюарт Миллз в кабинете Гримо отвечает на наши вопросы.

10.25 — в кабинет входит мадам Дюмон.

10.30 — Розетта в больнице видит свет в окне квартиры Бернаби.

10.25–10.40 — мадам Дюмон находится с нами в кабинете.

10.40 — Розетта возвращается из больницы,

10.40 — по вызову Хедли прибывает полиция…»

— Это не только завершает нашу раскладку. —

Ремпол быстро пробежал глазами написанное и провел черту под последней строчкой. — Это, безусловно, добавляет к нашему списку невиновных еще двоих, Миллз и гладам Дюмон — не виновны. Розетта и Бойд — не виновны. Из жильцов дома остается только Дреймен.

— Но все в результате даже осложняется, — заметила Дороти после паузы. — Что говорит твоя блестящая версия о пальто? Ты намекал, что кто-то говорит неправду. Это может быть только Бойд или Эрнестина Дюмон, а мы их оправдали. А может, это девушка, Энни? Но она не может лгать, а? По крайней мере не должна.

И снова они молча посмотрели друг на друга. Кисло усмехнувшись, Ремпол свернул свою раскладку и спрятал в карман. С улицы долетали порывы сильного ветра. За закрытой дверью были слышны шаги доктора Фелла.

На следующее утро Ремпол проспал — частично от усталости, частично из-за того, что новый день выдался слишком пасмурным, и Ремпол не раскрывал глаз до половины десятого. День был не только таким пасмурным, что в доме были включены все лампочки, но и очень холодным. Рем-пил не видел доктора Фелла с прошлого вечера. Когда он спустился в маленькую столовую

завтракать, служанка Вида подала ему яичницу с беконом и недовольно сказала:

— Доктор Фелл как раз пошел умываться, сэр. Он был наверху всю ночь — у него научная работа… Я видела в восемь утра, как он спал в кресле. Не знаю, что скажет миссис Фелл. Только что пришел старший инспектор Хедли. Он в библиотеке…

— Вы видели Фелла? — нетерпеливо спросил Хедли у Ремпола. — Он прочитал письма? Что там?

— А у вас есть новости? — в свою очередь поинтересовался Ремпол.

— Да. И важные. Петтис и Бернаби не виновны. У каждого железное алиби.

На Адельфи-террас пронесся такой ветер, что даже задрожали стекла. Хедли, все еще взволнованно топчась на ковре, продолжал:

— Я видел трех картежников, с которыми Бернаби играл в тот вечер. Один из них, между прочим, старый Бейли — судья. Достаточно трудно обвинить человека, когда судья свидетельствует о том, что он не виноват. В субботу вечером, с восьми и почти до половины одиннадцатого, Бернаби играл в покер. Сегодня утром Бейтс ходил в театр, где Петтис, по его словам,

был в тот вечер. Он там был и в самом деле. Один из официантов в театральном баре его хорошо знает. Второе действие заканчивается, кажется, в десять часов пять минут. Официант готов поклясться, что несколькими минутами позднее, во время антракта, он подавал Петтису виски с содовой. Другими словами, это было почти в то же время, когда был убит Гримо.

— Я чего-то такого ожидал, — сказал Ремпол задумчиво. — Взгляните вот на это. — И он передал Хедли составленную накануне раскладку.

— Да, да, конечно, — просмотрев ее, сказал Хедли. — Я тоже написал себе порядок событий. Неплохо сделано. Особенно то, что касается девушки и Менгена. Хотя мы и не можем быть совершенно уверены, что касается времени, но ошибки, полагаю, нет. — Он щелкнул взятым у Ремпола конвертом по ладони. — Сделано достаточно подробно. Нам еще нужно увидеть Дреймена. Сегодня утром я звонил туда. Там все очень озабочены. Тело старика привезли домой. Я не смог от Розетты много узнать, только то, что Дреймен до сих пор в полубессознательном состоянии и под морфием. Мы…

Услышав за дверью знакомые неуклюжие шаги и стук трости, он замолчал. Доктор Фелл толкнул

дверь и вошел в комнату. Глаза у него погасли, настроение, казалось, было таким же пасмурным, как утро.

— Ну, как? — вырвалось у Хедли. — Вы нашли то, что искали?

Доктор Фелл прикурил свою черную трубку, вперевалку подошел к камину, бросил в огонь спичку, криво усмехнулся и наконец сказал:

— Да, я нашел то, что искал, Хедли. В субботу вечером я своими допущениями дважды ненамеренно ввел вас всех в заблуждение так нелепо и, если бы не сохранил собственного достоинства и не открыл вчера правды, был бы достоин самого строгого наказания, какого заслуживают дураки. И все же такую грубую ошибку допустил не только я. Возможность и обстоятельства привели к еще более грубой ошибке, а все вместе сделало банальное мелкое дело об убийстве ужасной непонятной загадкой. Признаюсь, я разозлился на убийцу, но… Да, я нашел то, что искал.

— И что в этих бумагах было?

— А ничего, — удивительно небрежно ответил доктор Фелл.

— Вы хотите сказать, что метод ничего не дал?! — воскликнул Хедли.

— Нет, метод свои результаты дал. Я хочу ска-

зать, что на тех бумагах ничего не было. Только где-нибудь черточка или несколько слов, но не тех, что открывают великую тайну, как я надеялся в субботу. Вот и все, что я хочу сказать. Разве что еще… Ну, да. Было несколько обрывков толстой, похожей на желтый картон бумаги с одной или двумя буквами на каждом.

— Для чего тогда надо было жечь письма, если…

— Это были не письма. Именно в этом и состоит ошибка. Вы и до сих пор не догадываетесь, что это было? Давайте лучше выбросим из головы всю эту путаницу, Хедли. Вам не терпится увидеть невидимого убийцу? Разве не так? Вы хотите встретить проклятого вампира, бестелесного человека, который возник в вашем представлении? Хорошо, я вам покажу его. Где ваша машина? Едемте! Может, нам повезет услышать признание.

— Чье?

— Надо ехать в дом Гримо. Едем!

Ремпол подсознательно предчувствовал конец, боялся его и не мог представить себе, каким он может быть. Хедли запустил холодный двигатель, и они поехали. Когда по дороге они попадали в заторы, Хедли едва не ругался. Спокойней осталь-

ных держался только доктор Фелл.

Шторы на тех окнах, которые выходили на Рассел-сквер, были опущены. В дом вошла смерть, и он казался еще более мертвым, чем в предыдущие дни. Внутри также было тихо, и, когда доктор Фелл нажал на кнопку звонка, они даже услышали его звук. После долгой паузы им открыла Энни — без чепца и фартука. Она была бледной, но спокойной.

— Мы хотели бы видеть мадам Дюмон, — обратился к ней доктор Фелл.

Хедли бросил на него быстрый взгляд.

— Она в… Она там, — ответила Энни из темного вестибюля, указывая на дверь гостиной. — Я ее позову.

Доктор Фелл молча кивнул головой и осторожно открыл дверь гостиной.

Тяжелые коричневые шторы на окнах были уже подняты. Тонкие украшенные кружевом занавески пропускали немного света. Комната была большой. Мебель терялась в сумерках. Отсвечивал темным металлом только открытый обитый белым атласом гроб. Около него горели тонкие свечи. Потом Рempол вспоминал, что оттуда, где он стоял, ему был виден кончик носа покойника. Но то ли свечи, то ли большие белые

цветы и запах ладана, или все это, вместе взятое, переносило происходящее из Лондона куда-то в скалистые венгерские горы, где гуляют ветры, и, где тускло поблескивая на груди, золотой крест защищает людей от дьявола, а гирлянды чеснока не дают подступить вплотную бродячим упырям.

И все же прежде всего они обратили внимание на Эрнестину Дюмон. Она стояла, держась одной рукой за край гроба. Свет от высокой тонкой свечи золотил ее уже слегка поседевшие волосы и делал еще меньше ее ссутулившуюся фигуру. Когда она медленно повернула голову и взглянула на них, они увидели ее запавшие, но без слез, глаза. Мадам Дюмон часто дышала. На плечах у нее была ярко-желтая шаль, окаймленная красной парчой, с длинной бахромой, расшитая бисером, который блестел в свете свечей. Это был как бы последний штрих варварства. Наконец мадам Дюмон узнала их. Она вдруг наклонилась и обеими руками сжала край гроба, будто хотела защитить покойника.

— Вам лучше признаться, — вежливо обратился к ней доктор Фелл. — Поверьте мне, так будет лучше.

Какое-то мгновенье Рempол думал, что мадам

Дюмон перестала дышать. Потом она тихо кашлянула и истерично выкрикнула:

— Признаться?! Так вот что вы подумали, идиоты? Признаться? Признаться в убийстве?

— Нет, — ответил доктор Фелл. Голос его тяжело прозвучал в комнате.

Пока он шел к ней, мадам Дюмон внимательно смотрела на него. Впервые в ее глазах появился страх.

— Нет, — повторил доктор Фелл. — Вы не убийца. Но позвольте спросить — кто вы? — В свете свечей над нею возвышалась его черная фигура. Потом ОН так же вежливо продолжил: — Видите ли, вчера человек по имени О'Рурк кое-что нам рассказал. В частности, и о том, что обман чувств, как на сцене, так и в жизни, всегда вызывают с помощью сообщника. Этот случай не стал исключением. Вы были сообщником иллюзиониста и убийцы.

— Бесплотный человек! — воскликнула мадам Дюмон и вдруг зашлась истерическим смехом.

— Бесплотный человек, — спокойно повторил за нею доктор Фелл и повернулся к Хедли. — В буквальном смысле. Бесплотный человек, чье имя, даже если бы мы его не знали, было нелепым и ужасным. Ужас и стыд!… Хотите видеть убийцу,

на которого охотитесь? Вот он лежит! — сказал доктор Фелл и показал на белое, мертвое, немое лицо доктора Шарля Гримо. — Но судить его теперь Бог запрещает.

ДВЕ ПУЛИ

Доктор Фелл спокойно смотрел на женщину, которая все еще стояла у гроба, будто защищая его.

— Ма-а-дам, — сказал доктор Фелл, — человек, которого вы любили, мертв. Теперь он за границами действий закона, и какие бы преступления он раньше ни совершил, за него уже им уплачено. Наша неотложная задача — ваша и моя — сделать так, чтобы не принести вреда живым. Но вы, извините, причастны к преступлению, хотя сами и не убивали. Поверьте, мадам, если бы я мог все объяснить, не упоминая о вас вообще, я бы это сделал. Я знаю, вы переживаете, но потом, когда мне придется все объяснять, вы убедитесь, что не упоминать вас было невозможно. Поэтому мы должны убедить старшего инспектора Хедли, что это дело нужно закрыть.

Безграничное сочувствие в голосе Гидеона Фелла, казалось, повлияло на мадам Дюмон, будто сон после слез. Истерика у нее прекратилась.

— Так вы все знаете? — недоверчиво спросила она, помолчав. — Не обманываете меня? Вы в самом деле все знаете?

— Да, я в самом деле все знаю.

— Идите наверх, — сказала она глухим голосом. — Идите в его комнату. Я приду туда. Я… я не могу сейчас… Мне надо подумать и… Но, пожалуйста, не говорите ни с кем, пока я не приду. Прошу вас! Нет, я не убегу.

Решительный жест доктора Фелла заставил Хедли промолчать. По темной лестнице, никого не встретив, они поднялись наверх и вошли в кабинет Гримо, где было так темно, что Хедли пришлось включить настольную лампу. Убедившись, что дверь закрыта, он повернулся к доктору Феллу.

— Что вы хотите доказать? Что Гримо убил Флея?

— Да.

— Тогда как же он в то время, когда лежал без сознания в больнице и умирал на глазах у свидетелей, пошел на Калиостро-стрит и…

— Не в то время, — спокойно ответил доктор Фелл. — Видите ли, Хедли, это как раз то, чего вы не понимаете. Это как раз то, что сбило вас с правильного пути. Это то, что я имел в виду, когда говорил, что дело не перевернуто с ног на голову, а пошло ложным путем. Флей был убит раньше, чем Гримо. Более того, Гримо, зная, что умирает, пытался сказать нам правду. Это одно

из его добрых намерений, но мы истолковали его ошибочно. Садитесь, я попробую объяснить. Вы уже вспомнили три существенных момента, так что долго объяснять не придется.

Доктор Фелл, тяжело дыша, опустился на стул возле стола, несколько мгновений смотрел отсутствующим взглядом на лампу, потом заговорил снова:

— Итак, три существенных момента. Первый. Брата Анри не существует. Есть только два брата. Второй. Оба эти брата говорили правду. Третий. Вопрос времени повернул расследование на ложный путь. Много было сделано не так из-за того, что мы неправильно понимали короткие промежутки времени. В целом это представило нашего убийцу как бесплотного человека. Все это легко понять, если вернуться мысленно назад.

Вспомните вчерашнее утро. Я уже имел причину думать, что убийство на Калиостро-стрит какое-то странное. Выстрел. Три свидетеля, которым можно верить, сообщают одно и то же — выстрел прозвучал ровно в 10.25. Меня заинтересовало, почему они до секунды сходятся именно в этом вопросе. Когда на улице происходит несчастный случай, даже самые спокойные свидетели не смотрят на часы, а если и смотрят,

то время у них не совпадает с такой невероятной точностью. Но в нашем случае свидетели говорили правду. Значит, существовала какая-то причина, и такая точность была им навязана.

И причина действительно существовала. Как раз напротив того места, где упал убитый, находится окно магазина ювелира. В то время оно было там наиболее ярко освещено, а потому и наиболее заметно. Из окна свет падал на убитого. Вполне естественно, окно привлекло внимание и других свидетелей. А из окна на них смотрели большие часы, такой необычной конструкции, что непременно бросались в глаза. Констебль не мог не запомнить время. Остальные свидетели, конечно, запомнили время тоже. Отсюда и однообразие.

Но одна вещь, на то время не очень важная, немного меня смутила. После того, как был убит Гримо, Хедли вызвал своих людей и немедленно послал одного из них найти Флея — ведь на него падало подозрение. Полицейские прибыли сюда… в котором часу?

— Согласно моей раскладке, приблизительно в десять сорок, — сказал Рempол.

— И одного человека сразу же послали искать Флея. Он должен был быть на Калиостро-стрит…

когда? Думаю, минут через пятнадцать — двадцать после того, как, вероятно, был убит Флей. Но что произошло за этот короткий промежуток времени? Целый ряд неправдоподобных вещей. Флея доставили в дом врача, он там умирает. Попытка установить его личность последствий не дала. «После определенной задержки», если говорить словами газетной информации, тело Флея отвезли в морг. Когда детектив, которого Хедли послал найти Флея, прибыл на Калиостро-стрит, все было кончено. Волнение улеглось, и констебль, переходя от дома к дому, опрашивал жителей. Это казалось неправдоподобным. К сожалению, я был таким дураком, что не понял значения этого даже вчера утром, когда увидел часы в витрине ювелирного магазина.

Вспомните! Вчера мы завтракали в моем доме, когда пришел Петтис. Мы с ним разговаривали… до которого часа?

— Ровно до десяти, — нарушил молчание Хедли и щелкнул пальцами. — Это я хорошо помню, потому что, когда он поднялся уходить, Биг Бен как раз пробил десять.

— Совершенно верно. Петтис ушел, мы сразу оделись и поехали прямо на Калиостро-стрит. Теперь прикиньте, сколько нам потребовалось

времени, чтобы мы надели пальто, шляпы и проехали короткое расстояние по безлюдной в воскресенье улице. На дорогу у нас ушло всего десять минут. Думаю, на все вместе нам потребовалось не больше двадцати минут. Но на Калиостро-стрит вы показали мне ювелирный магазин как раз в тот момент, когда те сказочные часы били одиннадцать.

Даже тогда в моей тупой голове не возникла мысль поинтересоваться теми часами. Не сделали этого, будучи в возбужденном состоянии, и три свидетеля накануне вечером. Как раз тогда — помните? — Соммерс и О'Рурк повели нас на квартиру Бернаби. После достаточно долгого осмотра квартиры мы говорили с О'Рурком. Во время этой беседы я обратил внимание на то, что в мертвой тишине дня, когда с улицы долетал только шум ветра, появился новый звук. Я услышал звон церковных колоколов.

Когда начинают звонить церковные колокола? Конечно, не после одиннадцати, когда уже идет служба, а до одиннадцати, до службы. Но если поверить этим немецким часам, было уже значительно позже одиннадцати. Именно тогда мой темный разум проснулся. Я вспомнил о Биг Бене и о времени, которое потребовалось нам

для поездки на Калиостро-стрит. Я сопоставил колокольный звон, Биг Бен и время, которое показывали эти декоративные иностранные часы. Церковь и государство, так сказать, не могли бы одновременно ошибиться. Другими словами, часы в витрине ювелирного магазина спешили больше, чем на сорок минут! Значит, выстрел на Калиостро-стрит не мог прозвучать в десять двадцать пять. На самом деле он мог раздаться незадолго до девяти сорока пяти — ну, скажем, в девять сорок.

Раньше или позже кто-нибудь обратил бы на это внимание, а может, и уже обратил. Всплыло бы это и на суде присяжных. Кто-нибудь обязательно предложил бы точно установить время. Не знаю, поняли бы все сразу — надеюсь, что так — или это еще больше бы сбило вас с толку. Но неопровержимо то, что события на Калиостро-стрит произошли за несколько минут до того, как посетитель с фальшивым лицом позвонил в девять сорок пять в этот дом.

— Все-таки я не вижу… — начал Хедли. — Невозможно…

— Невозможно? Да. Но я хочу объяснить вам ход событий с самого начала.

— Хорошо. Но разрешите мне привести все в

порядок. Если Гримо, как вы говорите, застрелил Флея на Калиостро-стрит незадолго до девяти сорока пяти…

— Я этого не говорил, — возразил доктор Фелл.

— Как?!

— Так. Вы все поймете, если проследите за моей мыслью с самого начала. На той неделе, в среду вечером, когда в ресторане «Уорвик» Флей впервые появился из прошлого, прямо-таки из могилы, и начал угрожать Гримо, тот решил его убить. Видите ли, Гримо был единственным, у кого был мотив убить Флея. Вы знаете, Хедли, у него все-таки была причина для этого. Гримо — живой и здоровый, обеспеченный, уважаемый. Прошлое похоронено. И вдруг распахивается дверь и входит худой незнакомец с неприятной усмешкой, который оказывается его братом! Гримо, убегая из тюрьмы, убил одного из своих братьев, когда их хоронили живыми в могилах, и только случайно не убил другого. Если бы это преступление было раскрыто, Гримо бы повесили. И вот Пьер Флей нашел его.

Теперь вспомните, что он сказал, появившись вдруг перед Гримо в ресторане «Уорвик». Подумайте над тем, что Флей делал или говорил, и увидите: он был не таким глуповатым, каким

прикидывался. Почему он, имея целью только личную месть, решил встретиться с Гримо в кругу его друзей и угрожать, намекая на мертвого брата? Почему он сказал: «…у меня есть брат, который может сделать значительно больше, чем я, и для вас он опасен»? Потому что мертвый брат мог спровадить Гримо прямо на виселицу. Почему Флей сказал: «Мне ваша жизнь не нужна, она нужна ему»? Почему он спросил: «Хотите, чтобы это был я или прислать своего брата?»? И почему после всего этого он вручил Гримо свою визитную карточку с собственным адресом? То, что Флей дал визитку, в соединении с его словами и поступками, очень важно. Он хотел при свидетелях вызвать у Гримо страх и, высказываясь намеками, хотел сказать: «Ты, мой брат, сытый и богатый благодаря ограблению, которое мы совершили в молодости. Я бедный и ненавижу свою работу. Ты придешь ко мне по этому адресу и мы достигнем согласия? Или навести на тебя полицию?»

— Шантаж, — тихо сказал Хедли.

— Да. Флей был чудак, но он был совсем не глуп. Теперь припомните, как он высказал свою последнюю угрозу:

«Общение с братом мне тоже угрожает опас-

ностью, но я готов пойти на этот риск». Он будто хотел сказать Гримо:

«Ты, мой брат, мог бы убить меня, как убил того, но я пойду на риск. Значит, или я смогу рассчитывать на тебя или пусть твой мертвый брат повесит тебя».

Припомните его поведение затем в тот вечер, когда он был убит. Припомните, с какой радостью он разбивал на осколки свой реквизит иллюзиониста. А что он сказал О'Рурку? Его слова — если исходить из того, что мы уже знаем — могут иметь только одно объяснение. Он заявил: «Моя работа завершена. Мне реквизит больше не нужен. Разве я не сказал, что собираюсь навестить своего брата? Он что-нибудь сделает, чтобы довести до конца наше давнее общее дело». Флей имел в виду, что Гримо согласится все уладить миром. Он считал, что порывает с прошлой своей жизнью навсегда, но одновременно знал и другое, что его брат ненадежен, потому что имел возможность убедиться в этом в прошлом. Не желая высказать открыто эти сомнения в разговоре с О'Рурком, Флей хотя и надеялся, что Гримо действительно имеет намерение поделиться с ним богатством, все же намекнул: «На случай, если со мной что-нибудь случится, найдите моего брата на той

самой улице, где живу я. Он живет в другом месте, но там снял комнату». Через минуту я объясню эти его слова. Но сперва вернемся к Гримо. Он никогда не собирался подписывать с Флеем соглашение. Флей должен был умереть. Гримо, с его коварным характером, как вам известно, больше, чем остальные люди, интересовался волшебниками и обманом чувств и не хотел терпеть неприятностей от своего беспокойного брата. Флей должен был умереть, но убить его было не легкое дело.

Если бы Флей пришел к Гримо не при свидетелях, которые могли связать имя Флея с его собственным, все было бы намного проще. Но Флей был слишком сметлив. Он широко разгласил свое имя и адрес и намекнул перед друзьями Гримо на тайны, к которым он имел отношение. Теперь, если бы Флей оказался убитым, кто-нибудь мог сказать: «А! Это не тот самый, который…» Потом могло начаться опасное для Гримо расследование. Ведь только Бог знает, что и кому Флей о нем рассказывал. Вполне вероятно, что на самом деле он никому не рассказал о своей возможности влиять на Гримо, и такой возможности его надо было лишить. Что бы ни случилось с Флеем, даже если он окажется мертвым, следует

ждать расследования, и это, конечно, угрожает Гримо. Единственная возможность создать впечатление, будто Флей грозит его жизни, — это послать самому себе письма с угрозами, напугать таким хитрым способом домочадцев и наконец сообщить, что Флей имеет намерение прийти к нему в тот самый вечер, когда он сам запланировал отправиться к Флею. Вскоре вы увидите, как блистательно Гримо планировал совершить это убийство.

Гримо собирался устроить так, чтобы были свидетели того, что Флей пришел к нему в субботу вечером. Двое должны были видеть, как Флей вошел в кабинет Гримо, слышать там ссору, звуки борьбы, выстрел, падение, а открыв дверь, найти в кабинете только Гримо с опасной на вид, но неглубокой раной от пули в боку. Никакого оружия нет. Из окна свисает веревка, которая принадлежит Флею, и все должны были подумать, что по ней он и бежал.

Помните, прогноз на тот день не обещал снега, поэтому найти следы было бы невозможно. Гримо сказал бы: «Он думал, что убил меня, потому что я прикинулся мертвым. Не сообщайте о бедняге в полицию, я на него не обижаюсь». А на следующее утро Флея нашли бы в его соб-

ственной комнате мертвым. Его бы посчитали самоубийцей, который приставил к своей груди револьвер и нажал на спусковой крючок. Оружие — рядом с ним. Записка о самоубийстве — на столе. Мол, в отчаянии от мысли, что он убил Гримо, он застрелился сам. Такой обман, джентльмены, задумал Гримо.

— Но как он это делал? — спросил Хедли. — Так или иначе у него ничего не вышло!

— Как видите, его план потерпел неудачу. Заключительная часть обмана состояла в том, что Флей должен был войти в его кабинет тогда, когда на самом деле он должен был лежать уже мертвым в своей квартире в доме на Калиостро-стрит. Гримо с помощью мадам Дюмон сделал для этого определенные приготовления.

Он предупредил Флея, чтобы тот ждал его у себя дома в девять вечера в субботу, в известном вам доме владельца табачного магазинчика на Калиостро-стрит. Он пообещал принести наличные. Припомните, ведь Флей, отказавшись работать, сжег реквизит и, довольный, покинул театр приблизительно в восемь пятнадцать.

Гримо выбрал субботу, потому что по незыблемой традиции оставался в субботние вечера в своем кабинете один, и никто не имел права его

беспокоить, независимо от причины. Он выбрал этот вечер, чтобы иметь возможность незаметно выйти из дома и вернуться назад через полуподвал. В субботний вечер Энни, у которой там была комната, была свободна.

Помните, после того, как в семь тридцать он зашел в свой кабинет, никто его не видел до того времени, когда он в девять тридцать открыл дверь, чтобы впустить посетителя. Мадам Дюмон свидетельствовала, что разговаривала с ним в кабинете в девять тридцать, когда забирала поднос с посудой после вечернего кофе. Вкратце сообщу вам, почему я ей не верю. Дело в том, что в это время Гримо в кабинете не было вообще. Он был на Калиостро-стрит. Мадам Дюмон было сказано, чтобы она вошла в его кабинет в девять тридцать. Почему? Потому, джентльмены, что он дал указания Миллзу подняться наверх в девять тридцать и наблюдать за дверью кабинета из комнаты напротив. Миллза надо было обвести вокруг пальца. Но, если бы он, поднявшись наверх, пожелал бы увидеть Гримо и поговорить с ним, то мадам Дюмон была бы уже там, чтобы помешать ему. Она должна была остаться в коридоре рядом, чтобы не допустить такой возможности и впредь, если тот проявит любопытство.

Миллза профессор Гримо выбрал для того, чтобы обмануть его чувства. Почему? Потому что, хотя он и старательно выполнял указания Гримо, но очень боялся выдуманного Флея и не вмешался, когда бесплотный человек поднялся по лестнице наверх. Он не только не должен был задержать человека с фальшивым лицом на протяжении нескольких опасных минут, когда тот шел к кабинету, — это мог бы сделать, например, Менген или даже Дреймен, — но не должен был даже выходить из рабочей комнаты. Ему было приказано сидеть в ней, и он в ней сидел. Наконец, Миллза профессор Гримо выбрал потому, что тот был невысокого роста. Вскоре вы поймете, для чего это понадобилось.

Итак, Миллзу было приказано подняться наверх в девяти тридцать. Это потому, что бесплотный человек должен был явиться именно в это время. Но он опоздал. Обратите внимание на одно несоответствие. Миллзу было названо одно время — девять тридцать, а Менгену другое — девять часов. Причина этого очевидна. Кто-то должен был находиться внизу, чтобы засвидетельствовать, будто посетитель в самом деле вошел в дом через парадную дверь, которую ему открыла мадам Дюмон. Но Менген мог

заинтересоваться посетителем, мог попытаться остановить бесплотного человека, и Гримо заранее сказал шутя, что посетитель, наверно, не появится вообще или, если придет, то ближе к десяти часам. Оставалось только отвлечь внимание Менгена на то время, пока бесплотный человек пройдет мимо опасной двери и направится наверх. В крайнем случае Менгена и Розетту можно было запереть в гостиной.

А где были остальные? Энни как всегда отпустили на этот вечер, у Дреймена был билет на концерт, Бернаби, безусловно, играл в карты, а Петтис ушел в театр. Поле действий оказалось подготовленным.

Незадолго до девяти — может, минут за десять — Гримо через полуподвальное помещение выскользнул из дома на улицу. Осложнения начались сразу. Вопреки прогнозу шел снег. Но Гримо не считал, что это осложнение серьезное. Он был уверен, что выполнит задуманное и вернется домой, когда снег еще будет идти и спрячет его следы. Одновременно не могло возникнуть и подозрения, почему отсутствуют какие-либо следы посетителя, который, как посчитали бы, исчез через окно. По крайней мере Гримо так подготовил свой план, что отступать было поздно.

Выходя из дома, Гримо захватил с собой нигде не зарегистрированный револьвер системы «кольт», заряженный только двумя пулями. Не знаю, какая на нем была шляпа, но пальто он надел из светло-желтого твида в крапинку и на несколько размеров больше, чем нужно. Он купил пальто это потому, что такое никогда не носил, и в нем его никто бы не узнал.

— Подождите, — вмешался Хедли. — А как с теми пальто, что меняли цвет? Что там было?

— Снова прошу вас подождать. Это составная часть дальнейшего обмана Гримо.

Итак, Гримо решил навестить Флея. Там, поговорив некоторое время по-дружески, он предложил бы Флею что-нибудь вроде: «Тебе надо выбираться из этой берлоги, брат! Теперь ты будешь жить лучше, я об этом позабочусь. Почему бы тебе не оставить все свои шмотки и не перейти в мой дом? А шмотки пусть останутся хозяину дома вместо платы». Цель этих слов — вынудить Флея написать владельцу дома одну из двусмысленных записок: «Я ушел навсегда» или «Я возвращаюсь в свою могилу». Одним словом, записку, которую после обнаружения бездыханного «самоубийцы», лежащего с револьвером в руке, можно было бы истолковать как предсмерт-

ную. — Доктор Фелл наклонился вперед. — И тогда Гримо достал бы «кольт», приставил бы его к груди Флея и, усмехнувшись, нажал бы на спусковой крючок.

Это был верхний этаж дома, который имеет, как вы видели, толстые и крепкие стены. Владелец дома на Калиостро-стрит, равнодушный к своим жильцам, располагается внизу, в подвальном помещении. Значит, выстрела, особенно приглушенного, когда револьвер приставлен к груди, слышно не было бы. Тело нашли бы, наверное, не раньше, чем утром. А тем временем представим себе, что делает Гримо. Убив Флея, он поворачивает тот же самый револьвер, снова стреляет и наносит себе легкую рану. У него, как мы знаем из того эпизода с тремя гробами, было здоровье быка и нервы дьявола. Оставив оружие рядом с Флеем, он мог бы приложить к своей ране носовой платок или вату и закрепить ее клейкой лентой. Рана должна была быть под пальто. Вернувшись домой, он завершил бы свой обман. К нему будто бы пришел Флей, выстрелил в него, а затем направился на Калиостро-стрит и из того же револьвера совершил самоубийство. Никакой суд присяжных не усомнился бы в этом. Пока что понятно! Это было преступление, совершенное в

обратном направлении.

Вот что Гримо собирался сделать. Если бы ему это удалось, это было бы мастерское убийство, и я не уверен, возникло ли у нас в таком случае сомнение в самоубийство Флея. Теперь, чтобы выполнить этот план, осталось решить последнюю проблему. Если бы кто-нибудь увидел, как в дом Флея заходит чужой человек, было бы плохо. «Самоубийство» не вышло бы таким правдоподобным. На улицу там есть только один выход — рядом с дверью в табачный магазинчик. Кроме того, Гримо был в приметном пальто, в котором до этого ходил на разведку. Между прочим, Долбермен, владелец табачного магазинчика, видел, как он там болтался. И вот в темной квартире Бернаби Гримо нашел способ решить свои затруднения.

Вы, конечно, понимаете, что Гримо мог знать о квартире Бернаби на Калиостро-стрит? Несколько месяцев назад Гримо заподозрил, что Бернаби рисует картину, имея какой-то скрытый мотив. Он начал не только расспрашивать художника, но и следить за ним — следить по-настоящему. Гримо знал об этой квартире, знал, что Розетта имеет ключ от нее, и, когда настало время, он его у Розетты выкрал.

Дом, в котором размещалась квартира Бернаби, находится на той же стороне улицы, что и дом, где жил Флей. Все дома стоят впритык друг к другу, и у них плоские крыши, так что по крышам можно пройти от одного конца улицы до другого. Помните, Флей и Бернаби жили на верхнем этаже? Помните, что мы увидели, когда шли на квартиру Бернаби?

— Да, конечно, — кивнул головой Хедли. — Рядом с дверью в квартиру лестница к люку на крышу.

— Совершенно верно. А на лестнице рядом с комнатой Флея имеется маленькое окошко, которое также выходит на крышу. Гримо нужно было только выйти па Калиостро-стрит, не появляясь на самой улице, как это сделали Розетта и Бернаби, подняться с черного хода на верхний этаж, а оттуда на крышу. Потом он пошел бы к дому, в котором жил Флей, спустился через окошко на лестницу и мог войти в комнату Флея так, что его не увидела бы ни одна живая душа. Даже больше, он знал наверняка, что в тот вечер Бернаби будет играть в карты.

Но потом все пошло не так, как было задумано. Гримо должен был оказаться в квартире Флея раньше самого Флея, чтобы тот ничего не заподо-

зрил, увидев, что Гримо явился через крышу. Но мы знаем, что какое-то подозрение у Флея было. Его могло вызвать то, что Гримо попросил его принести одну из длинных цирковых веревок. Гримо хотел потом воспользоваться ею как доказательством против Флея. А может, подозрение вызвало то, что Флей видел, как Гримо в последние дни блуждал по Калиостро-стрит. Возможно, Флей даже заметил, что Гримо, наклоняясь, быстро крался по крышам после одной из разведок к дому Бернаби. Может, поэтому у Флея и возникла мысль, что Гримо нанял комнату на этой улице.

Братья встретились в этой освещенной газовой лампой комнате в девять. О чем они разговаривали, мы не знаем и никогда не узнаем. Но Гримо, очевидно, усыпил подозрение Флея, разговор тянулся дружеский, они забыли о всех раздорах, и Гримо, шутя, уговорил Флея написать записку владельцу дома. Потом…

— Я ничего не опровергаю, — сказал Хедли. — Но откуда вы это знаете?

— Рассказал Гримо, — ответил доктор Фелл. Хедли удивленно поднял на него глаза.

— Да-да. Поняв эту ужасную ошибку во времени, я сразу все понял. Но слушайте дальше.

Флей написал записку, надел пальто я шляпу

и собрался выходить. Гримо хотел, чтобы считалось, будто Флей наложил на себя руки сразу после того, как вернулся от него, и решил выполнить свое намерение, когда тот уже оделся.

Возможно, Флей уже подсознательно насторожился и поспешил к двери — ведь он был не ровня здоровенному Гримо, — а, может, это случилось во время борьбы, кто это сейчас установит? Во всяком случае, Гримо, приставив револьвер к пальто Флея, когда тот выкручивался, сделал неудачный выстрел. Вместо того чтобы выстрелить своей жертве в сердце, он попал ему под левую лопатку. Ранд была похожа на ту, от которой затем умер сам Гримо. От такой раны, хотя она и смертельна, умирают не сразу. Это будто ирония судьбы: оба брата убиты одинаково.

Конечно, Флей упал. Он не мог сделать ничего другого, и это был самый разумный выход, потому что Гримо в противном случае его сразу бы добил. Но Гримо, видимо, на мгновение от страха потерял самообладание. Ведь угроза нависла над всем его планом. Как Флей мог выстрелить себе в спину? Кроме того, Флей, прежде чем пуля сделала свое дело, пронзительно закричал, и Гримо подумал, что этот крик кто-нибудь услышал.

В эту минуту ему хватило здравого смысла и

силы волн, чтобы не растеряться. Он положил револьвер в руку неподвижного Флея, который лежал лицом вниз, и взял свернутую в кольцо веревку. Замысел, несмотря ни на что, надо было довести до конца. У него хватило здравого смысла и на то, чтобы не сделать еще одного выстрела и не привлечь чьего-нибудь внимания. И он кинулся стремглав из комнаты.

Крыша! Видите, джентльмены, крыша была его единственным шансом. Ему повсюду мерещились преследователи. Возможно, в голову пришли неприятные воспоминания о трех могилах во время бури у подножия Карпатских гор. Гримо боялся, что его заметят на крышах, поэтому как только мог спешил к люку в доме Бернаби, стремительно спустился в его квартиру и только там успокоился.

А что было дальше? Пьер Флей оказался тяжелораненым, но у него крепкие ребра — именно благодаря этому он не умер, когда его похоронили заживо. Убийца ушел, ко Флей не поддался смерти. Ему требовалась помощь. Он должен был добраться до…

До врача, Хедли. Вы спрашивали вчера, почему Флей шел в другую сторону улицы, в тупик. Именно там, как вы знаете, живет врач, к которому

Флея потом и доставили. Смертельно раненный, но не убитый, Флей поднимается. На нем шляпа и пальто. Он прячет в карман вложенный ему в руку револьвер, который еще может ему пригодиться, спускается вниз и направляется, стараясь ступать твердо, посредине безлюдной улицы. Он идет…

Вы спрашивали себя, почему Флей, шагая посредине улицы, тревожно оглядывался по сторонам? Очевидно, потому, что знал: убийца прячется где-то рядом в засаде и может напасть снова. Но ему показалось, что опасность миновала. Впереди быстро шли двое мужчин. Он минует освещенную витрину ювелирного магазина. Впереди справа уличный фонарь…

А Гримо? Гримо понимал, что его никто не преследует, хотя вернуться на крышу он не решался. Но минутку! Ведь можно выглянуть на улицу и удостовериться, все ли там спокойно. Ему ничего не угрожает, превосходно. В доме, где живет Бернаби, никого нет. Гримо медленно спускается по лестнице и осторожно открывает дверь. Пальто он расстегнул, когда наматывал па себя веревку. Выглянув на улицу, он попадает в свет уличного фонаря, который стоит как раз напротив этой двери. Лицом к нему посредине улицы идет чело-

век, которого он оставил мертвым в другом доме меньше десяти минут назад.

Братья в последний раз оказались с глазу на глаз.

Белая рубашка Гримо в свете уличного фонаря отличная мишень, и Флей, сходивший с ума от боли и отчаяния, уже не колеблется. Он выхватывает револьвер, кричит: «Вторая пуля — для тебя!» — и стреляет. Это стоит ему очень больших усилий. Кровотечение становится еще больше, он это знает, он снова кричит, бросает в сторону Гримо теперь уже разряженный револьвер и падает ничком. Это тот выстрел, который слышали трое свидетелей с Калиостро-стрит. Пуля попала Гримо в грудь именно тогда, когда он, отшатнувшись назад, хотел закрыть дверь.

РАЗГАДКА

— А дальше? — спросил Хедли, когда доктор Фелл замолчал и наклонил голову.

— Трое свидетелей, конечно, не видели Гримо, — после длительной паузы, тяжело вздохнув, отозвался доктор Фелл. — Не видели потому, что он не выходил из дома на ступеньки крыльца и до него было свыше двадцати футов от того, кого, как считали, убили посредине заснеженной безлюдной улицы. Смертельно раненный Флей истекал кровью. На оружии не осталось отпечатков пальцев — снег смыл их в буквальном смысле слова.

— Господи! — проговорил Хедли так спокойно, будто делал официальное заявление. — Этим все и объясняется. Надо же, я об этом и не подумал… А что делает Гримо?

— Гримо находится в доме. Получив пулю в грудь, он, однако, не считает, что ранен серьезно. На его взгляд, ему выпадали испытания куда более трудные, чем пуля. В конце концов получив то, что он хотел сделать себе сам — рану, — он рассмеялся. Этот смех и слышали свидетели.

Но план Гримо провалился. Он не знает, что

Флей уже мертв, ведь он видел того на улице, державшего револьвер в руке. Рана от пули причиняла Гримо острую боль. То, что часы в витрине ювелирного магазина спешили, было ему на руку, но как он мог знать, что они спешат! Теперь Гримо был уверен только в том, что Флея уже не обнаружат как самоубийцу в его маленькой комнате. Возможно, он и был тяжелораненым, рассуждал Гримо, но он еще способен разговаривать с полицейским, который бежал к нему по улице. Если не придумать ничего толкового, его, Гримо, ждет виселица — ведь теперь Флей не будет молчать.

Все это приходит ему в голову сразу после выстрела. Он не может оставаться больше в темном коридоре. Лучше посмотреть на рану и проверить, не осталось ли где следов крови. Где это сделать? Конечно, наверху, в квартире Бернаби Гримо идет наверх, открывает дверь, включает свет, освобождается от намотанной на него и теперь уже ненужной веревки. Теперь он не может сделать вид, будто Флей приходил к нему. В эту минуту тот, наверное, уже разговаривает с полицией.

Гримо осматривает свою рану. Подкладка светлого твидового пальто и одежда — в крови, но

сама рана невелика. Он достает носовой платок и клейкую ленту, закрывает рану и останавливает кровотечение. Кароля Хорвата ничто не может убить, и он позволяет себе посмеяться по этому поводу. Успокоившись, самоуверенный как всегда Гримо приводит себя в порядок — отсюда кровь в ванной комнате — и пытается собраться с мыслями, Который час? Господи! Он опаздывает! Пока его не поймали, надо убираться отсюда, надо спешить домой.

Свет остается включенным. Когда свет, нагорев на шиллинг, отключился, мы не знаем. По крайней мере не раньше, чем через три четверти часа, после того, как его видела Розетта.

По дороге домой Гримо, видимо, вновь начинает размышлять. Его разоблачили? Кажется, этого не миновать. И все-таки неужели нет никакой лазейки, какой-нибудь надежды, пусть даже самой слабой? Видите ли, джентльмены, Гримо, несмотря ни на что, — боец. Душа у Гримо была не одного черного цвета. Он мог убить брата, но я не совсем уверен, мог ли он убить друга или женщину, которая его любит. Так или иначе, он лихорадочно ищет выход. Осталась одна возможность, рассуждает он, необычайно шаткая и почти безнадежная, единственная: выполнить

задуманный план до конца и изобразить дело так, будто Флей пришел к нему и ранил его, Гримо, у него дома. Револьвер у Флея. Гримо скажет, а свидетели подтвердят, Что он не выходил из дома весь вечер. Свидетели могут присягнуть, что Флей у него был все-таки, и пусть тогда проклятая полиция попробует что-нибудь доказать! Почему бы и нет? Снег? Снег перестал и замел следы Флея… Это был последний — сомнительный, дьявольский, дерзкий, но единственный — выход из этих чрезвычайных обстоятельств…

Флей стрелял в него приблизительно без двадцати десять. Он приходит домой без четверти десять или чуть позже. Как войти в дом, не оставляя следов от ног на снегу? Для Гримо, с его телосложением, как у быка, и только легко раненного, это не трудно сделать. Между прочим, я придерживаюсь мысли, что он был действительно ранен легко и если бы он не сделал того, что сделал, его бы повесили. Теперь надо спуститься по ступенькам до двери в полуподвальное помещение, как он и планировал. Но как? На ступеньках лежит снег. Но ведь вход в полуподвальное помещение помещается рядом с соседним домом, разве не так? Именно так. А там над дверью есть выступ, нависающий над

ступеньками. Значит, внизу, перед самой дверью в полуподвальное помещение, снега нет. Если он доберется туда, не оставив следов…

Да, он доберется. Он зайдет с другой стороны, будто идет к двери соседнего дома, а потом спрыгнет вниз на чистое место. Вспоминаю, кто-то слышал глухой звук, будто что-то упало вниз, — как раз перед тем, как зазвонил звонок у главного входа.

— Но он же не был возле главного входа и звонить не мог!

— Он звонил, только изнутри. А в дом вошел через полуподвальное помещение, где его ожидала Эрнестина Дюмон. Дальше они собирались осуществлять обман вдвоем.

— Итак, мы подходим к обману, — сказал Хедли. — Как это было сделано? И откуда вы знаете, как?

Доктор Фелл откинулся назад, сложил ладони и задумался, будто расставляя факты в определенном порядке. Наконец он ответил:

— Откуда я знаю? Ну, самое первое объяснение — вес этой куртины. — Он небрежно показал на большое, прислоненное к стене изрезанное полотно. — Да, да, джентльмены, именно вес картины. Она не имела особого значения, пока я

не вспомнил еще кое о чем.

— Вес картины?.. — буркнул Хедли. — Ага, картина… Я и забыл о ней. Но какую роль играет в этом проклятом деле картина? Что Гримо собирался с нею делать?

— Гм… Ну, да… Видите, это как раз то, что меня удивило.

— Но при чем тут вес картины? Она не очень тяжелая. Вы сами поворачивали ее к свету, подняв одной рукой.

— Совершенно верно! — возбужденно сказал доктор Фелл. — Вы попали в цель! Я поднимал ее одной рукой и поворачивал. Но почему тогда наверх ее несли два человека — возчик и еще кто-то?

— Что?!

— Да, да. Вы сами это знаете. Мы слышали об этом два раза. Гримо, забирая картину из мастерской Бернаби, легко снес ее вниз. А когда после обеда он с этой самой картиной вернулся сюда, наверх ее должны были уже нести двое мужчин. Где она вдруг набрала такой большой вес? Сами видите, она не под стеклом. Где был все это время Гримо — с утра, когда он купил картину, и до тех пор, пока привез ее домой? Она слишком велика, чтобы он носил ее с собой просто так, для

удовольствия. Почему Гримо настаивал, чтобы Бернаби ее завернул?

Не очень трудно сделать вывод: он использовал картину с целью скрыть еще что-то, что принесли вместе с нею наверх. Что-то очень большое, величиной семь футов на четыре. Гм…

— Но там ничего не было, — возразил Хедли. — Иначе бы мы нашли это тут, в этой комнате. Разве не так? Кроме того, эта вещь должна быть совершенно плоской, а то бы ее сразу заметили под оберткой. Что может быть величиной семь футов на четыре, но одновременно тонкое и незаметное под оберткой картины? Что имеет размеры картины, но при этом, когда нужно, его можно спрятать от чужих глаз?

— Зеркало, — ответил доктор Фелл.

Наступила глубокая тишина. Хедли поднялся со стула. Доктор Фелл медленно продолжил:

— Его можно спрятать от чужих глаз в этом широком дымоходе, куда мы все пытались просунуть кулаки. Спрятать, поставив на выступ в середине. Не нужно никакого волшебства. Достаточно только быть сильным в руках и плечах.

— Вы имеете в виду этот чертовский сценический фокус?! — воскликнул Хедли.

— Новый вариант сценического фокуса, — по-

правил его доктор Фелл. — И очень практичный, если вам нужно им воспользоваться. А теперь посмотрите на эту комнату. Вот дверь. А что вы видите на стене напротив двери?

— Ничего, — ответил Хедли. — Только то, что стена обшита панелями, а книжный шкаф отодвинут далеко в сторону.

— Правильно. А какую-нибудь мебель между дверью и этой стеной вы видите?

— Нет.

— Итак, если смотреть в комнату из зала, видны только темный ковер и пустая, обшитая дубовыми панелями стена, да?

— Да.

— А теперь, Тед, откройте дверь и посмотрите в зал, — попросил доктор Фелл. — Какой там ковер и стена?

— Такие же, — ответил Рempол, выполнив просьбу, хотя отлично знал это и раньше. — На полу, до самых плинтусов — сплошной ковер, такого же цвета, как в комнате, и такие же панели на стенах.

— Верно. Между прочим, Хедли, — нехотя продолжал доктор Фелл, — вы можете вытащить это зеркало из-за книжного шкафа. Оно там со вчерашнего полудня, когда Дреймен нашел его в

дымоходе. Проведем небольшой эксперимент. Я не думаю, что кто-нибудь из домашних нам помешает. Я попрошу вас, Хедли, поставить зеркало прямо перед дверью — так, чтобы, когда ее открывают, до зеркала оставалось несколько дюймов. Из зала дверь открывается внутрь и вправо.

Старший инспектор с некоторым усилием вытащил зеркало из-за книжного шкафа. Оно было на несколько дюймов выше и шире, чем дверь. Для того, чтобы зеркало стояло ровно, его поддерживала тяжелая поворотная опора, — если смотреть на нее, опора была с правой стороны. Хедли с интересом рассматривал зеркало.

— Поставить перед дверью? — переспросил он.

— Да. Приоткрыв немного дверь, вы увидите… Попробуйте!

— Хорошо. Но если сделать так, тогда тот, кто сидит в комнате в противоположном конце зала, где сидел Миллз, увидит прямо посредине зеркала свое отображение.

— Ничуть. Под этим углом, под которым я его сейчас поставлю, не увидит. Пока я прилаживаю зеркало, вы вдвоем идите туда, где был Миллз. И не оглядывайтесь, пока я вам не крикну.

Хедли, бормоча, что это глупости, все же направился вслед за Ремполом, сгорая от любопытства.

Они не оглядывались, пока не услышали оклик Фелла.

В зале было полутемно. Темный ковер тянулся даже до закрытой двери. Рядом с дверью, будто усталый церемониймейстер перед открытием памятника, маячил доктор Фелл. Он стоял немного справа от двери, у стены и, протянув руку, держался за круглую, как шарик, ручку.

— Начинаем! — Доктор Фелл быстро открыл дверь, какое-то мгновение подержал ее открытой и снова закрыл. — Ну? Что вы видели?

— Я видел комнату внутри, — ответил Хедли. — Или по крайней мере мне так показалось. Видел ковер и заднюю стену. Комната была на вид очень большой.

— Ничего этого вы не видели, — возразил доктор Фелл. — В действительности вы видели изображение обшитой панелью стены справа от двери, около которой вы стоите, и ковер, который тянется до нее. Вот почему комната казалась такой большой. Вы видели ее двойную длину. Вы знаете, что зеркало больше, чем дверь. Отображения самой двери не видно, потому что она открывается внутрь, вправо. Присмотревшись внимательнее, вы могли бы увидеть линию, похожую на тень, вдоль верхнего края двери.

Зеркало в комнате выше двери и отражает ее верхний край. Но все ваше внимание привлечет фигура, которую вы увидите в дверном проеме. Между прочим, меня вы видели?

— Нет, вы стояли слишком далеко в стороне, только рукой держались за ручку.

— Совершенно верно. Я стоял так, как стояла мадам Дюмон. Прежде, чем я объясню, как сработал весь механизм, поставим еще один эксперимент. Вы, Тед, садитесь на стул перед столом, так, как сидел Миллз. Вы много выше его, но это лишь подтвердит мою идею. Я стану в стороне от открытой двери и буду смотреть на себя в зеркало. Теперь вы не можете меня не узнать — хоть спереди, хоть сзади. Скажите, что вы видите?

Эффект был поразительным. При тусклом свете в приоткрытых дверях стоял доктор Фелл и смотрел еще на одного доктора Фелла, который стоял на пороге и тоже удивленно смотрел на себя.

— Я не касаюсь двери, — услышали они голос.

Глядя, как шевелятся губы, Ремпол мог бы поклясться, что это говорит доктор Фелл, стоя в комнате. Зеркало отбрасывало голос назад, как резонатор.

— Кто-то, став по правую сторону от меня, любезно открывает и закрывает мне дверь. Я к

ней не прикасаюсь, потому что мое отражение должно было бы сделать то же самое. Что вам еще бросается в глаза? Быстро!

— Один из вас намного выше, — сказал Рем-пол.

— Кто именно?

— Вы сами, фигура в зале.

— Совершенно верно. Во-первых, это потому, что вы видите ее на расстоянии, и особенно потому, что сидите. Для человека такого роста, как Миллз, я имел бы вид великана. Гм… Ага… Теперь, если я сделаю быстрое движение, чтобы войти в эту дверь — допустим, я способен на такой маневр, — и одновременно мой сообщник справа тоже сделает неожиданно быстрое движение и закроет за мной дверь, тогда фигура внутри…

— …бросится навстречу вам, будто для того, чтобы помешать вам войти.

— Именно так. А теперь пойдем почитаем показания, если у Хедли они есть.

Когда мимо зеркала, которое Хедли отодвинул в сторону, они снова вошли в комнату, доктор Фелл, тяжело дыша, опустился на стул.

— Извините, джентльмены, я должен был бы все это понять уже давно, еще тогда, когда слушал подробные показания Миллза. Разрешите, я

попытаюсь припомнить и повторить его слова. Слушайте внимательно, Хедли, Гм… — Доктор Фелл постучал себя суставами пальцев по лбу и нахмурился. — Миллз сказал: «…мадам Дюмон… уже собиралась постучать, когда я увидел, что вслед за нею идет высокий человек. Оглянувшись, она тоже увидела его и начала ему что-то говорить… Высокий человек, не отвечая, подошел к двери, неторопливо отвернул воротник пальто, снял кепку и засунул ее в карман…»

Понимаете, джентльмены? Он должен был сделать так, чтобы его изображение не могло быть в кепке и в пальто с поднятым воротником. Фигура внутри комнаты должна была быть в халате. Но меня удивило, почему он, так заботливо сделав это, не сбросил маску.

— Хорошо. А что с маской? Миллз говорит, что не…

— Миллз не видел, чтобы он снимал маску. Я вам объясню, почему. Послушаем Миллза дальше: «…мадам Дюмон, что-то воскликнув, отступила от стены и поспешила открыть дверь. На пороге появился профессор Гримо…»

Появился! Это именно то, что он сделал. Наш свидетель чрезвычайно точен. А мадам Дюмон? Тут она допустила первую ошибку. Испуган-

ная женщина, глядя на ужасную фигуру перед дверью комнаты, в которой был тот, кто мог ее защитить, не отшатнулась бы, а бросилась бы к этой двери в поисках защиты. Миллз уверяет, что профессор Гримо был без очков. Конечно, они бы не подходили к маске. Для человека же в комнате, естественно было бы, по моему мнению, надеть очки. А Гримо, по свидетельству Миллза, стоит столбом, держа руки в карманах. Дальше — вообще какая-то чертовщина. Миллз говорит: «У меня сложилось впечатление, будто мадам Дюмон, хотя она и отступила к стене, закрыла за ним дверь. Как я помню, ее рука лежала на дверной ручке».

И это также неестественное для нее поведение. Она ему возразила, но Миллз говорил правду. — Доктор Фелл махнул рукой. — Дальше рассказывать не стоит. Но тут возникает вопрос. Если Гримо был в комнате один, если он вошел туда через свое собственное изображение, то что произошло с его одеждой? Что произошло с тем длинным черным пальто, с коричневой кепкой, даже с его искусственным лицом? В комнате ничего этого не оказалось. Тогда я вспомнил, что когда-то Эрнестина Дюмон шила костюмы для оперного театра. Я вспомнил то, что нам сказал

О'Рурк, и знаю...

— Что?

— ...что Гримо все сжег, — сказал доктор Фелл. — Одежда его была из бумаги, как и у всадника, о котором рассказывал О'Рурк. Он не мог рисковать и долго жечь настоящую одежду в этом камине. Он должен был спешить. Все надо было быстро порвать и уничтожить. А комки чистой почтовой бумаги надо было сжечь сверху, чтобы прикрыть цветную бумагу, из которой была сделана одежда. «Опасные письма»! Черт побери! Мало убить себя за такие мысли! — Он сжал кулак. — Ведь не выявлено никаких следов, которые вели бы к ящику в столе, где он держал свои важные бумаги. Была и еще одна причина жечь бумаги: это — скрыть следы от «выстрела». — Выстрела?

— Не забывайте, что револьвер должен был выстрелить в этой комнате. А свидетели слышали взрыв ракеты, украденной у Дреймена из припасов, которые тот держит для фейерверков в ночь Гая Фокса. Дреймен заметил пропажу, и, думаю, понял, что к чему, а потому и бормотал что-то о фейерверке. Кусочки толстого картона разлетелись по комнате. Картон горит плохо, и надо было проследить, чтобы эти кусочки сгорели, или скрыть их под целой кучей бумаг. Несколько

кусочков я нашел. Конечно, никакой пули не было. В современных патронах для «кольта» порох бездымный, он дает только запах. А в этой комнате, даже при открытом окне, стоял дым.

Давайте подведем итоги. На Гримо была длинная черная бумажная «униформа» — пальто с блестящими лацканами, которое с поднятым воротником напоминало халат. Прежде чем появиться перед зеркалом, он сбросил бумажную кепку с прикрепленной к ней маской и засунул ее в карман. Настоящий халат, между прочим, был в этой комнате. Черную «униформу» он неосмотрительно повесил в гардеробной комнате внизу. Там ее увидел Менген. Как только он вышел, осторожная мадам Дюмон спрятала ее в более надежном месте. Конечно, желтого твидового пальто она там не видела. Гримо, который был наверху, должен был выйти в нем выполнять свой план. Но вчера в конце дня это пальто нашли в гардеробной комнате, и мадам Дюмон должна была сказать, будто там оно было все время. Отсюда и пальто-хамелеон.

Теперь вы можете себе представить, что произошло в субботу вечером после того, как Гримо убил Флея и, получив пулю, сам вернулся в свой дом. Ему и его сообщнице пришлось поволновать-

ся. Видите ли, джентльмены, Гримо опаздывал. Он должен был прийти до девяти тридцати, а его не было до девяти сорока пяти. Чем дольше он задерживался, тем ближе его время, которое он назвал Менгену. Ведь Менген ждал посетителя, за которым должен был следить. Это становилось опасным, и я допускаю, что Гримо чуть не сошел с ума от беспокойства. Он пробрался к полуподвальному помещению, где его ожидала сообщница. Твидовое пальто с пятнами крови они повесили в гардеробной комнате с тем, чтобы вскоре забрать его оттуда. (Но не забрали, потому что Гримо умер.) Дюмон осторожно просунула руку в дверь, нажала с улицы на звонок и пошла будто бы открывать дверь, а Гримо в это время надевал «униформу». Но пауза оказалась слишком долгой, и Менген спросил, кто там. Гримо, еще не совсем успокоившись и не желая, чтобы его обнаружили, сделал грубую ошибку. Он зашел слишком далеко, а потому, чтобы удовлетворить детское любопытство Менгена, назвался Петтисом и закрыл в вестибюле дверь в гостиную, где тот находился с Розеттой. Такой низкий голос, как у Гримо, только у Петтиса. Да, это была ошибка. Правда, она вполне объяснима — единственным желанием Гримо было увернуться, подобно

футболисту с мячом, которого преследуют противники, и избежать опасности.

Обман удался. Гримо оказался один в своей комнате. Его пиджак, возможно, с пятнами крови забрала мадам Дюмон. Ему теперь предстояло только закрыться в комнате, надеть настоящий халат, уничтожить бумажную «униформу» и спрятать зеркало в дымоход.

Это, повторяю еще раз, привело к трагическому концу. Кровотечение началось снова. Обычный человек, да еще раненный, не выдержал бы того напряжения, которое уже испытал Гримо. Его убила не пуля Флея. Его легкие разорвались, будто гнилые кусочки резины, когда, прилагая необычайные усилия, он поднимал зеркало в тайник. И Гримо это понял. Последним усилием, ухватившись за диван и опрокинув на бок стул, он бросает в огонь ракету. После всех его планов и хитростей мир перед ним переворачивается и медленно становится черным. Гримо пытается крикнуть и не может, так как кровь заливает ему горло, В этот момент Шарль Гримо понял внезапно то, во что никогда не верил, — терпит неудачу самый дерзкий обман в его горькой несправедливой жизни.

— Что было дальше?

— Гримо знал, что умирает, — продолжал доктор Фелл. — И самое удивительное, — несмотря на то, что не осуществились все его планы, был этому рад.

Снова пошел снег. Свинцово-серый день стал еще более пасмурным. Голос доктора Фелла таинственно звучал в прохладной комнате. Никто не заметил, как дверь открылась и на пороге появилась фигура женщины с обреченным выражением лица. Обреченное выражение лица, черное платье, но на плечи, во имя любви к покойному, накинута яркая красно-желтая шаль.

— Видите ли, джентльмены, он сознался, — монотонным голосом продолжал доктор Фелл, — Он пытался сказать нам правду о том, как убил Флея, как в свою очередь Флей убил его. Но мы Гримо не понимали. Только часы помогли мне понять, что произошло на Калиостро-стрит. Вот так.

Припомните его последние слова перед смертью: «сто сделал мой брат. Я не думал, что он будет стрелять. Бог его ведает, как он выбрался из той комнаты. Был только что там, и вот его уже нет… Хочу сказать вам, кто мой брат, чтобы вы не подумали, будто мои слова — бред».

— Он имел в виду комнату Флея на Калиостро-стрит, где оставил брата умирать? — спросил

Хедли.

— Да. И страшное потрясение, которое пережил, когда открыл дверь дома, у которой светил уличный фонарь. Кроме того, он, конечно, не думал, что о Флее кому-нибудь известно. А теперь вспомните его беспорядочные, недосказанные слова, которыми он, зная, что умирает, пытался нам все объяснить. Сперва Гримо хотел сказать нам о Хорватах, о соляной шахте, но тут же перескочил на убийство Флея и на то, что Флей сделал ему. «Не самоубийство». Увидев Флея на улице, он не мог уже выдать смерть брата за самоубийство, как планировал. «Не получилось с веревкой». О Флее после этого нельзя было подумать, что он воспользовался веревкой, которую Гримо бросил как ненужную. «Крыша». Гримо имел в виду крышу не этого дома, а другую, ту, по которой он шел, оставив комнату Флея. «Снег». Снег перестал идти и поломал его планы. «Слишком яркий свет». Тут большой вопрос, Хедли. Когда он выглянул на улицу, там был очень яркий свет от уличного фонаря. Флей опознал его и выстрелил. «Револьвер». Естественно, у Флея тогда был револьвер. «Гай». Маска Гая Фокса, которой Гримо воспользовался. И наконец, «Не сваливайте на беднягу…» Он имел в виду не Дреймена. Думаю,

это была его последняя просьба: простите за то, что ему было стыдно, — за тот обман, который он совершил. «Не сваливайте на беднягу Петтиса, он ни при чем, я не хотел его впутывать».

Все долго молчали.

— Да, — грустно сказал Хедли. — Да… Все понятно, кроме одного. Зачем изрезали картину и куда девался нож?

— Думаю, изрезанная картина — это еще одна деталь изощренного обмана. Куда делся нож? Откровенно говоря, не знаю. Возможно, Гримо положил его рядом с зеркалом в дымоход. Но там его сейчас нет. Наверное, Дреймен вчера взял его и куда-то дел.

— Ошибаетесь, — послышался голос от двери. — В этом вы ошибаетесь.

Там стояла Эрнестина Дюмон. Сложив руки на груди, она усмехалась.

— Я все слышала. Может, вы меня бы повесили, а может, нет. В конце концов это не имеет значения. После многих лет жизни бок о бок с Шарлем мне в этом мире нечего делать одной. Нож взяла я, джентльмены. Он предназначен для определенной цели.

Она довольно усмехнулась. Глаза у нее блестели. Рем-пол увидел, что мадам Дюмон прятала

под шалью. Неожиданно она покачнулась и упала лицом вперед. Подхватить ее никто не успел. Доктор Фелл медленно поднялся со стула, медленно подошел к ней, посмотрел на нее и, побледнев, сказал:

— Я совершил еще одно преступление, Хедли. Я снова разгадал правду.